

Записки путешественников

XIV в., первая половина. – Описание Югорской земли в составе Золотой орды в сочинении Шихабеддина Абулаббаса Ахмеда Ибнфадлаллаха Эломари «Пути взоров по государствам разных стран»

Автор историко-географического труда, отрывок из которого публикуется, служил в должности секретаря при султани Египта Эльмелик-Эннасыре. Известно, что Шихабеддин Абулаббас Ахмед Ибнфадлаллах Эломари скончался в 749 г. хиджры (1348–1349) в возрасте 49–52 лет в Дамаске. Сведения о Сибири черпались им из расспросов лиц, посещавших эти или близлежащие места с купеческими или дипломатическими задачами, либо государственных деятелей, слышавших такого рода рассказы.

Номан говорил: начинается ширина этого государства от Демиркапу – это город из построек Искендера [Александра Великого]; были там [прежде] железные ворота, которых теперь нет, [и простирается] до земель Югорских. Длина его [Кипчака] от вод Иртыша – он больше Нила египетского [и] течет по большей части земель Хатайских – до Стамбула, и эта длина [даже] заходит несколько далее, до страны, называемой Немедж. Страна Немедж, говорил он, лежит посередине между землями русских и франков. Купцы наших стран, говорил он, не забираются дальше города Булгара; купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера. Позади их [уже] нет поселений, кроме большой башни, построенной Искендером на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а [находятся] только мраки. Спросили его: «Что это у тебя за мраки?» Он сказал: «Пустыни и горы, которых не покидают снег и мороз; над ними не восходит солнце; в них не растут растения и не живут никакие животные; они тянутся вдоль до Черного моря; там беспрерывно бывают дождь и густой туман и решительно никогда не встает солнце». Рассказывают, говорит Номан, что Искендер, проходя мимо крайних, ближайших к населенным местам предгорий «мраков», увидел там людей тюркского племени, весьма похожих на зверей; никто не понимает языка их. Когда кто-нибудь схватит одного из них, то они ускользают из рук его. Питаются они растениями соседних им гор. Когда они подвергаются засухе, то поедают друг друга. Он [Александр Великий] прошел мимо них и не тронул их.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. СПб., 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. С. 240–241.

1546 г. – Сигизмунд Герберштейн. Путь к Печоре, Югре и до самой реки Оби

Сигизмунд Герберштейн (1486 – 1566) – немецкий дипломат и путешественник. Находясь (с 1517 г.) на службе при дворе императора Максимилиана I, выполнял поручения дипломатического характера. Посетил с дипломатическими миссиями многие европейские страны, в том числе дважды Русь, в 1517 и 1526 гг., в качестве посредника на переговорах советников великого князя всея Руси Василия III с послами великого князя литовского и короля польского Сигизмунда I.

Одаренный живым, проницательным умом, наблюдательностью, владевший немецким, латинским и славянскими языками, Герберштейн с увлечением изучал историю Русского государства и соседних с ним стран и народов Восточной, Центральной, отчасти Северной Европы и Азии (в основном Зауралья и Западной Сибири). По богатству географических, этнографических и исторических данных и их достоверности его главный труд «Записки о Московских делах» является одним из наиболее заметных источников по русской истории среди иностранных сочинений о России в XVI–XVII вв.

Владения московского государя простираются далеко на восток и несколько к северу до нижеперечисленных мест. Мне достали одно их описание на русском языке, содержащее расчет пути¹. Я перевел его и вставил сюда, проверив расчеты. Хотя те, кто

едет туда из Москвы, пользуются весьма торной кратчайшей дорогой от Устюга и Двины через Пермию², (но зато) от Москвы до Вологды считается пятьсот верст; от Вологды до Устюга [направо] вниз по реке (Вологде) и по Сухоне, с которой она соединяется, пятьсот верст; эти реки под городом Стрельный (Streltze)³, в двух верстах ниже Устюга, соединяются с рекой Юг, текущей с полудня; от ее устья до истоков насчитывается свыше пятисот верст. Но по своем слиянии Сухона и Юг теряют прежние имена и принимают имя Двина. Затем через пятьсот верст по Двине можно добраться до Холмогор; в шести днях пути оттуда Двина впадает в океан шестью устьями. Наибольшую часть этого пути совершают водой, так как сухим путем от Вологды до Холмогор с переправой через Вагу тысяча верст. Недалеко от Холмогор, пройдя семьсот верст, впадает в Двину река Пинега, которая течет с востока, с правой стороны. От Двины через двести верст по реке Пинеге – место, называемое Николаевым (Никольским?) (Nicolai), где на расстоянии полуверсты суда перетаскивают в реку Кулой (Kuluio), а река Кулой начинается на севере из озера того же названия; от ее истоков шесть дней пути до ее устья, где она впадает в океан. При плавании вдоль правого берега моря минуются следующие [владения]: Становище (Stanuwische)⁴, Calunczcho (Caluntzo) и Арну. Обогнув мыс Карновский Нос (Chorogoski Nosz) и Становище, Каменку (Camenkh) и Толстый (Tolstickh), попадешь наконец в реку Мезень (Mezen, Metzen), по которой через шесть дней пути доберешься до одноименной деревни (Fleckhen), расположенной в устье реки Пезы (Piesza). Поднимаясь по ней снова налево на северо-восток, после трехнедельного пути встретишь реку Piescoya. Оттуда пять верст волокут суда [в два озера] и открываются две дороги. Одна из них, с левой стороны, ведет в реку Рубиху (Rubicho), по которой можно добраться в реку Чирку (Czircho). Другие волокут суда иной дорогой, более короткой: из озера прямо в Чирку; из нее, если не задержит погода, через три недели попадешь к устью реки Цильмы (Czilme, Cilma), впадающей в большую реку Печору, которая в том месте простирается на две версты в ширину. Спустившись туда, через шесть дней пути достигают города и крепости Пустозерска (Pustoosero)⁵, около которого Печора шестью устьями впадает в океан. Жители этой местности, люди простодушные, впервые приняли крещение в 1518 году по рождестве Христовом. Если плыть по Печоре от устья Цильмы до устья реки Усы (Ussa), то это займет один месяц. Истоки же Усы находятся на горе Земной Пояс (Poyas Semnoi)⁶, лежащей налево от северо-востока; она стекает с огромной скалы той горы, называемой Большой Камень (Camen Bolschoi). От истоков Усы до ее устья свыше шести тысяч верст. [Печора течет с юга, (т.е.) с зимней стороны], если подниматься по ней от устья Усы до устья реки Щугор (Stzuchogora, Schuchogora), то это займет три недели пути. Те, кто писал этот дорожник, говорили, что они отдыхали между устьями рек Щугора и Подчерема (Potscheriema) и сложили привезенные с собой из России припасы в соседней крепости Strupili, которая расположена у русских берегов на горах справа. За реками Печорой и Щугором у горы Каменный Пояс (Camenpoyas), опять-таки у моря, на соседних островах и около крепости Пустозерска обитают разнообразные и бесчисленные народы, которые зовутся одним общим именем «самоядь» (Samoged, Szamoyed), т. е., так сказать, «едящие самих себя»⁷. Там великое множество птиц и разного зверя, каковы, например, соболя, куницы, бобры, горностаи, белки и в океане животное-морж [о котором сказано выше], а кроме того, wess⁸, а также белые медведи, волки, зайцы, джигетай (equiwoduan), киты, рыба по имени семга (semfi) [и очень много других]. Эти племена не приходят в Московию, ибо они дики и избегают сообщества и сожительства с другими людьми. От устья Щугора вверх по реке до Пояса (Poiassa), Artawische, Камня (Cameni) и Большого Пояса (maior Poiassa, der grosse P.) три недели пути. Восхождение на гору Камень (Camen) занимает три дня; спустившись с нее доберешься до реки Artawische, оттуда – до реки Sibut, от нее – в крепость Ляпин (Lepin), от Ляпина – до реки Сосьвы (Sossa). Живущие по этой реке зовутся вогуличами (Wogulici)⁹. Оставив Сосьву справа, доберешься до реки Оби, которая берет начало из

Китайского (Kitaisko) озера. Через эту реку они едва переправились за целый день, да и то при быстрой езде: она столь широка, что тянется почти на восемьдесят верст. По ней также живут народы вогуличи и югричи¹⁰. Если подниматься от Обской (Obca) крепости¹¹ по реке Оби к устью реки Иртыша (Irtische), в который впадает Сосьва, то это займет три месяца пути. В этих местах находятся две крепости: Ером (Ierom, Ieron)¹² и Тюмень (Tumen), которыми владеют господа князья (knesi) югорские, платящие, как говорят, дань великому князю [московскому]. Там водится великое множество зверей и (добывается) огромное количество мехов.

От устья реки Иртыша до крепости Grustina два месяца пути, отсюда до Китайского (Kitai) озера по реке Оби, которая, как я сказал, берет свое начало из этого озера, более трех месяцев пути. От этого озера в весьма большом числе приходят черные люди (homines nigri, Schwartze leut), не владеющие общепонятной речью (sermo communis), и принося с собой разнообразные товары, которые покупают народы грустинцы (Grustintzi) и серпоновцы (Serponowtzi). Эти последние получили имя от крепости Серпонов (Serponow) в Лукоморье (Lucomorua), лежащем на горах за рекой Обью. Рассказывают, что с людьми из Лукоморья происходят удивительные, невероятные и весьма похожие на басню (вещи), именно: говорят, будто каждый год, и точно 27 ноября, в день, посвященный у русских святому Георгию, они умирают, а на следующую весну, [чаще всего к] 24 апреля, оживают наподобие лягушек снова. Народы, грустинцы и серпоновцы, ведут с ними необыкновенную и невиданную нигде более торговлю. Когда наступает время, установленное для их умирания или засыпания, они складывают товары на определенном месте; грустинцы и серпоновцы уносят их, оставив меж тем свои товары по справедливому обмену. Если те, снова возвратясь к жизни, увидят, что их товары унесены по слишком несправедливой цене, то [требуют их назад. От этого] между ними возникают частые раздоры и войны. Спускаясь по левой стороне от реки Оби (ab Oby fluvio parte sinistra descendendo; nach dem Obi abwärts nach der linckhen seitten geend), живет народ Calami, который переселился туда из Obiowa и Pogosa. В низовьях Оби до Золотой старухи (Aurea anus, die gulde Vetl), где Обь впадает в океан, находятся реки: Сосьва, Verezwa и Надым (Danadim), которые все берут начало с горы Камень Большого Пояса и примыкающих к ней скал. Все народы, обитающие от этих рек до Золотой старухи, считаются данниками государя московского.

Золотая баба (Slata baba), т. е. Золотая старуха, - это идол, стоящий при устье Оби в области Обдора (Obdora), на том (ulterior, jenig) берегу. По берегам Оби и по соседним рекам расположено повсюду много крепостей, правители (domini) которых, как говорят, все подчинены государю московскому¹³. Рассказывают, а выражаясь вернее, баснословят, будто идол Золотой старухи - это статуя в виде старухи, держащей на коленях (in gremio) сына, и там уже снова виден еще ребенок, про которого говорят, что это ее внук. Более того, будто бы она поставила там некие инструменты, издающие постоянный звук вроде труб. Если это и так, то я полагаю, что это происходит от сильно и постоянно дующего на эти инструменты ветра.

Река Cossin вытекает из Лукоморских гор; при ее устье находится крепость Cossin, которой некогда владел князь (knes) Венца (wentza), а ныне его сыновья. До этих мест от истоков большой реки Cossin два месяца пути. От истоков той же реки начинается другая река, Cassima, и, протекши через Лукоморье, она впадает в большую реку Tachnin, за которой, говорят, живут люди чудовищного вида: у одних из них, наподобие зверей, все тело обросло шерстью, у других собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы у них грудь или (у других) длинные руки, но без ног. В реке Tachnin водится также некая рыба с головой, глазами, носом, ртом, руками, ногами и другими частями (тела) совершенно человеческого вида, но без всякого голоса; она, как и прочие рыбы, представляет собой вкусную пищу.

Все, что я сообщил доселе, дословно переведено мною из доставленного мне русского дорожника. Хотя в нем, кажется, и есть кое-что фантастическое и едва

вероятное, как например сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой старухе, о людях чудовищного вида и о рыбе с человеческим образом, и хотя я сам также старательно расспрашивал об этом и не мог узнать ничего наверняка от какого-нибудь такого человека, который бы видел все это собственными глазами [впрочем, всеобщая молва утверждает, что это действительно так], все же мне не хотелось ничего опускать, предоставляя другим больше свободы в толковании сих вещей. [Поэтому я воспроизвел и те же названия местностей, какие существуют у русских.]

Nos по-русски значит «нос»; этим именем они в просторечии называют мысы, выдающиеся в море наподобие носа.

Горы вокруг Печоры называются Semnoj Poyas, т. е. Пояс Мира или Земли, ибо слово royas по-русски значит «пояс». От озера Китай получил имя великий хан китайский (magnus Chan de Chathaia, Chan des Khithai), которого московиты называют царем китайским (czar khythaiski). «Хан» на татарском языке значит «царь».

Лукоморье – приморская лесистая местность; тамошние обитатели живут, не имея никаких домов. Хотя составитель дорожника говорил, что весьма многие народы Лукоморья подвластны государю московскому, однако раз поблизости находится царство Тюмень, государь которого татарин и на их родном языке называется Tumenski czar, т. е. тюменским царем (rex in Tumen), и он не так давно причинил большой ущерб московиту, то весьма вероятно, что эти племена, будучи ему соседями, скорее ему и подчиняются.

У реки Печоры, о которой упомянуто в дорожнике, есть город и крепость Rapin или Rapinowgorod; жители его, говорящие на отличном от русского языке, называются Rapini. За этой рекой простираются до самых берегов (ее) высочайшие горы, вершины которых, вследствие постоянно дующего ветра, совершенно лишены всякого леса и едва ли даже не травы. Хотя в разных местах у них разные имена, но вообще они называются Поясом Мира (Cingulum mundi, Landts oder Ertrichs Gurtl). На этих горах гнездятся кречеты (gerofalcones, Geerfalckhen), [о которых скажем ниже, рассказывая о государевой охоте]. Там растут деревья кедры, среди которых водятся самые черные соболя. [Во владениях государя московского можно увидеть только] эти горы, [которые], вероятно, представлялись древним Рифейскими или Гиперборейскими. Так как они покрыты вечными снегами и льдом и перейти через них нелегко, то поэтому область Энгреланд и совсем неизвестна. Московский князь Василий, сын Иоанна, в свое время посылал для исследования мест за этими горами и для покорения (тамошних) народов через Пермью и Печору двух начальников из своих (приближенных): Симеона Федоровича Курбского, [названного так по своей отчине и] происходящего из рода (князей) ярославских, и князя (knes) Петра Ушатого (Uschatoi)¹⁴. Из них Курбский в мою бытность в Московии был еще жив и на мои расспросы об этом предмете отвечал, что он потратил семнадцать дней на восхождение на гору и все-таки не смог одолеть ее вершины, называемой на его родном языке Stolp, т. е. Столп (columna, Seyl). Эти горы тянутся к океану до устьев рек Двины и Печоры. Но довольно о дорожнике.

¹ Речь идет о дорожнике Герберштейна, вошедшего в науку под названием Югорского, считавшегося самым ранним описанием северо-востока Европейской части, так как аналогичные документы относятся к более позднему времени и описывают другие регионы.

² Герберштейн не мог объяснить несоответствие известного ему дорожника торговым путям первой четверти XVI в.: вместо того чтобы из Вологды по р. Сухоне, минуя Устюг, войти в Северную Двину, а затем в Вытегду, откуда путь к Уралу был хорошо проторен, Югорский дорожник предлагал опаснейший путь в приполярной области через систему порожистых рек и волоков по тайге и тундре. Вероятно, авторы Югорского дорожника сознательно стремились миновать центр Пермской подчиненной Москве и укреплявшей московское влияние епархии.

³ Город Стрельный, находившийся в 50 верстах от Устюга Великого.

⁴ Становище – «губа», залив, безопасное убежище от бурь, а также стоянка, место временного приюта, в особенности рыбаков. Термин известен с XIII в. В веиних становищах строились избы для жилья, амбары для хранения рыбы, летние иногда были лишены строений.

⁵ Город Пустозерск основан в 1499 г.

⁶ *Земной пояс (ниже – Каменный пояс, Камень, Большой пояс) – топонимы, обозначающие Урал или отдельные его края и вершины.*

⁷ *Этнонимом самоедь на Руси со времени Повести временных лет обозначали северные самодийские народы (энцев, ненцев, нганасан). Термин родствен лаппо-норвежскому same-aena.*

⁸ *Словом «вес» обозначался мамонт, от остяцкого иес с тем же значением.*

⁹ *Возуличи – старое название народа манси.*

¹⁰ *Югричами на Руси назывались ханты и манси.*

¹¹ *Речь, по-видимому, идет об Обдорске.*

¹² *Ером – Древний Нером, а позднее Верхотурье.*

¹³ *В титуле Василия III уже был титул «обдорский».*

¹⁴ *Речь идет о походе, состоявшемся в 1499/1500 г. при Иване III.*

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 156–161.

1546 г. – Сигизмунд Герберштейн. Путь к Печоре, Югре и до самой реки Оби

Сигизмунд Герберштейн (1486 – 1566) – немецкий дипломат и путешественник. Находясь (с 1517 г.) на службе при дворе императора Максимилиана I, выполнял поручения дипломатического характера. Посетил с дипломатическими миссиями многие европейские страны, в том числе дважды Русь, в 1517 и 1526 гг., в качестве посредника на переговорах советников великого князя всея Руси Василия III с послами великого князя литовского и короля польского Сигизмунда I.

Одаренный живым, проницательным умом, наблюдательностью, владевший немецким, латинским и славянскими языками, Герберштейн с увлечением изучал историю Русского государства и соседних с ним стран и народов Восточной, Центральной, отчасти Северной Европы и Азии (в основном Зауралья и Западной Сибири). По богатству географических, этнографических и исторических данных и их достоверности его главный труд «Записки о Московских делах» является одним из наиболее заметных источников по русской истории среди иностранных сочинений о России в XVI–XVII вв.

Владения московского государя простираются далеко на восток и несколько к северу до нижеперечисленных мест. Мне достали одно их описание на русском языке, содержащее расчет пути¹. Я перевел его и вставил сюда, проверив расчеты. Хотя те, кто едет туда из Москвы, пользуются весьма торной кратчайшей дорогой от Устюга и Двины через Пермью², (но зато) от Москвы до Вологды считается пятьсот верст; от Вологды до Устюга [направо] вниз по реке (Вологде) и по Сухоне, с которой она соединяется, пятьсот верст; эти реки под городом Стрельный (Streltze)³, в двух верстах ниже Устюга, соединяются с рекой Юг, текущей с полудня; от ее устья до истоков насчитывается свыше пятисот верст. Но по своем слиянии Сухона и Юг теряют прежние имена и принимают имя Двина. Затем через пятьсот верст по Двине можно добраться до Холмогор; в шести днях пути оттуда Двина впадает в океан шестью устьями. Наибольшую часть этого пути совершают водой, так как сухим путем от Вологды до Холмогор с переправой через Вагу тысяча верст. Недалеко от Холмогор, пройдя семьсот верст, впадает в Двину река Пинегга, которая течет с востока, с правой стороны. От Двины через двести верст по реке Пинегге – место, называемое Николаевым (Никольским?) (Nicolai), где на расстоянии полуверсты суда перетаскивают в реку Кулой (Kuluo), а река Кулой начинается на севере из озера того же названия; от ее истоков шесть дней пути до ее устья, где она впадает в океан. При плавании вдоль правого берега моря минуются следующие [владения]: Становище (Stanuwische)⁴, Calunczcho (Caluntzo) и Арну. Обогнув мыс Карновский Нос (Chorogoski Nosz) и Становище, Каменку (Camenkh) и Толстый (Tolstickh), попадешь наконец в реку Мезень (Mezen, Metzen), по которой через шесть дней пути доберешься до одноименной деревни (Fleckhen), расположенной в устье реки Пезы (Piesz). Поднимаясь по ней снова налево на северо-восток, после трехнедельного пути встретишь реку Piescoya. Оттуда пять верст волокут суда [в два озера] и открываются две дороги. Одна из них, с левой стороны, ведет в реку Рубиху (Rubicho), по которой можно добраться в реку Чирку (Czircho). Другие волокут суда иной дорогой, более короткой: из озера прямо в Чирку; из нее, если не задержит погода, через три недели попадешь к устью реки Цильмы (Czilme, Cilma), впадающей в большую реку Печору, которая в том месте простирается на две версты в

ширину. Спустившись туда, через шесть дней пути достигают города и крепости Пустозерска (Pustoosero)⁵, около которого Печора шестью устьями впадает в океан. Жители этой местности, люди простодушные, впервые приняли крещение в 1518 году по рождестве Христовом. Если плыть по Печоре от устья Цильмы до устья реки Усы (Ussa), то это займет один месяц. Истоки же Усы находятся на горе Земной Пояс (Poyas Semnoi)⁶, лежащей налево от северо-востока; она стекает с огромной скалы той горы, называемой Большой Камень (Camen Bolschoi). От истоков Усы до ее устья свыше шести тысяч верст. [Печора течет с юга, (т.е.) с зимней стороны], если подниматься по ней от устья Усы до устья реки Щугор (Stzuchogora, Schuchogora), то это займет три недели пути. Те, кто писал этот дорожник, говорили, что они отдыхали между устьями рек Щугора и Подчерема (Potscheriema) и сложили привезенные с собой из России припасы в соседней крепости Strupili, которая расположена у русских берегов на горах справа. За реками Печорой и Щугором у горы Каменный Пояс (Camenioias), опять-таки у моря, на соседних островах и около крепости Пустозерска обитают разнообразные и бесчисленные народы, которые зовутся одним общим именем «самоядь» (Samoged, Szamoyed), т. е., так сказать, «едящие самих себя»⁷. Там великое множество птиц и разного зверя, каковы, например, соболя, куницы, бобры, горностаи, белки и в океане животное-морж [о котором сказано выше], а кроме того, wess⁸, а также белые медведи, волки, зайцы, джигетай (equiwoduani), киты, рыба по имени семга (semfi) [и очень много других]. Эти племена не приходят в Московию, ибо они дики и избегают сообщества и сожителства с другими людьми. От устья Щугора вверх по реке до Пояса (Poiassa), Artawische, Камня (Camen) и Большого Пояса (maior Poiassa, der grosse P.) три недели пути. Восхождение на гору Камень (Camen) занимает три дня; спустившись с нее доберешься до реки Artawische, оттуда – до реки Sibut, от нее – в крепость Ляпин (Lepin), от Ляпина – до реки Сосьвы (Sossa). Живущие по этой реке зовутся вогуличами (Wogulici)⁹. Оставив Сосьву справа, доберешься до реки Оби, которая берет начало из Китайского (Kitaisko) озера. Через эту реку они едва переправились за целый день, да и то при быстрой езде: она столь широка, что тянется почти на восемьдесят верст. По ней также живут народы вогуличи и югричи¹⁰. Если подниматься от Обской (Obea) крепости¹¹ по реке Оби к устью реки Иртыша (Irtische), в который впадает Сосьва, то это займет три месяца пути. В этих местах находятся две крепости: Ером (Ierom, Ieron)¹² и Тюмень (Tumen), которыми владеют господа князя (knesi) югорские, платящие, как говорят, дань великому князю [московскому]. Там водится великое множество зверей и (добывается) огромное количество мехов.

От устья реки Иртыша до крепости Grustina два месяца пути, отсюда до Китайского (Kitai) озера по реке Оби, которая, как я сказал, берет свое начало из этого озера, более трех месяцев пути. От этого озера в весьма большом числе приходят черные люди (homines nigri, Schwartze leut), не владеющие общепонятной речью (sermo communis), и принося с собой разнообразные товары, которые покупают народы грустинцы (Grustintzi) и серпоновцы (Serponowtzi). Эти последние получили имя от крепости Серпонов (Serponow) в Лукоморье (Lusomogya), лежащем на горах за рекой Обью. Рассказывают, что с людьми из Лукоморья происходят удивительные, невероятные и весьма похожие на басню (вещи), именно: говорят, будто каждый год, и точно 27 ноября, в день, посвященный у русских святому Георгию, они умирают, а на следующую весну, [чаще всего к] 24 апреля, оживают наподобие лягушек снова. Народы, грустинцы и серпоновцы, ведут с ними необыкновенную и невиданную нигде более торговлю. Когда наступает время, установленное для их умирания или засыпания, они складывают товары на определенном месте; грустинцы и серпоновцы уносят их, оставив меж тем свои товары по справедливому обмену. Если те, снова возвратясь к жизни, увидят, что их товары унесены по слишком несправедливой цене, то [требуют их назад. От этого] между ними возникают частые раздоры и войны. Спускаясь по левой стороне от реки Оби (ab Oby fluvio parte sinistra descendendo; nach dem Obi abwärts nach der linckhen

seiten geend), живет народ Calami, который переселился туда из Obiowa и Pogosa. В низовьях Оби до Золотой старухи (Aurea anus, die gulde Vetl), где Обь впадает в океан, находятся реки: Сосьва, Berezwa и Надым (Danadim), которые все берут начало с горы Камень Большого Пояса и примыкающих к ней скал. Все народы, обитающие от этих рек до Золотой старухи, считаются данниками государя московского.

Золотая баба (Slata baba), т. е. Золотая старуха, - это идол, стоящий при устье Оби в области Обдора (Obdora), на том (ulterior, jenig) берегу. По берегам Оби и по соседним рекам расположено повсюду много крепостей, правители (domini) которых, как говорят, все подчинены государю московскому¹³. Рассказывают, а выражаясь вернее, баснословят, будто идол Золотой старухи – это статуя в виде старухи, держащей на коленях (in gremio) сына, и там уже снова виден еще ребенок, про которого говорят, что это ее внук. Более того, будто бы она поставила там некие инструменты, издающие постоянный звук вроде труб. Если это и так, то я полагаю, что это происходит от сильно и постоянно дующего на эти инструменты ветра.

Река Cossin вытекает из Лукоморских гор; при ее устье находится крепость Cossin, которой некогда владел князь (knes) Венца (wentza), а ныне его сыновья. До этих мест от истоков большой реки Cossin два месяца пути. От истоков той же реки начинается другая река, Cassima, и, протекши через Лукоморье, она впадает в большую реку Tachnin, за которой, говорят, живут люди чудовищного вида: у одних из них, наподобие зверей, все тело обросло шерстью, у других собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы у них грудь или (у других) длинные руки, но без ног. В реке Tachnin водится также некая рыба с головой, глазами, носом, ртом, руками, ногами и другими частями (тела) совершенно человеческого вида, но без всякого голоса; она, как и прочие рыбы, представляет собой вкусную пищу.

Все, что я сообщил доселе, дословно переведено мною из доставленного мне русского дорожника. Хотя в нем, кажется, и есть кое-что фантастическое и едва вероятное, как например сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой старухе, о людях чудовищного вида и о рыбе с человеческим образом, и хотя я сам также старательно расспрашивал об этом и не мог узнать ничего наверняка от какого-нибудь такого человека, который бы видел все это собственными глазами [впрочем, всеобщая молва утверждает, что это действительно так], все же мне не хотелось ничего опускать, предоставляя другим больше свободы в толковании сих вещей. [Поэтому я воспроизвел и те же названия местностей, какие существуют у русских.]

Nos по-русски значит «нос»; этим именем они в просторечии называют мысы, выдающиеся в море наподобие носа.

Горы вокруг Печоры называются Semnoj Poyas, т. е. Пояс Мира или Земли, ибо слово poyas по-русски значит «пояс». От озера Китай получил имя великий хан китайский (magnus Chan de Chathai, Chan des Khithai), которого московиты называют царем китайским (czar khythaiski). «Хан» на татарском языке значит «царь».

Лукоморье – приморская лесистая местность; тамошние обитатели живут, не имея никаких домов. Хотя составитель дорожника говорил, что весьма многие народы Лукоморья подвластны государю московскому, однако раз поблизости находится царство Тюмень, государь которого татарин и на их родном языке называется Tumenski czar, т. е. тюменским царем (rex in Tumen), и он не так давно причинил большой ущерб московиту, то весьма вероятно, что эти племена, будучи ему соседями, скорее ему и подчиняются.

У реки Печоры, о которой упомянуто в дорожнике, есть город и крепость Papin или Papinowgorod; жители его, говорящие на отличном от русского языке, называются Papini. За этой рекой простираются до самых берегов (ее) высочайшие горы, вершины которых, вследствие постоянно дующего ветра, совершенно лишены всякого леса и едва ли даже не травы. Хотя в разных местах у них разные имена, но вообще они называются Поясом Мира (Cingulum mundi, Landts oder Ertrichs Gurtl). На этих горах гнездятся кречеты

(gerofalcones, Geerfalckhen), [о которых скажем ниже, рассказывая о государевой охоте]. Там растут деревья кедры, среди которых водятся самые черные соболя. [Во владениях государя московского можно увидеть только] эти горы, [которые], вероятно, представлялись древним Рифейскими или Гиперборейскими. Так как они покрыты вечными снегами и льдом и перейти через них нелегко, то поэтому область Энгранеланд и совсем неизвестна. Московский князь Василий, сын Иоанна, в свое время посылал для исследования мест за этими горами и для покорения (тамошних) народов через Пермью и Печору двух начальников из своих (приближенных): Симеона Федоровича Курбского, [названного так по своей отчине и] происходящего из рода (князей) ярославских, и князя (knes) Петра Ушатого (Uschatoi)¹⁴. Из них Курбский в мою бытность в Московии был еще жив и на мои расспросы об этом предмете отвечал, что он потратил семнадцать дней на восхождение на гору и все-таки не смог одолеть ее вершины, называемой на его родном языке Stolp, т. е. Столп (columna, Seyl). Эти горы тянутся к океану до устьев рек Двины и Печоры. Но довольно о дорожнике.

¹ Речь идет о дорожнике Герберштейна, вошедшего в науку под названием Югорского, считавшегося самым ранним описанием северо-востока Европейской части, так как аналогичные документы относятся к более позднему времени и описывают другие регионы.

² Герберштейн не мог объяснить несоответствие известного ему дорожника торговым путям первой четверти XVI в.: вместо того чтобы из Вологды по р. Сухоне, минуя Устюг, войти в Северную Двину, а затем в Вычегду, откуда путь к Уралу был хорошо проторен, Югорский дорожник предлагал опаснейший путь в приполярной области через систему порожистых рек и волоков по тайге и тундре. Вероятно, авторы Югорского дорожника сознательно стремились миновать центр Пермской подчиненной Москве и укреплявшей московское влияние епархии.

³ Город Стрельный, находившийся в 50 верстах от Устюга Великого.

⁴ Становище – «губа», залив, безопасное убежище от бурь, а также стоянка, место временного приюта, в особенности рыбаков. Термин известен с XIII в. В веших становищах строились избы для жилья, амбары для хранения рыбы, летние иногда были лишены строений.

⁵ Город Пустозерск основан в 1499 г.

⁶ Земной пояс (ниже – Каменный пояс, Камень, Большой пояс) – топонимы, обозначившие Урал или отдельные его края и вершины.

⁷ Этнонимом самоедь на Руси со времени Повести временных лет обозначали северные самодийские народы (энцев, ненцев, нганасан). Термин родствен лаппо-норвежскому same-aepa.

⁸ Словом «вес» обозначался мамонт, от остяцкого иес с тем же значением.

⁹ Вогуличи – старое название народа манси.

¹⁰ Югричами на Руси назывались ханты и манси.

¹¹ Речь, по-видимому, идет об Обдорске.

¹² Ером – Древний Нером, а позднее Верхотурье.

¹³ В титуле Василия III уже был титул «обдорский».

¹⁴ Речь идет о походе, состоявшемся в 1499/1500 г. при Иване III.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 156–161.

1661 г. – Описание Югры германским послом в России Августином фон Мейербергом (1612–1688 гг.)

Югория, или Югра, иначе Юхра, – небольшая область, прилежащая к Сибири, жители которой, татары, ведут суровую и дикую жизнь, а со времени Ивана Васильевича старшего признают московскую власть и платят дань великому князю драгоценными мехами. Сказывают, что отсюда вышел некогда тот народ, который, разбив и совершенно истребив аваров и гуннов и овладев Дакией, Цаннонией и Нориком, бывшими под властью этих последних, получил весьма знаменитую известность в свете по многочисленным примерам своей воинской доблести. Некоторые говорят, что доказательством тому служит и сходство языка я проверил бы это очень охотно на опыте, если бы мог иметь под рукой кого-нибудь из югорских жителей, чего добивался так часто. Только слышал от одного немца, бывшего в ссылке в Сибири и наезжавшего

иногда в Югорию, что югры говорят на собственном наречии, которое плохо понимают сибирские татары, и что наружность у них красивая, потому что не безобразит ее ни большая голова, ни сплюснутое лицо, как у татар, [...]

Область Удория, или Обдория, известна по баснословному идолу Золотой старухи. Название дает этой области река Обь, в древности Карамбук, которая берет начало из Китайского озера и протекает по этому краю, имея в некоторых местах 80 миль в ширину. Ее обитатели, вместе с окрестными, живут без всякого образования, питаются мясом зверей, мехами которых платят дань великому князю московскому.

Кондиния, или Кондора, – соседняя область с Обдорией, вся в лесах и реках; тамошние жители, кочующие звероловы, питаются мясом убитых ими зверей, а мехами их платят дань московскому царю.

Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Андрей Роде. Августин Мейерберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс. Утверждение династии (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). М., 1997. С. 139–140, 145.

1665 г., февраля 9. – Известие о Сибири в дневнике Николааса Витсена

Николаас Витсен (1641 – 1717 гг.), член голландского посольства в Россию 1664 – 1665 гг., – одна из ключевых фигур в истории русско-голландских взаимоотношений времени Петра Великого. В 1697–1698 гг. по поручению правительства Нидерландов он в качестве бургомистра Амстердама принимал царя в Голландии, в последующем же содействовал выполнению многих его просьб в Нидерландах. По собственному свидетельству Н. Витсена, он 25 лет посвятил подготовке первого издания своего главного ученого труда «Северная и Восточная Тартария», к которому прилагалась обстоятельная карта. Публикацию этой карты в Европе сравнивали с «открытием Нового света Колумбом». Дневник же путешествия Н. Витсена ко двору царя Алексея Михайловича был впервые напечатан на голландском языке только в 1966 – 1967 гг., на русском – в 1996 г. Дневник Н. Витсена 1664 – 1665 гг. стал именно толчком и первоосновой для начала его труда над книгой «Северная и Восточная Тартария». Ниже дан отрывок из его дневника за 9 февраля 1665 г., когда Н. Витсен находился в Москве, посвященный описанию Сибири.

Сегодня я посетил знатока области Сибири; он рассказал, что требуется два – три года, чтобы добраться до крайних ее границ, или столбов; это потому, что ездят только зимой, и то очень медленно из-за бездорожья; приходится много идти пешком, а багаж тянут собаки на маленьких санках. У людей тогда под ногами доски, чтобы пройти по еще не тронутому снегу и не провалиться. Когда люди очень устают, они тоже садятся на санки. Подобные собачьи упряжки используются и на охоте; употребляют и сани с парусами для езды на равнинных полях; по соболям стреляют стрелами, спереди закругленными. Люди там русской веры, но они очень невежественны. Живут в деревянных избах. Имеется много поселений из высланных царем людей, и, чем больше увеличивается там население, тем дальше и распространяется территория царя. Она простирается очень далеко, на ту сторону р. Оби, которая получила название от своих двух устьев: «об» значит обе, т. е. два по-русски. Там имеются и медные руды, но их не обрабатывают.

Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665. СПб., 1996. С. 109.

1667 г. – Описание Западной Сибири доктором медицины Самуэлем Коллинсом (1619–1669 или 1670 гг.), врачом царя Алексея Михайловича в 1659–1666 гг.

В главном городе Сибири Тобольске живет главный воевода. Там торгуют мехами, особенно же собольими, которых, как говорят, нигде больше нет; питаются какими-то ягодами или орехами, изобильно там растущими на деревьях, теперь мне неизвестными, но о которых мне обещали сообщить подробнейшие сведения. Тамошние жители проводят на охоте от шести до семи недель сряду и ездят на собаках, а собак кормят рыбою, во множестве добываемой из озер.

Они запрягают от сорока до пятидесяти собак в одни сани, одеваются в тройные меха; во время больших морозов лежат целую ночь и разводят огни для приготовления рыбы. Собаки очень хорошо умеют отыскивать соболей, а люди искусно их убивают, попадая стрелою в нос, после чего собаки приносят добычу. Если удар минует нос, то соболь пропадает, потому что он смелое животное и уходит со стрелою в теле; сверх того, портится и мех.

Там так холодно, что вода, брошенная в воздух, падает льдом. Большая часть северных стран не производит хлеба; но по изобилию рыбы жители употребляют сушеную вместо хлеба и, несмотря на то, доживают до глубокой старости. Во время морозов кормят коров рыбою, и потому их молоко отзывается рыбою. Река Обь протекает чрезвычайное пространство, и устье ее до сих пор неизвестно. Там множество рыбы белуги, которая принадлежит к роду китов, но гораздо вкуснее. Из нее, так же как из осетров делают в Астрахани, икру, которую кладут на кучу соли и после некоторого брожения сдавливают и закупоривают. Здесь есть много икры и несдавленной, она чрезвычайно вкусна, но скоро портится.

Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Андрей Роде. Августин Мейерберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс. Утверждение династии (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). М., 1997. С. 210–211.

1673 г. – Альбрехт Доббин. Из «Описания Сибири»

А. Доббин был уроженцем северогерманского города Ростока. До переезда в Москву служил капитаном шведской армии. На русской службе он семнадцать лет находился в Сибири на той же должности. А. Доббин передал свою рукопись для последующей публикации в декабре 1673 г. в Москве профессору Дуйсбургского университета, доктору правоведения И.А. Бранду (1647–1690), пребывавшему тогда в российской столице в составе посольства бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма к царю Алексею Михайловичу.

Общее описание Сибири

Граница России и Сибири проходит за городом Соликамском (Zollekampsky), который лежит в трехстах милях от Москвы на большой реке Каме (Cham) (она вливается в Волгу в пятистах милях ниже Казани) и является последним русским городом; в нем царь заставляет также готовить соль. Здесь находится большой камень на большой скалистой горе (шириной в 50 миль), называемый русскими Пояс Нис (Poyes Nice), эта гора простирается до полуночного Ледовитого моря и отделяет Россию от Сибири, а также от Казани и Астрахани; идет она вплоть до Монголии и до полуденного моря через Монголию и Китай, разделяет также калмыков.

Возле этого камня, или границы, находится узкий проход, где русскими содержится по приказанию царя сильный дозорный пост, чтобы никто из русских без повеления царя не мог проникнуть в Сибирь из России или обратно. Этим-то проходом в горе попадают в первый сибирский город, называемый Верхотурье (Berchiturgia) по имени реки, при которой он расположен. Другой город, называемый Апонзой (Aponzo) по имени реки Апонзой, в которую впадает река Верхотурье. Затем следует город Тюмень (Tumun), также названный по имени реки Тюмени, в которую впадает Апонзой. Далее идет главный город Сибири – Тобольск (Thobolsky), названный по имени мимо текущей реки Тобола, которая, помимо названных рек, впадает в большую реку Иртыш (Artjys). Этот Иртыш, почти в милю шириной, течет из Калмыкии и Булгарии и впадает через несколько сот миль в реку Обь (Obby); необходимо при этом заметить, что почти все местности, по которым протекает Иртыш, большую часть затопляются до сентября, до покрытия его льдом; при этом Иртыше находятся также города, как и при реках вышеназванных.

Река Обь, пожалуй, главная из всех сибирских рек, берет свое начало на юге, в Китае, и протекает через всю великую Монголию (gross Mogallen), пока не впадает в Ледовитое море; в [устье ее] можно доплыть морским путем через множество островков (Holmenlande) не без опасности. Эта река очень широкая, т. к. в нее впадают различные другие довольно большие реки, от которых получили свое название построенные на них города; таковы: первый – Мангазея (Magasje), второй – Березов (Berooza), третий – Сургут (Sregut), четвертый – Нарым, пятый – Кетский [острог] (Keth), шестой – Томск (Thoomske) с близко расположенным от него Кузнецком (Kusneetz), который является последним городом, пограничным с киргизами. Кроме названных рек, от которых упомянутые города получили свои имена, есть еще и другие, как например протекающая ниже Томи (Thoom) река Чулым (Zulim), а также река Вага (Wah) и Мерит (Merith) в том месте, где Обь уже, а именно шириной в полумиллю. [...]

Что же касается обитателей Сибири и названий их народностей, то мы сделаем обозрение их в порядке рек и городов. Прежде всего, живущие около вышеупомянутого пограничного камня народы называются вогулы; они не знают ничего ни о Боге, ни об имени его, не знают также никакого земледелия, питаются же только при помощи своих луков (Flitzen), которыми они убивают соболей и других животных, строят сами свои жилища из плетеных ветвей, они называются юрты, и в них они искусно умеют ставить дымовые трубы, т. к. они не употребляют никаких печей. За ними идут другие [народы], которые носят название татар; они распространяются вплоть до Тобольска; эти исповедуют магометанскую веру, соблюдают обрезание, имеют свое письмо, знают земледелие, живут же, однако, тоже в юртах, но более удобных (zierlich) и лучше сделанных, чем у вогулов; питаются домашним скотом, в особенности же хорошими лошадьми. Вслед за татарами, на реке Оби, живут так называемые остяки (Astacken), очень некультурный народ, одевающийся в рыбы кожи; питается рыболовством; не знает ни письма, ни книг, молится черту; при этом они разделяются на три различных племени, из которых одно почти не в состоянии понять другое. Все эти люди, как вышеупомянутые, так и называемые ниже, ввиду того что они находятся под русским господством и властью, должны каждый год приносить значительную дань, состоящую из соболей, если и не ими самими застреленных, то хотя бы купленных, а именно следующим образом: кто достигнет десяти лет, обязан первый год принести двух соболей, на второй год – трех, на третий – четырех и так далее с каждым годом больше на одного соболя, пока он не достигнет двадцати лет, когда он доходит до двенадцати соболей; так и остается до пятидесятого года, когда число уменьшается и дело идет к снятию повинности. [...]

При других реках, Кете (Keth) и Чулыме (Sulim), живут татары и остяки, одни подле других; это разбойный народ, на которого нельзя положиться, т. к. они не держат своего слова, кому бы его не дали. Вниз по реке Оби, в сторону моря, живут самоеды (Samojedzen), народ, похожий на лапландцев и так же [как они] одетый; ездят они зимой на оленях, молятся черту, как и остяки.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. Иркутск, 1936. Т. 1, ч. 2. С. 28–31.

1673 г. – Изложение Адамом Брандом устного рассказа Альбрехта Доббина о ловле соболей в Сибири

Приложение к предшествующему описанию Сибири, касающееся ловли соболей.

Нижеследующее описание сообщено мне г. Альбрехтом Доббином из Ростока, некогда капитаном шведской службы, который приехал в Москву и был отправлен царем в Сибирь, где он пробыл семнадцать лет. Так как он подробно сообщил мне о ловле соболей в устном рассказе, я счел целесообразным предложить его читателю, потому что, сколько я знаю, он является самым правдивым и точным, тогда как об этом повсюду столько писали и рассказывали спорного и даже баснословного.

Соболей, которые несколько напоминают больших черных блестящих кошек, с тою только разницей, что волос их длиннее и шелковистее, ловят по возможности в ноябре и декабре вплоть до 18 января; однако в два предшествующих месяца они гораздо лучше и дороже, чем те, которых ловят в последнем, так как в январе снова начинает показываться и пригревать солнце, что производит то, что волос начинает у них тогда выпадать, и делает мех негодным. Соболей выслеживают с помощью специально для этого натасканных собак. Когда зверьки, по их обыкновению и способу, прячутся в кустарник, в колоды или бревна, на них набрасывается сетка; таким образом их ловят и убивают дубинами; если же они вырываются из сетки и удирают, взбираясь на стоящие поблизости деревья, то их всегда облаивают стоящие внизу собаки и охотники достигают до них дубинками, притупленными с одного конца, самострелами и луками. Затем при помощи приученных к этому собак с них тотчас же сдирается шкура и приносится охотнику. Охотник спокойно стоит на двух специально сделанных для этого дубовых досках (подобных тем, из которых делают наши пивные и винные бочки) длиной приблизительно в два с половиной фута и шириною в пять с половиной пальцев; каждая из них имеет посередине вырезанную пропорционально ногам выемку в полпальца глубиной, чем эти доски подобны нашим здешним лыжам (Schrikschuh), и крепко привязывается к ноге веревками; примерно такой вид имели и те, которые я видел продающимися в столице, или Москве (Stollitza jder Moscua). В руках охотника трость, тупая снизу, с маленьким выступающим гвоздиком, чтобы она не слишком глубоко проваливалась в снег. Ею отталкиваются охотники или же при помощи запряженных собак, или оленей, к упряжи которых крепко привязана веревка; иногда же они управляют санями следующим образом: когда ветер благоприятный, охотники употребляют очень легкие саночки, которые можно поднять одной рукой; в середине их укрепляют сделанный из холстины парус; сидя и лежа сзади этих саней, они управляют упомянутой тростью по обеим сторонам. Они умеют также очень искусно ловить соболей кладущимися в определенных местах кусочками [отравленного] хлеба, от которых они должны погибать. В Сибири ловят теперь соболей не в таком большом количестве, как некогда, но их еще много в другом месте и у других народов, которые называются монголами.

Лучший торг мехами – соболями, черно-бурыми лисицами, белыми горностаями и т. д. – производится чаще всего в Архангельске; там обмениваются они на другие товары купцами, торгующими в Сибири; царю, вместо подати, платят десятью соболями, и эта подать, которую должны посылать царю живущие в Сибири под его владычеством язычники (а именно начиная с десяти лет, в этом возрасте каждый дает два соболя, в одиннадцать лет – трех, в двенадцать – четырех и так далее до двадцати, с какого времени остается двенадцать соболей до пятидесятилетнего возраста, как рассказано выше), приносит ему ежегодно неисчислимое богатство. Что же касается ловли

соболей, то следует еще заметить, что рассказы об острых стрелах, которыми якобы нужно попадать им прямо в нос, являются только шутками и баснями.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей... Т.1, ч. 2. С. 39–40.

Ок. 1676 г. – Описание Сибири в целом, Печоры, Обдории и Кондинии курляндцем Яковом Рейтенфельсом, проживавшим в России в 1671–1673 гг.

Сибирь, некогда царство гуннов, а ныне обширнейшая русская область, раскинулась около реки Яика. У Плиния она, кажется, называлась Аваримоном, откуда вышла большая часть аваров и саверов, как их преимущественно называют греческие писатели. В ней находятся, как неверно рассказывает невежественная старина, быстро двигающиеся люди с загнутыми к голням подошвами (конечно, от громадных деревянных лыж, или сандалий, которыми они пользуются очень искусно). Сюда отправляются для охоты особого рода тупыми стрелами на скифских соболей, в ссылку и заключение преступники со всей Московии, и здесь находится единственный во всем мире рынок драгоценных мехов. Зато хлеб или какие-либо плоды здесь почти нигде не растут, кроме разве тех, которые русские с величайшим трудом выращивают на небольших полях. Городов и населенных укрепленных мест в настоящее время, говорят, имеется здесь до сотни, тогда как столько же лет назад таковых не было ни одного. Главнейшие из них суть Тобольск, столица и место пребывания наместника, Верхотурье, Пелымь, Тина, Березов, Манган, Шуйск, Тара, Нерчинск на реке Оби, Новинск и Томск, уже с более мягким климатом и очень короткой зимой.

От этих мест русские в самое недавнее время, как мы слышали в Москве, доходили до реки Пясиды, очень широкой, которую они, однако, не отважились перейти, хотя с противоположного берега они, по их рассказам, слышали звон колоколов, а на самой реке видели корабли, очень похожие на индийские или китайские. Те же лица гораздо раньше иным путем, ведомые татарами и тунгузами, перешли реку Енисей, более крупную, нежели Обь, и сообщают, что живущие по этой реке близ огнедышащих гор люди безобразны, благодаря зобу, который висит у них под подбородком, клохчут при разговоре и шипят и ведут гнуснейший образ жизни в гнуснейших лачугах, присовокупляя, что Енисей, затопляя ежегодно, наподобие Нила, землю, делает ее плодородною и производящею все новые породы цветов и плодов. Раньше всех открыл Сибирь некий разбойник, содержавшийся в Москве, который, дабы заслужить себе свободу и сохранить жизнь столь важным открытием, поддерживаемый только шестьюстами солдат, повел русских туда. Быть может, он и раньше, занимаясь разбоем по Казанскому царству, ушел в пределы Сибири во избежание расставленных ему ловушек. Достоин, право, изумления, что такая горсть людей овладела таким громадным пространством Земли! Что же, поистине, еще более удивительно, так это то, что и живущие далее племена подчинились царю не потому, что были покорены военной силою, но по убеждениям купцов и исключительно в надежде на выгоду в будущем от торговых сношений с москвитями. [...]

В Удории и Печоре, областях, границы коих также широко раскинуты, живет народ, соблюдающий в пище, одежде и во всем своем образе жизни величайшую простоту. По берегам реки Печоры тянутся длинным хребтом весьма высокие горы, которые русскими зовутся «Поясом земли». По этим горам водятся, говорят, совершенно черные соболя, знаменитые своим мехом, белые соколы и высокие кедры, похожие на можжевельник. Обитатели этих областей сохранили свой дедовский язык, но немного понимают и по-русски. Особенно известны, между прочими, города: Папинов город и Пустозерск – тоже в прежнее время древнее укрепление против непокорных.

Обдорья с рекою Обью, крайний предел европейской Сарматии, отличается почти постоянным холодом и грязью, и вогулы, угры и калмыки, т. е. волосатые татары, не столько живут оседло в ней, сколько кочуют по ней со всем своим скарбом.

Кандиния, или Кандорская область, вдается в Гиперборейское море, получив название от мыса и острова Кандинских, и изобилует драгоценнейшими мехами. Здесь находилась Золотая баба, идол, почитаемый невежественными племенами за бога. Русские несколько лет тому назад нашли его и разбили, а оскверненный им холм, на котором туземные жители имели обыкновение развешивать разные меха и другие приношения и совершать гнусные жертвы, весьма удачно прозвали Чертовым приказом, т. е. канцелярией дьявола.

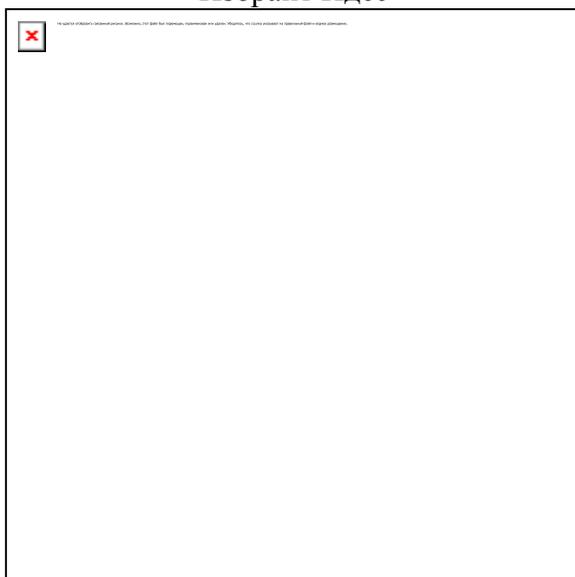
Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Андрей Роде. Августин Мейерберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс. Утверждение династии (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). М., 1997. С. 394–395, 398.

1698, 1704 гг. – Эберхард Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695 гг.)

Российский посол в Китай Э.И. Идес (1657–1708 гг.) и член его свиты А. Бранд (годы жизни неизвестны) в 1704 и 1698 гг. на голландском и немецком языках выпустили записки о своем путешествии в качестве русских дипломатов в Китай (1692–1695 гг.). Записки ценны непосредственным отражением увиденного и услышанного. Имеющиеся в первом издании труда Э.И. Идеса 29 превосходных гравюр, по всей видимости, были выполнены в Амстердаме искусными художниками по указаниям самого автора или знаменитого исследователя Сибири Н. Витсена.

Отъезд из Тобольска. Описание реки Иртыш. Случай с большим медведем. Какие люди живут по берегам Иртыша. Запряженные собаками сани, и как ими пользуются. Более подробное описание собак. Отъезд с помощью самаровских ямщиков. Прибытие в город Сургут. Богатая ценными мехами местность. Хитрость одной черной лисицы, которая два раза ускользнула от собак, но на третий была поймана. Росомахи и описание их. Описание бобров и удивительные, хотя и маловероятные их дела. Бобры – рабы. Охота на бобров.

Глава IV Избрант Идес

Вид Тобольска. 1707
Отъезд из Тобольска.

После того как я получил суда, конвой, солдат и необходимые вещи, отплыл я с Божьей помощью 22 июля из Тобольска вниз по реке Иртышу, прошел мимо многих татарских и остяцких деревень, мимо слобод Демьянской, Яминь и т. д., где в Иртыш впадает небольшой приток Пеннонка. 28-го прибыли мы благополучно в Самаровской Ям, где я получил несколько гребцов и велел поставить мачты на больших судах для того, чтобы при попутном ветре мы могли плыть далее вверх по Иртышу, до Оби, ибо недалеко от Самаровского Яма Иртыш впадает несколькими протоками в знаменитую реку Обь.

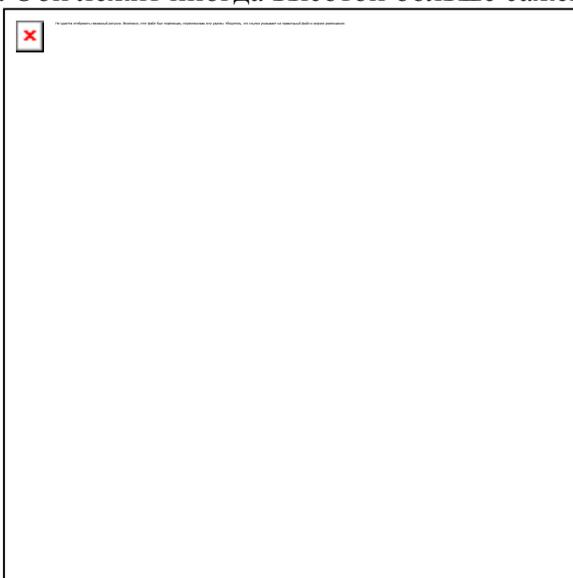
Описание реки Иртыш.

Воды Иртыша светлые и прозрачные. Река берет начало в калмыцких землях, где она течет с гор с юга в северо-восточном направлении и протекает через два озера: Кабако и Зайсан. Юго-восточный берег на всем протяжении обрамлен высокими горами, там и сям поросшими кедром; северо-западная же сторона представляет собой низменные луга. На северо-западной стороне водится исключительно много больших черных медведей, волков, так же как красных и бурых лисиц. Там протекает также недалеко от Самаровского Яма впадающая в Обь речушка Касымка, по берегам которой водится лучшая по всей Сибири белка (если не считать ранее упомянутого леса Илецкой бор), называемая по реке касымской.

Случай с большим медведем. Здесь должен я мимоходом заметить, что мне тамошние жители рассказали как чистую правду: осенью прошлого года ранним утром громадный медведь ворвался в эту слободу, в коровник, находившийся вблизи поля, набросился на корову, схватил ее передними лапами, шагая на одних задних, уволок ее живой; когда же хозяин и соседи, услышав мычание коровы, набросились на медведя с ружьями и дубинами, он все же не выпустил своей добычи, пока они не застрелили корову.

Какие люди живут по берегам Иртыша.

Большая часть жителей здесь – русские ямщики, получающие ежегодно жалованье от его царского величества, за что они должны бесплатно обеспечивать подводами и рабочими присланных воевод и всех других проезжающих по служебным делам его царского величества в Сибири и за небольшую плату возить их летом по воде, а зимой по льду до города Сургута на Оби. У ямщиков много собак, которыми пользуются, когда случается ехать зимой, так как в этих местах запрягать лошадей в сани совершенно невозможно по той причине, что снег на Оби лежит иногда высотой больше сажени.

Нарты в собачьей упряжке в Сибири

Запряженные собаками сани, и как ими пользуются.

Собак запрягают по две в нарты, или сани, которые изготовляются из легкого дерева. На них можно везти от 200 до 300 немецких фунтов груза, причем ни собаки, ни нарты не вязнут в снегу, а летят быстро, оставляя след не глубже толщины большого пальца. Говорят, будто бы некоторые собаки заранее знают, когда им предстоит работа. Тогда по

ночам они собираются кучками и поднимают страшный вой, по которому их хозяева узнают о предстоящей поездке. Когда собаки в пути хотят порезвиться, хозяин вешает на шею ружье, надевает лыжи, чтобы бежать по снегу, забирает собак, заходит в лес и убивает всякую дичь, иногда даже красивую дорожную чернобурую лисицу, мех забирает себе, а мясо отдает собакам. Таким образом, от своих собак-коней они получают достаточно пользы и хорошую прибыль.

Более подробное описание собак.

Эти собаки средней величины, у них острые морды, торчащие острые уши и хвост, загнутый крючком, и некоторые из них до того похожи на волков и лисиц, что, когда они лежат в лесу, в них то и дело стреляют, принимая за этих животных. И в самом деле, они случаются с волками и лисицами, так что, когда в какой-либо деревне идут собачьи свадьбы, вблизи нее, как это заметили очень многие, можно видеть множество волков и лисиц.

Отъезд с помощью самаровских ямщиков.

Теперь, когда самаровские ямщики подготовили все для моего дальнейшего путешествия, 29 июля я приказал двинуться в путь и начал спуск на двух больших речных судах, или дощаниках, по наиболее удобному руслу Иртыша вниз, к великой и знаменитой Оби, которой мы и достигли на следующий день. Я обнаружил, что ее восточный берег гористый, а по западному берегу, насколько охватывает глаз, тянется однообразная равнина, и в этом месте река имеет добрые полмили в ширину.

Прибытие в город Сургут.

6 августа прибыли мы в город Сургут, лежащий на восточном берегу реки Обь. На восток от этой местности в глубь Сургутской области и вверх по Оби, до самого города Нарыма, попадаются соболи, одни блеклые, другие черные, как смоль, а также наиболее крупные и красивые горностаи из всех, каких ловят в Сибири и России, и в особенности черно-бурые лисицы, которые в этих местах лучше и красивее, чем где бы то ни было.

Богатая ценными мехами местность.

Среди лучших мехов, которые должно откладывать и отправлять к царскому двору, есть такие, которые оцениваются в 200–300 рублей за шкурку, и они такого черного цвета, что даже наилучшие черные меха даурских соболей не могут с ними сравниться, ловят их с собаками, и об этом жители рассказали мне следующую замечательную историю.

Хитрость одной черной лисицы, которая два раза ускользнула от собак, но на третий была поймана.

Недавно в одной деревне, расположенной недалеко от города, среди бела дня показалась великолепная черная лиса, за которой сразу же погнался крестьянин со своими натасканными для охоты собаками, чтобы поймать ее. Хозяин видел, как собаки догнали ее. Как только продувной зверек увидел, что ему не уйти от собак, он побежал с лстивой ужимкой им навстречу, повалился на спинку, стал лизать им морды, бегать вместе с ними и играть. Когда доверчивые собаки увидели столь дружеское расположение, они не стали причинять хитрому зверьку какого-либо зла, и он ускользнул в лес. Таким образом крестьянин, не имевший, к своему большому огорчению, при себе ружья, упустил эту ценную добычу и, как ни старался, больше эту хитрую черную лису обнаружить не смог. Однако же два дня спустя хитроумный зверек вновь появился на прежнем месте. Крестьянин, как только заметил его, взял с собой другую собаку, белой масти и лучшую из всех, что были у него, и вновь преисполнился надежды поймать свое сокровище. Со спущенной собакой крестьянин бросился на лису, и ему почти удалось поймать ее. Хотя черные собаки настигли ее и хитрая лиса вновь начала, как и в первый раз, заигрывать, но белая собака, лучше знакомая с проделками лисиц, была настолько предусмотрительной, что тоже вначале прикидывалась дружелюбной, но, как только лиса приблизилась, быстро прыгнула на нее и захватила бы ее, если бы та не отскочила в сторону и не ускользнула, спрятавшись после этого в густом лесу так, что ее уже больше нельзя было найти. Но крестьянин все же наконец перехитрил лису. Он перекрасил свою белую собаку в черный

цвет, чтобы таким образом лисица не узнала ее и перестала ее опасаться, и вышел в третий раз на охоту, взяв с собой перекрашенную собаку. Ему повезло, так как собака чутьем нашла след лисы и пошла, на счастье, по нему. Увидев перекрашенную собаку, лиса вышла к ней без всякого страха, воображая, что это одна из прежних черных собак, с которой она, как и с теми, решила играть. Они приближались друг к другу до тех пор, пока собака, тщательно выбрав момент, не впилась наконец зубами в ничего не подозревавшую лису, и таким образом хитрая тварь со своей прекрасной шкуркой досталась крестьянину, который продал ее за сто рублей.

Росомахи.

Здесь попадает много лисиц со смешанным черным и серым мехом, так называемые помеси, а полностью черные ловятся редко. В этой области водится также много красных лисиц, росомах и бобров. Росомахи – очень злые, хищные животные. Так же как рыси, они забираются на деревья и тихонько ждут, когда олень, лось, косуля или заяц пробежит под ними, спрыгивают на него, вгрызаются в его тело, пока животное от боли не падает на землю и не становится их добычей. Один воевода держал живую росомаху у себя на дворе для забавы. Однажды он велел бросить ее в воду и спустил на нее двух привычных к воде собак. Росомаха тотчас же вцепилась в морду одной собаке и держала ее в воде, так что та захлебнулась. Затем росомаха подплыла к другой собаке и проделала бы то же самое, если бы в нее не стали бросать поленьями, пока собака не вылезла из воды.

Описание бобров и удивительные, хотя и маловероятные их дела.

О бобрах, которые водятся в этих местах стадами, рассказывают весьма интересные истории, но они кажутся очень странными и неправдоподобными. Поэтому я считаю, что стоит упомянуть об особенностях бобров, о которых мне рассказали, ручаясь за истинность. Главная пища бобров состоит из рыбы, поэтому держатся бобры по берегам богатых рыбой рек, где ездит и проходит мало людей. Весной они собираются не только парами, но и многочисленными стадами, или колониями, выходят, захватывают таких же, как они, бобров в плен, ведут их в свои норы, где пленники должны служить им в качестве рабов. Они валят зубами целые деревья, тащат их, вырезают из них куски нужной длины и умело прилаживают один к другому в своих жилищах, подобно тому как делают плотники при изготовлении сундуков. В жилища они сносят свою пищу и складывают заготавливаемые летом запасы всяческого продовольствия. Когда это сделано, наступает время самке родить. Мне рассказали про них также удивительные, совершенно неправдоподобные истории. Говорят, что к этому случаю собираются все бобры-соседи, подпиливают зубами дерево, иногда имеющее локоть в окружности, и валят его, далее отгрызают с комля бревно длиной в две сажени, доставляют его водой к своим норам, поднимают его у входа в нору стояком, так что оно находится на локоть в воде, однако же не касается дна. При этом, как бы быстро ни было течение и как бы сильно ни дул ветер, дерево неподвижно стоит на своем месте. Все это кажется совершенно неправдоподобным, однако сибиряки, которых я расспрашивал, единогласно подтверждают это. Рассказывают и многое другое об этих животных, которые больше похожи на человека, чем на неразумных зверей, о чем я подробно распространяться не буду.

Бобры – рабы.

Между тем некоторые приписывают установку дерева перед норой бобров волшебству остяков и других язычников, живущих здесь повсюду. Как в действительности обстоит дело, знает один Бог. Одно несомненно, что бобры-рабы хорошо известны крестьянам, которые узнают их по чрезмерной худобе и по тертому в работе волосу.

Охота на бобров.

Как русские, так и остяки, выходящие на охоту за бобрами, хорошо знают, что нельзя истреблять целый выводок. Поэтому, когда они бьют или стреляют бобров, всегда оставляют нетронутой пару, самца и самку, чтобы на следующий год можно было на том же месте возобновить охоту.

Адам Бранд

Как только господин посол попрощался с господином воеводой и его двумя сыновьями, мы взошли на борт и с двадцатью стрельцами, или солдатами, которые по приказу его царского величества были даны послу в качестве конвоя до города Сургута, отплыли 22 июля на двух больших судах по упомянутой реке Иртышу к Енисейску. 24-го мы достигли слободы, или местечка, Демьянской и, так как мы нуждались в новых гребцах, остановились здесь. В этом месте в Иртыш справа впадает река Демьянская. До сих пор мы ежедневно два или три раза на день получали свежих гребцов, однако же это был очень ленивый народ. Они, остяки, особенный народ, о жизни и обычаях которого мы еще расскажем.

Получив свежие подводы, прибыли мы рано утром 28-го июля в слободу Самаровской Ям, а 29-го на рассвете выехали оттуда. После того как мы проплыли какие-нибудь две версты по Иртышу, нам пришлось пересечь справа против течения проток, или рукав, реки Оби, и 1 августа мы оказались на знаменитой по всему свету реке Оби. Она оказалась широкой, глубокой и неудобной для судоходства как ввиду большой опасности кораблекрушения, так и из-за ужасного волнения. Обь течет с юго-запада из калмыцкой земли и впадает в Татарское море. 6-го числа прибыли мы в Сургут – небольшой городок, в котором почти нет торговли и движения, поскольку в нем живет мало народу. Здесь мы отпустили сопровождавших нас из Тобольска солдат и взяли с собой шестнадцать других, которых воевода отправил с нами до Нарыма. В этой местности много бедного, оборванного люда. Объясняется это тем, что у них мало земли, неразвитое сельское хозяйство и промышленют они только охотой на соболей, горностаев и лисиц.

Соболей ловят здесь совершенно иначе, чем мы описали на стр. 88. Здесь их стреляют тупыми стрелами или же под деревом, на котором сидит соболь, разводят огонь, от которого соболь дуреет и падает с дерева, тут-то его и ловят охотники.

Горностаев ловят специально изготовленными и расставленными силками, на лисицу же охотятся с собаками.

Глава V

Избрант Идес

Описание дальнейшего путешествия и прибытие в Нарым. Остяки и их религия. Имена остяцких идолов и эпизод с нюрнбергской игрушкой. Браки остяков. Погребения. Нищета. Богатство Оби рыбой. Обычное платье остяков. Одежда в сильные морозы. Как они иногда гибнут в снегу. Охота у остяков, и что они делают, убив медведя. Остяцкий князек. Мой визит к нему. Описание его жилища и жен. Княжеский подарок. Домашняя обстановка. Как они курят табак. Последствия курения. Другие обычаи остяков. Их суда. Зимние жилища. Ревность у остяков, и как они устанавливают виновность или невиновность своих жен. Берега Оби не возделаны.

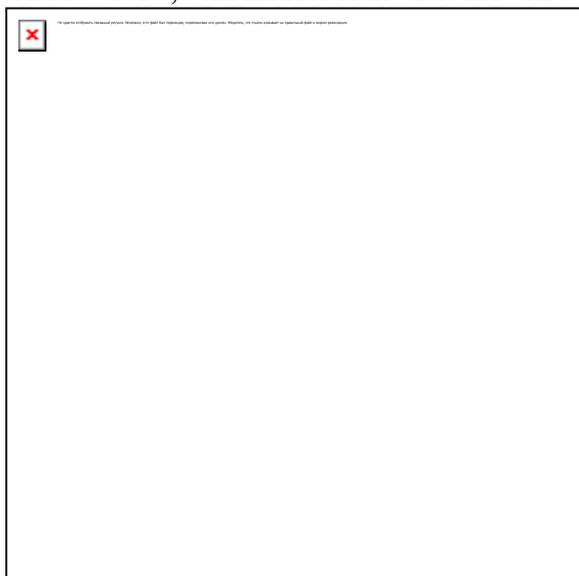
Описание дальнейшего о путешествия и прибытие в Нарым.

После того как мы поднялись на несколько миль вверх по Оби отчасти под парусом, отчасти на бечеве с берега, 13 августа мы прошли мимо устья реки Вах, берущей свое начало в Туруханских горах. Это большая река, вода ее черно-коричневая, и впадает она в Обь примерно с северо-северо-запада, с той же стороны реки, на которой расположен Нарым, куда 24-го числа мы благополучно прибыли. Город этот лежит на берегу реки в красивой местности, в нем имеется укрепление, или острог, с порядочным гарнизоном из казаков, а вокруг водится много помесей собак и лисиц, а также красных лисиц, бобров, горностаев, соболей и т. д.

Остяки и их религия.

Река Обь до этого места населена остяками, они поклоняются земным богам, но признают, что, согласно природе, на небе должен быть Господь, который правит всем. Несмотря на это, они не оказывают ему никаких почестей, а имеют ими самими сделанных деревянных и глиняных идолов в виде человеческих фигурок, которым они поклоняются. Некоторые состоятельные остяки одевают их в шелковые одежды наподобие юбок, которые носят

русские женщины. В каждом жилище расставлены такие идолы, сделанные из луба деревьев и сшитые нитками из оленьих кишок. Сбоку от идолов висит пучок человеческого и конского волоса, а подальше стоит деревянный сосуд с молочной кашей, из которого они ежедневно кормят своих богов, засовывая эту пищу им в рот специально сделанной для этого ложкой. Но так как идолы не могут ее проглотить, то пища стекает вниз с обеих сторон рта, вдоль всего их тела; видевший это человек может навсегда отказаться от потребления каши. Этим своим «прекрасным» богам они поклоняются, или молятся, стоя перед ними, нисколько не сгибая спины, лишь мотая вверх и вниз головой; помимо этого, они шипят или свистят сквозь зубы, как мы делаем, когда подзываем собак.

Остяки

Остяки у юрт

Имена остяцких идолов и эпизод с нюрнбергской игрушкой.

Они называют своих богов шайтанами и могли бы, по правде говоря, называть сатаной. Однажды несколько остяков пришли ко мне на судно с рыбой для продажи. У одного из моих слуг была нюрнбергская игрушка – медведь с заводным механизмом внутри. Когда накручивали пружину, медведь бил в барабан, качал головой из стороны в сторону и закатывал глаза. Его завели и заставили играть. Как только остяки увидели это, они сейчас же совершили все обычные для верующих обряды, стали изо всех сил танцевать в его честь, мотать головами, свистеть или шипеть. Они приняли эту игрушку за настоящего и несомненного шайтана и говорили: «Что такое наши шайтаны по сравнению с этим? Будь у нас такой шайтан, мы бы его всего обвесили соболями и черными лисицами». Они спросили также, не продадим ли мы им эту вещь, но я велел ее унести, чтобы не дать повода к дальнейшему идолопоклонству.

Браки остяков. Погребения.

Обычно остяки имеют столько жен, сколько могут прокормить, и браки между кровными родственниками у них не возбраняются. Если кто-либо из близких умирает, то они воют несколько дней без перерыва, сидя на корточках с покрытыми головами в своих хижинах, и никому не показываются. Труп же для предания земле уносят на шестах.

Нищета.

Это бедный народ, живущий в своих маленьких и жалких хижинах. Они могли бы жить гораздо лучше, поскольку здесь, по всей Оби, повсюду можно добывать в большом количестве хорошие меха.

Богатство Оби рыбой.

Кроме того, в этой реке ловится великолепная рыба, например прекраснейшие осетры, щуки и другие, так что у них можно купить двадцать больших осетров за понюшку табаку стоимостью 3 стейвера. Но остяки так ленивы, что нисколько не стараются добыть больше того, что им нужно, чтобы прожить зиму.

В пути они едят главным образом рыбу, когда же рыбачат, то питаются исключительно ею. Почти все они среднего роста и по большей части светловолосые или рыжие, смуглые тела их малопригодны для работы, лица и носы неприятно плоские. Они совсем несклонны к войне и неспособны к военным упражнениям. Их оружием являются лук и стрелы для охоты за дичью, но они не слишком ловки с ними.

Обычное платье остяков.

Одежда их делается из рыбьей, главным образом осетровой, кожи или из хорька, и они не носят на теле ни полотняного, ни шерстяного белья. Их чулки и обувь составляют одно целое, сверху же они носят короткую рубашку с капюшоном, который они натягивают на голову, когда идет дождь. Обувь также делается из рыбьей кожи и накрепко пришивается к чулкам, но редким швом, так что у них всегда, должно быть, мокрые ноги.

Одежда в сильные морозы.

Но, несмотря на плохую одежду, они исключительно хорошо выносят холод на воде. Когда зима по-обычному студеная, они одеты только в то, что я упомянул, если же морозы особенно сильны, то они вынуждены надеть поверх этой одежды еще одну рубашку из той же рыбьей кожи. Вспоминая жестокую зиму, они в этих случаях обычно говорят друг другу: «Помнишь ли ты ту зиму, когда пришлось надевать вторую рубашку?» Зимой они иногда уходят на охоту в простой рубашке, с ничем не прикрытой грудью, полагаясь на то, что согреются, бегая по снегу на лыжах.

Как они иногда гибнут в снегу.

Когда в пути их настигает особенно жестокий мороз и они не видят никакого способа спасти свою жизнь (так невероятно жестоки морозы на Оби), они с большой поспешностью стягивают с себя рубашку из рыбьей кожи, бросаются голыми в глубокий снег и добровольно замерзают. Делают они это для того, чтобы скорее и как можно менее болезненно умереть.

Охота у остяков, и что они делают, убив медведя.

Женщины носят почти такую же одежду, что и мужчины. Главным развлечением мужчин является охота на медведя, для которой они соединяются в группы, не запасаясь никаким другим оружием, кроме острой железины наподобие большого ножа, которую они прикрепляют к рогатине примерно в сажень длиной. Выследив и подняв медведя, они идут прямо на него с этим коротким копьём и, когда убьют, отделяют голову, насаживают ее на какое-либо дерево, бегают вокруг нее и всячески ее чествуют. Вслед за тем они бегают вокруг туловища медведя и много раз выкликают, спрашивая у него: «Кто тебя убил?», и сами себе отвечают: «Русские». – «Кто тебе голову отрубил?» – «Русский топор». – «Кто тебе распорол брюхо?» – «Нож, который сделали русские», и далее в том же духе. Другими словами, виноваты русские, себя же они хотят представить невинными в убийстве медведя.

Остяцкий князек.

У них есть свои князья или князьки, одного из которых зовут Курза Муганак; владения его охватывают несколько сотен хижин. Он собирает с них дань для передачи воеводам их царских величеств. Однажды со всей своей княжеской родней и слугами он явился ко мне на судно, поклонился и преподнес мне в подарок свежую рыбу; в ответ я одарил его табаком и водкой, после чего он, очень довольный, съехал на берег, но вскоре вернулся и радушно пригласил меня в свой княжеский дворец в гости.

Мой визит к нему.

Мне было любопытно повидать великого владетеля в его княжеском дворце, и я отправился туда, хотя никакого желанья отведать его угощения у меня не было. Когда я сошел на берег, предварительные церемонии оказались весьма простыми. Князек сам играл роль церемониймейстера и провел меня без особенных околичностей в свой пышный дворец, который, так же как и обычные жилища остяков, был сделан из слабосшитого вместе луба или коры деревьев.

Описание его жилища и жен.

Я застал там четырех из его жен, двух старых и двух молодых. На одной из молодых была красная суконная юбка, сама она была богато украшена стеклянными бусами, они висели вокруг шеи, спускаясь до талии, и в двух рядах кос по обеим сторонам головы. В ушах у них были большие точеные серьги в виде колец со свисавшими на длинных нитках бусинами.

Княжеский подарок.

Каждая из княжеских жен поднесла мне берестяной туес с сушеной рыбой, самая же молодая из них – такой же туес с осетровым жиром, он был совершенно желтого цвета, как золотой дукат. Приняв все это, я велел угостить их табаком и водкой, которые считаются у них самыми изысканными вещами.

Домашняя обстановка.

Во всем княжеском покое я не заметил никакой обстановки, кроме нескольких люлек и сундуков, сделанных из тех же скрепленных вместе березовых веток, в которых лежали их постели, состоявшие из стружек, почти таких же мягких, как перья. Колыбельки их детей стояли в дальнем углу избы, так как огонь разводится посреди нее. Дети лежат в них совершенно раздетыми. В доме я заметил медный котел, а также котлы, сшитые из бересты, в которых они могут варить пищу на углях, но не на огне.

Как они курят табак. Последствия курения.

Для курения табака (к чему они все, как мужчины, так и женщины, очень склонны) пользуются вместо трубок каменным сосудом, куда они втыкают специально сделанный для этого чубук. Набрав немного воды в рот, они могут в два или три вдоха выкурить целую трубку. Дым они вдыхают в себя и потом падают на землю и лежат по полчаса без сознания, как мертвые, с закатившимися глазами и дрожью в руках и ногах. На губах у них появляется пена, кажется, что у них припадок падучей, и совсем незаметно, куда девается дым. От такого способа курения многие из них гибнут, так как если они находятся в воде, или в поездке, или сидят у огня, то некоторые из этих завязых курильщиков падают в воду и тонут или попадают в огонь и сгорают. Те из них, кто, вдохнув дым, выдыхают его через рот, отделяются дешевле, чем люди более слабого сложения, которые иногда задыхаются, втянув в себя дым.

Другие обычаи остяков.

Из других обычаев остяков следует упомянуть следующий: они приходят в ярость, если кто-либо вспоминает или называет имя кого-либо из родственников, хотя бы давно умерших. Они ничего не хотят знать о событиях, случившихся до их рождения, никто из них не умеет ни читать, ни писать, не занимаются они также ни земледелием, ни огородничеством, хотя и очень любят хлеб.

Их суда.

У них нет ни храмов, ни жрецов. Суда или лодки они обшивают снаружи лыком, каркас же внутри делают из очень тонкого дерева. Эти суда длиной почти в две или три сажени и в один локоть ширины. Они держатся на воде без большого ущерба даже в сильную бурю.

Зимние жилища.

Зимой остяки живут в землянках, в их жилища нет другого входа, кроме дыры сверху, через которую выходит дым. Случается так, что, когда они, по своему обычаю, голыми спят вокруг огня и снаружи начинается буря, та сторона тела, которая не повернута к огню, покрывается слоем снега в один – два пальца толщиной. Когда спящий почувствует, что он замерзает, он поворачивает к огню другую сторону тела, чтобы она отогрелась. Отсюда ясно, что это очень выносливый народ.

Ревность у остяков, и как они устанавливают виновность или невиновность своих жен. Когда остяк заподозрит какую-либо из своих жен в измене ему с другим мужчиной, он срезает с медвежьей шкуры шерсть и несет ее тому, кто, по его предположению, является любовником его жены. Если тот невиновен, то он примет шерсть. Если же виновен, то, по их обычаю, он не должен ее тронуть, а обязан сознаться в том, что было. После этого они дружелюбно мирятся на том, что продают неверную жену. Если же случится, что кто-либо

настолько подл, что примет медвежью шерсть, хотя он и виновен, то, по их мнению, медвежья шкура, с которой была срезана шерсть, превратится в медведя, который появится по прошествии трех дней в лесу и разорвет на куски клятвопреступника, не постеснявшегося принять его шерсть, чтобы скрыть правду. Шерсть иногда заменяют другими вещами: луками, стрелами, топорами и ножами. Остяки твердо верят, что принявший их виновный человек в течение нескольких дней от них же найдет смерть. Это подтверждается единодушно и всеми живущими вокруг русскими. Ну, а теперь довольно об остяках.

Берега Оби не возделаны.

Берега Оби, по которой они живут, не обработаны от моря до реки Томь из-за сильных холодов, так что здесь не найти ни зерна, ни плодов, ни меда, лишь на кедрах растут какие-то орехи.

Адам Бранд

9 августа мы покинули Сургут, получив в нем смену молодых гребцов, которых мы воодушевили ласковыми речами, так что они налегли на весла, и мы уже 13-го оставили слева реку Вах, 19-го реку Тым и 24-го прибыли в город Нарым, лежащий на левом берегу Оби. Курьезно, что зимой нельзя добраться от Тобольска до Нарыма на лошадях, а лишь на собаках, которые тянут за собой сани, или нарты. Делается это следующим образом. В сани запрягают трех или четырех собак, которых хозяин гонит вперед кнутом; когда же сани нагружены, то иногда сам хозяин тащит сани вместе с собаками. Лошадей не употребляют потому, что вся страна подобна пустыне, в ней нельзя найти никакого корма для коней, да и снег зимой лежит глубиной более сажени, морозы же настолько сильны, что собаки с нартами несутся поверх снега. Когда здешнее редкое население собирается на промысел, охотники везут на собаках продукты питания и охотничье снаряжение: луки, копья, стрелы, топоры и многое другое – в определенное место. Оно у них является местом сбора, где охотники проводят по семь – восемь недель, место же, где они ловят дичь, находится в восьми – четырнадцати днях пути от их жилищ.

Таковыми же санями пользуются живущие в этих местах остяки, когда они зимой выезжают на рыбную ловлю. После хорошего улова на тяжело нагруженных санях, в которые запряжены сильные собаки, они едут продавать рыбу.

Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 90–105.

1740 г. – Герард Фридрих Миллер. Путевые описания

Герард Фридрих Миллер (1705–1783), историк и археограф, член Петербургской Академии с 1731 г., родился в г. Герфорде в Германии. В 1725 г. приехал в Россию, где прожил большую часть своей жизни и внес большой вклад в становление исторической науки на своей новой родине. Участвовал в работе академического отряда Второй Камчатской экспедиции. Во время своего 10-летнего (1733–1743) путешествия по Сибири посетил почти все крупные населенные пункты Урала и Сибири, обследовал их архивы и собрал огромное количество как подлинных документов, так и копий (так называемые „Портфели Миллера“). Присущая Миллеру широта научных интересов, его увлечение и занятие одновременно историей, географией, экономикой, этнографией, археологией, лингвистикой, проблемами естественных наук во многом предопределили разнообразие собранных им источников. Важнейшие среди них – архивные материалы, летописные известия, результаты опросов местного населения, анкеты, дневники и личные наблюдения – являются ценными материалами не только по истории Сибири, но и европейской части России (крестьянская война, польская и шведская интервенция в Россию в начале XVII в.).

Основные работы Миллера посвящены истории и географии России с древнейших времен до середины XVIII в., его главный труд – „История Сибири“.

Путешествие по воде по реке Оби от Нарыма до Сургута. 1740 г.

Сургут, маленький город на правом берегу р. Оби, на устье предыдущей речки, в 100 верстах от Ваховского погоста и, согласно известию Нарымской канцелярии, в 760 верстах от Нарыма; однако по одному сургутскому мерному реестру, которому я большей частью следовал в данном описании, в 695 верстах от него. Расположен на песчаной и болотистой возвышенности, на высоте приблизительно 4–5 саженой над уровнем воды. В центре города близ берега находится маленькое укрепление из палисада в виде четырехугольника со сторонами в 30–40 саженой, защищенное боевыми башнями на обоих углах стены со стороны суши и на нижнем углу стены с речной стороны. Верхний угол с речной стороны башни не имеет. Однако вместо этого недалеко от него сооружена башня над воротами в стене между верхним углом с речной стороны и верхним углом со стороны суши. Напротив этих ворот с нижней стороны города имеются еще ворота, но без башни. В этом укреплении, подобные которому называют острогами, имеются канцелярия, дом воеводы, обычные амбары и винный погреб. В нем была также двухэтажная соборная церковь, посвященная Святой Троице и празднику Введения Богородицы, которая в прошлом 1739 году, после того как она была вновь построена и едва освящена, от возникшего в ней пожара сгорела дотла. Сейчас делаются приготовления для строительства новой. Как и прежняя, она будет состоять из двух этажей: верхний этаж для лета, в котором будет стоять главный алтарь Святой Троицы, а нижний для зимы с алтарем, посвященным снова празднику Введения Богородицы. Вне острога в верхней части города имеется приходская церковь Рождества Богородицы. Частные жилища состоят из 165 дворов. Вокруг города имеется различный крупный и мелкий лес. Перед городом лежат два острова, и осенью вода между ними и городом полностью спадает, так что можно перейти посуху и поэтому дистанция до Оби доходит до 1¹/₂ верст.

Мое пребывание здесь в Сургуте длилось с 21 июня по 4 июля.

РГАДА. Ф. 199. Портф. 517, ч. 2. Д. 6.

Известия о реке Вах и дорогах на Пур, Таз и через Елогуй на Енисей из русских и остяцких устных рассказов

Река Вах у остяков Сургутского уезда носит то же название, которым его называют русские, и оно означает на их языке и металл [вообще], и железо, однако причину этого они объяснить не могут, ибо на Вахе не известна железная руда, а тем более, чтобы ее добывали и использовали остяки. О названии Кок, которым инбацкие остяки на р. Енисее называют Вах, как об этом сказано в описании путешествия в Мангазею, я не смог ничего узнать для разъяснения. Возможно, что оно употребительно у живущих в верховьях Ваха тымских остяков. Я, однако, не имел случая увидеть кого-либо из этого народа. Если к названиям других рек остяки прилагают слово Јогон, то в случае с рекой Вахом этого нет. Причиной этого различия служит его превосходство по величине надо всеми другими впадающими в Обь реками, так как его ширина в низовьях в некоторых местах достигает версты. Его устье находится в 245 верстах выше Сургута. Он течет, не делая значительных поворотов, с северо-востока. Дно песчаное. А впадающие в него реки, вместе с другими значительными местами, идут в нижеследующем порядке.

Njukos-jogon, то есть Соболиная речка, впадает с севера, в 2 днях пути на лодке вверх против течения от устья. Шириной в 15–20 саженой, а исток имеет на расстоянии 5 дней пути с нартами.

Peses-jogon (русские выговаривают название как Песец), впадает с севера, в 1 дне пути от предыдущей. Имеет ширину в 20–30 саженой, а возникает по соседству с рекой Аганом, впадающей в Тогот-jogon и затем вместе с ней в Обь выше Сургута, из одного болота, в

котором имеет исток также и река Пур. На реках Njukos-jogon и Pesez-jogon имеется соболиная охота, довольно редкая на северной стороне р. Оби.

Kolek-jogon, впадает с севера, в 2 днях пути от предыдущей реки. Шириной в 40–50 сажень, а возникает на расстоянии 12 дней пути по соседству с р. Пуром, ибо вдоль р. Kolek пролегает обычный путь остяков на Пур, как об этом вскоре последует ниже. В Kolek впадают:

Iukkun-jogon, то есть рч. Лесная, с северо-востока, в 4 днях пути от устья. Исток в 2 днях пути.

Ogr-jige-jogon, с северо-востока, в 5 днях пути от предыдущей. Исток в 3 днях пути. От этой речки можно плыть на маленьких лодках вверх по р. Kolek еще 2 дня, хотя и не без труда, и досюда идет также дорога на Пур вдоль р. Kolek, которую остяки здесь оставляют. и на расстоянии 2 дней пути тащат свои лодки по сухому болоту до впадающей в Пур речки Nemled-jogon, которая течет с северо-запада, и следуют водой вниз по ней до Пура. Там, где достигают Пура, он имеет уже ширину в 20 сажень и это место находится ниже (неизвестно, насколько далеко) устья р. Agan-jogon, о которой упомянуто в описании путешествия от Нарыма до Сургута при реке Torom-jogon. Далее вниз по Пуру остяки не идут, поскольку он заселен самоедами Березовского уезда, от которых они, в случае поимки, рискуют лишиться не только охотничьей добычи, но и самой жизни, так как те не хотят позволить вторгаться в их права и владения. А главная причина, по которой остяки с Оби и Ваха обычно идут на Пур, заключается в том, что на нем и на впадающих в него речках имеется богатая бобровая охота, как и р. Kolek по этой причине часто посещается.

Ochte-urĭ, курья р. Ваха на южной стороне, между реками Kolek и Labass-jogon. В вышеуказанном описании упомянута речка Watsch-jogon, которая на полпути между Нарымом и Сургутом впадает в рукав р. Оби, называемый Iogr-ass, или Кривой Обью. От нее идут живущие здесь на Оби остяки зимой с нартами 2 дня до рч. Ochte-urĭ на р. Вахе.

Labass- или Labassing-jogon, впадает с севера, в 2 днях пути от рч. Kolek-jogon. Имеет ширину в 15–20 сажень; до истока 4–5 дней пути. На западной стороне этой реки, в 2 днях пути от реки Ваха, имеется большое озеро, называемое Torom-ender, которое имеет длину с севера на юг в 10 верст, а ширину приблизительно вдвое меньшую. Название означает то же самое, что и Божье озеро, и оно приложено к нему потому, что оно очень богато рыбой, отчего в летнее время здесь обычно останавливаются остяки. Labass-jogon также очень богата рыбой и получила название от того, что остяки на ней обычно строят много лабазов, или помостов для хранения про запас на зиму добытой рыбы. Равно как и слово «лабас», которым по всей Сибири называют подобные помосты, взято из языка этих сургутских остяков.

Sawen-jogon (русские выговаривают это название как Забун), впадает с севера, в 2 днях пути от р. Labass-jogon. Имеет одинаковую с р. Kolek ширину и принимает в себя следующие речки.

Kottog-jogon, с запада, в 1 дне пути от устья. Исток в 3 днях пути.

Sungting-jogon, с запада, в 2 днях пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути.

Molgan-jogon, с востока, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Iergan-jogon, с востока, в 2 днях пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути. Название означает то же самое, что и Самоедская речка, так как говорят, что однажды самоеды с Пура пришли сюда, на Забун, и убили много остяков.

Luktog-jogon, с востока, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в 3 днях пути. На расстоянии 2 дней пути от рч. Luktog Забун разделяется на 2 росохи, из которых восточная называется Ше-Sawen, то есть Большой Забун, а западная – Sarim-Sawen, то есть Сухой Забун. До истоков каждой 5 дней пути с нартами. По высокой воде также идут вверх по р. Sarim-Sawen на лодках еще 2 дня, затем 1 день тащат лодки по суше до рч. Ogr-ige, впадающей в р. Kolek, и достигают ее в середине ее течения. А используется этот путь, как и предыдущий, для достижения реки Пур.

Sotti-jogon, впадает с севера, в 1 дне пути от Забуна. Возникает на расстоянии $1\frac{1}{2}$ дней пути.

Pangass-jogon, с севера, в $\frac{1}{2}$ пути от предыдущей. Шириной в 15–20 саженой, а возникает в 1 дне пути из озера Poggrom-entet, имеющего до 5 верст в поперечнике. Слово entet обозначает в языке лумпокольских и живущих по реке Ваху остояков такие озера, которые имеют значительную величину. А маленькие озера называются ими tu или tug; последнее слово как во всех остояцких, так и самоедских языках прилагается ко всем озерам без различия, большим и маленьким.

Mogtung-jogon, с юго-востока, в 1 дне пути от предыдущей. Возникает на расстоянии 5 дней пути.

Kul-jogon, впадает с севера, в 2–3 днях пути от предыдущей. Имеет одинаковую ширину с реками Kolek и Забун и так же отдаленный исток. В нее впадает, Lokkun-jogon, с запада, в 4 днях пути от устья, а возникает на расстоянии 3 дней пути. А в Lokkun-jogon впадает Пкасар-jogon, с севера, в 1 дне пути от устья; ее исток в 1 дне пути отсюда из озера, имеющего до 2 верст в поперечнике.

На р. Вах от устья и на впадающих в Вах реках и речках до р. Kul-jogon включительно живут остояки, которые относятся к Лумпокольской волости на реке Оби, но имеют особого князца.

Вдоль р. Kul-jogon пролегает обычная дорога на реку Таз, которую ежегодно используют сургутские казаки для сбора ясака с живущих в верховьях этой реки остояков. От устья речки Пкасар идут с нартами $1\frac{1}{2}$ дня до Манина озера, имеющего в поперечнике до 2–3 верст. От озера за $2\frac{1}{2}$ дня доходят вновь до р. Kul-jogon и сразу же оставляют ее так, что ее исток остается справа. Отсюда 10–12 дней пути, не пересекая рек или речек, нужно лишь перейти небольшие горы, являющиеся водоразделом между бассейнами рек Таз и Вах, после чего приходят на реку Karal-ki, впадающую в Таз. Karal-ki имеет течение с юга на север. Она возникает справа от направления пути из слияния различных маленьких речек. Там, где ее достигают, а это приблизительно посередине ее течения, она имеет ширину в 20–30 саженой. Ее по причине извилистости сразу же оставляют и дорога поворачивает влево, после чего за 5 дней добираются до Таза, которого достигают в 5 верстах ниже устья рч. Karal-ki. Здесь на правой стороне р. Таза имеется курья, называемая по-остояцки Kige, на которой находятся остояцкие жилища, где принимается ясак. Отсюда казаки идут как вверх, так и вниз по Тазу так далеко, как он заселен остояками, и они дают об известных им местах следующие сведения.

Направление течения р. Таза там, по-видимому, с юго-востока на северо-запад и на север, а исток, по рассказам тамошних остояков, должен находиться по соседству с впадающей в Енисей р. Елогуем. Ширина его в той местности от 200 до 300 саженой. Впадающие там в Таз известные реки и речки следующие.

Рч. Рата, впадает в Таз с левой, или юго-западной стороны, в 8 днях пути с нартами выше рч. Kige; шириной в 20–30 саженой. Здесь живут самые дальние остояки по р. Тазу.

Рч. Покатка, с той же стороны, в 4 днях пути ниже предыдущей; шириной в 20 саженой.

Рч. Siripta, с правой, или восточной, стороны, в одном – полутора днях пути ниже предыдущей; шириной в 10–15 саженой.

Рч. Karal-ki, с левой стороны, в 4 днях пути от рч. Покатки; шириной в 20–30 саженой (см. выше).

Рч. Kige, в 5 верстах от рч. Karal-ki (см. выше).

Рч. Вачка, с левой стороны, в 1 дне пути от рч. Kige; шириной в 10 саженой.

Рч. Толка, с той же стороны, в 4 днях пути от предыдущей; шириной в 10–15 саженой.

Рч. Григорка, с правой стороны, в 3 днях пути от предыдущей и в 6 днях пути по прямой дороге по суше, не пересекая речек Вачка и Толка, от рч. Kige; шириной в 10 саженой.

Рч. Часалка, с левой стороны, в 4 днях пути от предыдущей; шириной в 10–20 саженой.

Рч. Tat-potschel-ki, с правой стороны, в 8 днях пути от рч. Григорки. На ее устье находится Худасейский погост с построенной для тамошних остяков церковью, которая посвящена Св. Николаю. При ней, кроме церковных служителей, никто не живет.

Река Худасея, которая дала название предыдущему погосту, впадает с правой стороны, в $1\frac{1}{2}$ дня пути от этого погоста. Досюда простираются по р. Тазу места обитания остяков, относящихся к Сургутскому уезду. О низовьях реки Таза следует смотреть описание северных местностей Мангазейского уезда. Хотя, кроме того, и в описании р. Енисея от Енисейска до Мангазеи по поводу рек Елогуя и Пакулихи приведены некоторые сведения о впадающих в Таз речках, от сургутских казаков я не смог получить никаких разъяснений, чтобы провести сравнение с вышеуказанными сообщениями.

Далее вверх по Ваху.

Река Kuys, впадает в Вах с северной стороны, в 4 сутках плавания на каюках вверх от рч. Kul-jogon, считая по 30 верст за сутки. Шириной в 80–100 саженой.

Рч. Kam-ses, с южной стороны, в $2\frac{1}{2}$ сутках плавания от предыдущей. Шириной в 10–15 саженой. От рч. Kul-jogon досюда живут по Ваху остяки так называемой Тымской волости, которые, как и остяки, живущие по Тазу, говорят на одном языке с нарымскими остяками. А далее вверх Вах не заселен.

Рч. Волочанка, с северной стороны, в 4 сутках плавания от предыдущей. Шириной в 5–6 саженой. Это последняя из впадающих в Вах речек, о которой я имел возможность получить известие. Вах здесь еще имеет ширину до 200 саженой и течет с востока. О его истоках не известно ничего определенного. Можно предполагать, что они находятся по соседству с истоками впадающей в Обь реки Тым. Русские обычно ходят вверх по Ваху не далее Волочанки, и это делают лишь те из них, кто путешествует через Елогуйский волок к р. Енисею; об этом пути я уже дал сведения в описании путешествия от Енисейска до Мангазеи. Но поскольку там оставались некоторые сомнения, то я попытаюсь снять их здесь с помощью устного сообщения одного сургутского жителя, который неоднократно проделывал этот путь.

По Волочанке плывут $2\frac{1}{2}$ суток вверх против течения до волока, испытывая при этом много мучений, так как речка вверху очень мелкая, ибо возле волока она имеет ширину приблизительно лишь в 2 сажени и возникает в нескольких верстах к северу от него. Волок тянется примерно на 10 верст через мокрое болото, где часто приходится идти вброд по колено. Товары несут на себе, а маленькие суда тащат за собой. За один день волок проходят туда и обратно. Черная – это та речка, по которой после преодоления волока вновь отправляются водой. Она течет с юга на север и хотя больше Волочанки, но с очень быстрым течением и подводными камнями на дне, о которые иногда разбиваются маленькие суда. От волока по Черной идут вниз по течению до ее устья полдня. Она впадает в Елогуя с южной стороны, а исток последней находится на северо-западе, напротив реки Таза. От устья Черной вниз по Елогую на тех же судах доходят до реки Енисея обычно за трое суток.

РГАДА. Ф. 199. Портф. 517, ч. 2. Д. 5.

Известия о Юганской Оби и впадающих в нее реках из устных рассказов, живущих там остяков

Юганская Обь, по-остяцки Ai-Ass, то есть Малая Обь, является рукавом реки Оби, который отделяется от настоящего большого рукава реки в левую, или южную, сторону в 42 верстах выше города Сургута и соединяется с ним вновь в 97 верстах ниже города. Русское название произошло от того, что в этот рукав впадает река, которую остяки называют без добавления собственного имени просто Jogon, а русские произносят это название как Юган. Устье этой реки находится примерно напротив города Сургута или немного ниже. От Сургута через Обь и образованный указанным рукавом остров доходят

до устья р. Юган в зимнее время за один день. Выше р. Юган на левой стороне Юганской Оби имеются две протоки, а именно.

Rokam-Ass, то есть Гнилая Обь, в 15 верстах от верхнего устья, образует большую излучину к югу и снова впадает в Юганскую Обь в 5 верстах от первого места. В Rokam-Ass впадает Irelikn-jogon, то есть Левая речка, с левой стороны, недалеко от нижнего устья протоки и имеет свой исток на расстоянии 1 дня пути.

Isi-Ass, то есть Кривая Обь, вторая протока на левой стороне, берет начало в 5 верстах от протоки Rokam-Ass и кончается в 5 верстах оттуда. От этого места еще 15 верст до устья р. Юган, ширина которой составляет 30–40 сажений и которая течет прямо с юга. Устье находится не точно напротив города Сургута, а несколько западнее. В 4 днях пути на лодке вверх по течению р. Юган разделяется на два рукава, каждый из которых имеет собственный исток. Правый рукав называется Большим Юганом, по-остяцки Intl-jogon, а левый – Малым Юганом, по-остяцки Ai-jogon.

В Большой Юган впадают следующие речки.

Njukos-jogon, с востока, в 3 днях пути выше Малого Югана. Возникает на расстоянии 6 дней пути.

Wonteris-jogon, с запада, в 4 днях пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Lokub-jogon, с востока, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Kuggrung-jogon, с запада, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Kurris-jogon, с востока, в 3 днях пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути.

Kurris-jogon, с востока, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути.

Intl-ilpa-jogon, с запада, в $1/2$ дня пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Pullun-jogon, в 2 днях пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Dsjackar-jogon, с запада, в 2 днях пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Emtl-janka-jogon, с запада, в 2 днях пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути.

Iink-Waijacken-jogon, с востока, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Logol-jogon, с запада, в 2 днях пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Maggrupsi-jogon, с востока, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Sugmut-jogon, то есть рч. Березовка, с запада, в 3 днях пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути.

Hockun-jogon, с востока, в 3 днях пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути.

Talym-jogon, с запада, в 3 днях пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Kaiantli-jogon, с запада, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Meul-jogon, с запада, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Luckun-jogon, с востока, в 3 днях пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути. До этого места остяки могут проходить реку вверх по течению на лодках. Ее ширина здесь составляет от 5 до 6 сажений. Отсюда далее вверх до истока реки остяки путешествуют лишь зимой пешком ради охоты и на путь от речки Luckun-jogon до истока р. Юган требуется 3–4 дня ходьбы с нартами. Река Демьянка, впадающая в Иртыш, должна возникать как раз в этом месте. Остяки во время своих медленных охотничьих путешествий проходят от истока одной реки до истока другой за 3 дня.

В Малый Юган впадают.

Tinkel-jogon, с северо-востока, в 2 днях пути от устья. Исток в 2 днях пути.

Siggeb-jogon, с северо-востока, в 2 днях пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути.

Koruseb-jogon, с северо-востока, в $1\frac{1}{2}$ днях пути от предыдущей. Исток в $1/2$ дня пути.

Kalyb-jogon, с юго-востока, в 3 днях пути от предыдущей. Исток в 3 днях пути.

Kugr-jogon, с юго-востока, в 3 днях пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути. До этого места остяки проходят на лодках. Отсюда еще 3 дня пути с нартами до истока Малого Югана. Как Большой Юган течет с юга, так Малый имеет течение с востока. Обе они заселены остяками, которые в сургутских ясачных реестрах поделены именно по этим рекам на Большую и Малую Юганские волости.

Balyk-jogon, впадает в Юганскую Обь с юга, примерно в 30–40 верстах ниже устья реки Юган. Ее ширина составляет 20–30 сажень. Так как река точно так же заселена осянками, то их волость названа по ней Бальцкой. Эти осянки дали следующие сведения о впадающих в Бальк речках.

Putschip-ige-jogon, с востока, в 1 дне пути от устья. Исток в 2 днях пути.

Pitjer-jogon, с запада, в $1\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути.

Ponum-jogon, с запада, в $1\frac{1}{2}$ днях пути от предыдущей. Исток в 3 днях пути.

Intl-jogon, с востока, в $2\frac{1}{2}$ днях пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Kon-jogon, с запада, в $1\frac{1}{2}$ пути от предыдущей. Исток в 4 днях пути. От этого устья до истока р. Бальк еще 4 дня пути и оттуда за два дня доходят до истока речки Kuglung-jogon, которая впадает в Большой Юган.

Далее об этом рукаве реки Оби нет ничего достопримечательного. Он снова соединяется с большим рукавом реки в 97 верстах ниже Сургута, как об этом будет сообщено в описании пути от Сургута до Березова.

РГАДА. Ф. 199. Портф. 517, ч. 2. Д. 5.

Путешествие от Сургута вниз по реке Оби до Березова. 1740 г.

4 июля с наступлением ночи отправились из Сургута.

Кривая протока, маленький рукав р. Оби между городом и расположенным перед ним островом.

Перевезин яр, обрывистый высокий берег на правой стороне, в 6 верстах от города.

Кривая Обь, по-осянки Wonting-ass, криво текущий рукав реки на левой стороне; берет свое начало в 15 верстах от Сургута и простирается, считая вдоль главного русла, на 10 верст.

Зырянская Обь, по-осянки Kugi-ass, на правой стороне; берет свое начало немного ниже верхнего устья предыдущего рукава Кривая Обь и является основным, а в осеннее время и единственным судоходным большим рукавом реки Оби. Но поскольку он образует излучину к северу, то при высокой воде движение обычно осуществляется по среднему рукаву реки между Кривой Обью и Зырянской Обью, который называется Малой Обью.

5 июля.

Рч. Пашилева, по-осянки Tschom-jogon, впадает в Зырянскую Обь с правой стороны, в 20 верстах от города Сургута. Возникает поблизости и в осеннее время полностью пересыхает.

Сайгетины юрты, по-осянки Kugi-pugl, на правом берегу, в 2 верстах от предыдущей речки. Имеет 5 юрт Бальцкой волости.

Кривая Обь, ее нижнее устье, на левой стороне, в 28 верстах от Сургута.

Зырянская Обь, ее нижнее устье, на правой стороне, в 1 версте от предыдущей.

Протока Остяцкая, или Есмирова, по-осянки Kunk-ong-mugot, на правой стороне; отделяется от Зырянской Оби недалеко от Сайгетиных юрт и соединяется вновь с р. Обью в 2 верстах ниже этого рукава.

Kunk-ong-pugl, на правом берегу Остяцкой протоки, недалеко от ее нижнего устья. Имеет 3 юрты Бальцкой волости.

Гнилая протока, по-осянки Oskun-mugot, на правой стороне, немного ниже Остяцкой протоки. Впадает в нижеследующую Митрохину протоку недалеко от ее начала.

Kutschim-jogon, впадает в Гнилую протоку с правой стороны, недалеко от ее верхнего устья. Возникает на расстоянии 1 дня пути.

Митрохина протока, по-осянки Pallechkat-ass, на правой стороне, в 6 верстах от нижнего устья Зырянской Оби; длиной в 15 верст.

Протока Сенганей, по-осянки Sankarang-passil, на левой стороне, немного выше нижнего устья предыдущей протоки. Течет из Большой Оби в так называемую Малую, или Юганскую, Обь, о чем следует смотреть в начале описания путешествия от Нарыма до

Сургу́та. Расстояние между обоими указанными рукавами реки здесь составляет по прямой дороге 10 верст.

Деревня Панкина, на правом берегу, в 4 верстах от Митрохиной протоки и от Сургу́та в 45 меренных верстах по прямой дороге зимой. Раньше состояла из 4 дворов, в которых жили сургутские казаки и разночинцы, но, после того как 3 двора были постепенно смыты рекой, подрывающей берег, их жители вернулись в город. Да и в оставшемся дворе сейчас живут лишь в зимнее время.

Kasna-passil, на правой стороне, в 2 верстах от предыдущей деревни; впадает в нижеследующую Тундрину протоку.

Камаевы острова, 3 расположенных рядом последовательно по течению острова, первый из которых начинается недалеко от Kasna-passil и имеет длину в 2 версты, второй – в $\frac{1}{2}$ версты от предыдущего и одинаковой с ним длины, третий – в 1 версте от второго, длиной в $\frac{1}{2}$ версты. Большой рукав реки находится по левую сторону указанных островов; рукав справа осенью не мелеет.

Сарманова протока, по-остяцки Sarman-passil, на левой стороне; ее верхнее устье находится напротив последнего из предыдущих островов.

Ночью с 5 на 6 июля.

Тундрина протока, по-остяцки Iagomloch-ass, на правой стороне; начало берет в 2 верстах от последнего из указанных островов.

Сарманова протока, ее нижнее устье, на левой стороне, в 18 верстах от ее верхнего устья.

Тундрины юрты, на левом берегу, немного ниже предыдущей протоки и в $21\frac{1}{2}$ меренных верстах от дер. Панкиной.

6 июля.

Шайтанской яр, или Болванской мыс, по-остяцки Wontse-reud, высокий гористый берег на левой стороне, немного ниже Сармановой протоки, в 25 верстах от деревни Панкиной; простирается на одну версту вдоль р. Оби. Раньше здесь стояли многочисленные изображения остяцких идолов, или так называемых шайтанов и болванов, которые остяки во время язычества обновляли каждые три года в память о бывшем в этом месте в древности сражении между ними и самоедами, в котором пало 300 остяков вместе с их вождем. Памятное изображение вождя стояло в центре, а вокруг него – изображения 300 его рядовых [дружинников]. Каждому из них также поклонялись и жертвовали шелковые и иные тряпочки. Обновление идолов происходило каждые три года при общем сборе остяков с Оби и Иртыша.

Watschin-jogon, то есть Уская речка, впадает в Тундрину протоку с правой стороны, немного выше ее нижнего устья; возникает на расстоянии лишь нескольких верст.

Тундрина протока, ее нижнее устье, в 6 верстах от Шайтанского яра.

Река Пым, по-остяцки то же название, впадает с правой стороны двумя рукавами, или устьями; один из рукавов впадает в Тундрину протоку, немного ниже рч. Watschin-jogon, а другой – в Обь, в 3 верстах от устья Тундриной протоки. По этой реке живут остяки, образующие особую волость, которая называется по реке Пымской. Они дали мне следующие сведения о речках, впадающих в Пым.

Milling-jogon, с востока, в $1\frac{1}{2}$ днях пути на лодке от устья. Возникает на расстоянии 2 дней пути.

Ljek-jogon, с северо-запада, в $\frac{1}{2}$ пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Watsching-jogon, с востока, в 3 верстах от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Ai-jugling-jogon, с востока, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Исток в $\frac{1}{2}$ дня пути.

Intl-jugling-jogon, с северо-запада, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в 3 днях пути.

Njargat-jogon, с востока, в 2 днях пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути.

Торра-jogon, с востока, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути.

Tugut-liggom-jogon, с востока, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Исток в 3 днях пути.

Ljarikni-jogon, с востока, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Kuttung-tur (то есть Лебязье Горло)-jogon, с востока, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Исток в $2\frac{1}{2}$ днях пути.

Watsching-jogon, с востока, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в $3\frac{1}{2}$ днях пути.

Kin-jogon, то есть рч. Медвежья, с востока, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути. В $1\frac{1}{2}$ днях пути от этой речки Пым возникает от слияния двух так называемых росох, или рукавов. Левый рукав, который течет с севера или с северо-запада, называется Малым Пымом, по-остяцки Ai-рум-jogon, поскольку по величине он заметно отличается от правого, или восточного рукава, сохраняющего прежнее название. Малый Пым не судоходен, но все же остякам требуется 5 дней пути до его истока. В Большой Пым впадают еще следующие речки.

Iagming-jogon, с востока, в 2 днях пути от рч. Ai-рум. Исток в $1\frac{1}{2}$ днях пути. Досюда остяки могут плыть вверх по Пыму на маленьких лодках. Остальной путь проделывается с нартами.

Lartlamung-рум-jogon, с северо-запада, в 2 днях пути от предыдущей. Исток в 3 днях пути.

Iuckun-jogon, то есть Лесная речка, с востока, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в $1\frac{1}{2}$ днях пути. Отсюда еще 3 дня пути до истока р. Пыма. Оттуда остяки едут два дня на оленях без груза до истока рч. Limpasing-jogon, впадающей в Togom-jogon, о чем следует смотреть описание путешествия от Нарыма до Сургута. Для одного такого дня пути можно брать до 50 и более верст. Дорога здесь, видимо, идет прямо на восток, а течение р. Пыма вообще определяется с северо-востока на юго-запад. Его средняя ширина составляет, говорят, от 20 до 30 сажень.

Далее вниз по Оби.

Lemen-ong-mugot, маленькая протока на правой стороне, в 4 верстах от реки Пыма. Впадает в нижеследующую речку Limen-jogon.

Языкина заостровка, на левой стороне, напротив предыдущей. Длинной лишь приблизительно в 2 версты.

Протока без названия, в 3 верстах от предыдущей; впадает из Большой Оби в Юганскую Обь.

Языкины юрты, на левом берегу предыдущей протоки, в 1 версте от устья и в 16 меренных верстах от Тундриных юрт.

Lemen-jogon, впадает с правой стороны, в $\frac{1}{2}$ версты ниже предыдущей протоки и в 10 верстах от реки Пым.

Красной яр, низкий обрывистый берег на правой стороне; берет начало возле устья предыдущей речки и имеет длину в 2 версты.

Красноярская заостровка, по-остяцки Wurtrap-mugot, на правой стороне, в 3 верстах от конца указанного обрывистого берега; длиной в 4 версты.

Кунины юрты, по-остяцки Kunja-pugl, на правом берегу, в 2 верстах от нижнего устья предыдущей заостровки и в $10\frac{1}{2}$ верстах от Языкиных юрт. Имеет 2 юрты Салымской волости. Язык здешних и последующих остяков диалектом несколько отличается от языка предыдущих.

Юганская Обь, по-остяцки Ai-Ass, соединяется вновь с большим рукавом реки Оби в 4 верстах от предыдущей остяцкой деревни и в 97 верстах от Сургута после того, как она отделилась от него в 42 верстах выше города, как об этом сказано в описании путешествия от Нарыма до Сургута, где я вначале также дал сведения об этом рукаве и впадающих в него реках.

Ситимина протока, по-остяцки Isi-passil, на правой стороне, в 6 верстах от нижнего устья Юганской Оби. Через нее всегда осуществляется движение как вверх, так и вниз по течению.

Tschigimko-jilre, маленькая ключевая речка, впадающая в Ситимину протоку с правой стороны, в 5 верстах от ее верхнего устья. Возникает на расстоянии 1 версты.

[Юрты] Tschigimko-pugl, на истоке указанной ключевой речки, в 11 верстах по прямой сухопутной дороге от Куниных юрт. Имеет 4 юрты Селиарской волости.

Тукаскины юрты, по-остяцки Tukaske-pugl, на Ситиминой протоке, на острове, который образован этой протокой и р. Обью, в 9 верстах от предыдущей деревни. Имеет 2 юрты той же волости.

Ночью с 6 на 7 июля.

Roosh- или Rau-mugot, рукав реки Оби на ее левой стороне; берет начало напротив предыдущей деревни.

Ситиминая протока, ее нижнее устье, в 5 верстах от Тукаскиных юрт. Это место считается серединой пути от Сургута до Самаровского яма.

Сакалевы юрты, по-остяцки Sakal-pugl, на правом берегу, в 4 верстах от нижнего устья Ситиминой протоки, а от Тукаскиных юрт по прямой дороге в 9¹/₂ верстах. Имеет 4 юрты предыдущей волости.

Salum-jaga, впадает с левой стороны в вышеупомянутую протоку Roosh-mugot напротив предыдущей деревни; шириной в 20–30 саженой. В ее низовьях живут остяки предыдущих Салымской и Селиарской волостей, которые, однако, знают не всю реку до ее истока. Они знают лишь о двух впадающих в нее речках, а именно.

Ai-wasch-jaga, с запада, в 3 днях пути по воде от устья. Исток в 5 днях пути.

Tlar-sap-jaga, с запада, в 2 днях пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути. На расстоянии 3 дней пути отсюда живут остяки Тарханской и Нарымской волостей Тобольского уезда и эти жилища находятся на широте Филинского погоста на реке Иртыше, потому что здесь проходит обычная дорога между Салымом и Иртышом, которая преодолевается с легкими нартами за 3 дня. Исток р. Салыма находится, вероятно, в одном месте с истоком р. Югана, впадающего в Юганскую Обь и истоком Демьянки, впадающей в Иртыш.

7 июля.

Балины юрты, по-остяцки Bala-pugl, на правом берегу, в 26 верстах от Сакалевых юрт. Имеет 3 юрты, которые являются последними в Селиарской волости. С этой деревней также заканчивается и Сургутский уезд.

Lukrap-mugot, рукав р. Оби на правой стороне; берет начало немного выше нижеследующего села.

Селиарский, или Успенский, погост, прежде дер. Горшкова, на верхнем конце острова, образованного предыдущей протокой и р. Обью, в 9 верстах от Балиных юрт. Имеет церковь Успения Богородицы, построенную для здешних остяков и 4 ямщицких двора, относящихся к Самаровскому яму.

Roosh-mugot, его нижнее устье, в 6 верстах от предыдущего села.

Lukrap-mugot, его нижнее устье, немного ниже предыдущего.

Чебыковы юрты, по-остяцки Tscheyuk-pugl, на правой стороне, несколько в стороне от реки, на озере, в 9 верстах от Успенского погоста. Имеет 3 юрты Назымской волости Тобольского уезда.

Неулева протока, по-остяцки Lergong- или Lerik-passil, на левой стороне, в 8 верстах от Чебыковых юрт. Течет из Оби в Иртыш и служит для обычного пути для судов, направляющихся от Сургута до Самаровского яма и Тобольска или также от них вверх по Оби. Она имеет длину, не считая поворотов, в 50 верст, а устье находится в 7 верстах ниже Самаровского яма. На этой протоке имеются:

Дер. Спиридонова, на левом берегу Неулевой, в 10 верстах от места ее отделения от Оби и в 18 верстах от Чебыковых юрт. Имеет 4 двора.

Дер. Конова, или Соскина, на том же берегу, в 6 верстах от предыдущей. Имеет 4 двора.

Дер. Сункина, на том же берегу, в 3 верстах от предыдущей. Имеет 1 двор.

Дер. Милянова, или Зуева, на том же берегу, в 7 верстах от предыдущей. Имеет 2 двора.

Все эти деревни заселены ямщиками, относящимися к Самаровскому яму. Возле последней деревни имеется также 8 остяцких юрт Назымской волости, которые называются Шапшиными юртами. Зимняя дорога от Миляновой до Самаровского яма на протяжении 15 верст идет вдоль Неулевой, а затем поворачивает наискосок через сушу и через волок и насчитывает еще 14 верст. Согласно сургутскому канцелярскому известию,

от Сургута до Самаровского яма по летнему водному пути насчитывается 265 верст, а по зимнему – 230 верст.

Далее вниз по реке Оби.

Дер. Зинкова, или Зиновьева, на левом берегу, в 2 верстах от Неулевой и в 10 верстах от Чебыковых юрт. Имеет 2 ямщицких двора, относящихся к Самаровскому яму.

Дер. Скрипунова, на правой стороне, в нескольких верстах от берега, на протоке, напротив предыдущей деревни. Имеет 3 ямщицких двора, относящихся к Самаровскому яму.

Протока Соспос, по-остяцки Sos-passil, на левой стороне; берет начало от предыдущей деревни.

Старая Обь, протока на правой стороне, в 4 верстах от начала предыдущей протоки. Длинной приблизительно лишь в 2 версты.

Рч. Ахтамина, по-остяцки Sun-jaga, впадает с правой стороны, в 12 верстах от предыдущей протоки. Имеет ширину приблизительно лишь в 4–5 сажений, однако отдаленный исток, а именно в близком соседстве с истоком реки Lemen (о которой выше). Ахтамины юрты, по-остяцки Achtam-pugl, на правом берегу, в 2 верстах от устья предыдущей речки. Имеет 3 юрты Назымской волости.

Ночью с 7 на 8 июля.

Протока Соспос, ее нижнее устье, на левой стороне, в 10 верстах от предыдущей деревни.

Река Назым, по-остяцки Mosim-jaga, впадает с правой стороны, в 15 верстах от предыдущей протоки. Образует возле устья большой сор, выше которого его ширина составляет 40–60 сажений. Продолжительное время течет с севера, пока наконец не поворачивает на восток к истоку. Там, где Назым впадает в сор, на его западном берегу на горе имеется старая остяцкая крепость, которую остяки называют Iank-uasch. Слово Iank означает «клин», и крепость получила название оттого, что гора, на которой она находится, заострена наподобие клина. Мне сообщили о следующих речках, впадающих в Назым.

Runich-jaga, с востока, в 2 днях пути от устья. Возникает на расстоянии 7 дней пути по соседству с впадающими выше в Обь речками Ахтамина и Lemen.

Iit-jach-jaga, с востока, в 2 днях пути от предыдущей. До истока 3 недели пути. В Iit-jach-jaga впадает рч. Til-jach-jaga, с севера, в 2 днях пути от устья. Исток в 3 днях пути.

Chandschen-chul-jaga, с востока, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в 3 днях пути.

Sorting-jaga, с востока, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути. Досюда река заселена остяками, волость которых от реки получила название Назымской. Однако летом они находятся большей частью на реке Оби из-за рыбной ловли.

Noms-jach-jaga, с востока, в 1 дне пути от предыдущей; такая же большая, как и Назым. Исток в 2–3 неделях пути. На этой и последующих впадающих в Назым речках и реках живут самоеды, относящиеся к Березовскому уезду и платящие ясак на реку Казым, которая впадает ниже в Обь.

Маленькая речка без названия, впадает с запада, в $1\frac{1}{2}$ днях пути от Noms-jach-jaga. Возникает на расстоянии не более 6 верст, и как раз там возникает также речка Karing-jaga, которая ниже впадает в Обь возле остяцкой деревни Karim-Kaга. Остяки и самоеды используют эту речку зимой как дорогу при переходе от Назыма к Оби. Дорога преодолевается за два дня пути пешком с нартами. Самоедам на оленях требуется лишь один день.

Ieung-jaga, с востока, немного выше предыдущей. Возникает на расстоянии 1 дня пути.

Chulech-sandom-jaga, с востока, в $1\frac{1}{2}$ –2 днях пути от предыдущей. Возникает на расстоянии 3 дней пути.

Wuung-war-jaga, с востока, в 2 днях пути от предыдущей. Возникает на расстоянии 3 дней пути.

Paneng-jaga, с запада, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Возникает на расстоянии 2 дней пути.

Ljalt-jaga, с запада, в 3 днях пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути, и здесь же возникает речка Moïing-jaga, впадающая в Большой Атлым, а он, как об этом последует ниже, впадает в Обь. Выше рч. Ljalt-jaga (неизвестно, как далеко) Назым возникает из слияния двух рек. Правая из них, которая течет с востока, сохраняет прежнее название Mosim, а левая называется с добавлением – Nagur-juch-mosim, то есть Кедровой Назым, и имеет исток на севере или северо-востоке, вблизи речки Amja, впадающей в Казым, а последний – ниже в Обь. С Казыма тамошние остяки и самоеды по этой Кедровой реке часто приходят на Назым. От истока до устья этой реки им, говорят, требуется 3 больших дня пути на оленях; на каждый день можно считать по 50–60 верст. Большой Назым также посещается самоедами, однако не слышали, как далеко до его истока. Известно лишь, что вдоль него пролегает обычная самоедская дорога на реку Пур. Я не имел возможности увидеть кого-нибудь из этих самоедов, потому что летом они живут в большом удалении и обычно приходят на Обь и в ее окрестности лишь зимой. Отсюда я должен был удовлетвориться остяцкими сообщениями, основанными большей частью на слухах. Далее вниз по реке Оби.

Тренкины юрты, по-остяцки Langaltang-pugl, на правом берегу, немного ниже устья р. Назыма. Имеет одну юрту Белогорской волости.

8 июля.

Река Иртыш, по-остяцки Langal, или Sangal, впадает с левой стороны, в 12 верстах от устья р. Назыма. Это истинное большое устье р. Иртыша, до которого от Самаровского яма насчитывается 17 верст.

Ушаевы юрты, по-остяцки Langaltang-pugl, на устье реки Иртыша, на его правом берегу. Имеет 2 юрты Белогорской волости. Напротив устья реки Иртыша на правом берегу р. Оби возвышаются высокие горы, которые постоянно сопровождают Обь вниз по течению и здесь называются Белыми горами. От них здешняя остяцкая волость получила название Белогорской.

Gulang-wasch, бывшее остяцкое укрепление на правом гористом берегу р. Оби, прямо напротив устья Иртыша, следы которого еще заметны. Название Gulang означает восход солнца. Белогорские юрты, которые последуют вскоре ниже, имеют еще это название на остяцком языке.

Березовская протока, по-остяцки Chausep, или Nokset, рукав Иртыша, впадает в 6 верстах от предыдущего большого устья в Обь и имеет такое название оттого, что по нему осуществляется езда из Иртыша на Березов.

Старое Городище, на правом берегу, напротив устья предыдущей протоки. Является местом, где стоял первый русский острог на реке Оби, вместо которого позднее был построен город Сургут.

Белогорской остров, посередине реки, в 2 верстах от места впадения Березовской протоки р. Иртыша. Длинной в 4 версты.

Деревня Прохорова, прежде Белогорской погост, на верхнем конце предыдущего острова, напротив левого берега. Имеет 3 двора ямщиков, относящихся к Самаровскому яму.

Белогорские юрты, по-остяцки Gulang-pugl, на правом берегу, в 3 верстах от устья Березовской протоки. Имеет 6 зимних и столько же летних юрт предыдущей волости. Сюда прибыли в 7 часов утра и стояли до 3 часов второй половины дня, поскольку ожидали проводника из Самаровского яма для путешествия в Березов.

Сухая заостровка, на правой стороне; берет начало напротив конца Белогорского острова и имеет длину в 2 версты.

Ендерская протока, по-остяцки Emderp-passil, на левой стороне. Берет начало в 3 верстах от нижнего конца Сухой заостровки и имеет протяженное течение, пока не соединится вновь с р. Обью (как об этом последует ниже, в соответствующем месте). В Ендерскую протоку впадает Байбалакова протока, по-остяцки Kelma-passil, которая вытекает из реки Иртыша выше Самаровского яма. В эту протоку впадают.

Uinke-jach-jaga, на широте устья р. Иртыша. Исток в $\frac{1}{2}$ дня пути.

Wasch-jaga, недалеко от места впадения в протоку Emdet. Возникает на расстоянии 1 дня пути. На этой речке имеются следы прежней, старой остяцкой крепости.

Белогорской, или Троицкой, погост, на левом берегу, в 6 верстах от предыдущей протоки Emdet и в 13 верстах от Белогорских юрт. Имеет церковь, посвященную Св. Троице, перенесенную сюда с Белогорского острова. При ней, помимо жилищ церковных служителей, нет больше никаких русских жителей. Однако много остяков предыдущей волости живет здесь зимой в 20 юртах, и эти жилища уже были здесь до основания церкви, и они назывались в это время по-русски Шайтанскими юртами, а по-остяцки Lonk-pugl, потому что здесь с давних пор стоял знаменитый остяцкий идол, называемый на здешнем остяцком диалекте Lonk, а по-русски шайтаном. Этот идол после данного этому народу крещения еще довольно долгое время тайно содержался, пока наконец не был открыт и сожжен подобно другим. Остяки называли его из почета Ort-lonk, то есть князь идолов. У русских же он был наиболее известен под именем Мастерков шайтан, так как за ним осуществлял присмотр идольский жрец по имени Мастер. Говорят, что его принесли сюда из Пермии в то время, когда она была приведена к христианству. Его описывают таким образом, что он был вырублен из дерева в виде фигуры человека небольшого роста, на нем было множество одежд из тонкого сукна и камки и с лицом, украшенным листовым железом. Он стоял в особой небольшой избушке, обитой красным сукном, на персидском ковре и рядом с ним по обе стороны были поставлены для прислуживания две женские фигуры, которые состояли из связанных между собой березовых обручей, поверх которых была одета женская одежда. Остяки почитали его не только тем, что жертвовали хорошую одежду и различные меха, но иногда также закалывали в качестве жертвы для него крупный рогатый скот или лошадь, а мясо от них съедали. Летние жилища этой деревни находятся поблизости, по обе стороны реки, как выше, так и ниже по течению.

Богдашкина протока, по-остяцки Wogu-passil, на левой стороне, в 14 верстах от Троицкого погоста; течет из Оби в вышеупомянутую протоку Emdet. Вдоль нее, учитывая повороты, один день пути по воде от Оби до протоки Emdet. Когда же высокая вода затопляет низкие места между Обью и протокой Emdet так, что по ним везде можно проехать на лодке, на это требуется не более как полдня пути.

Богдашкины юрты, по-остяцки Lorang-pugl, на левом берегу, на устье предыдущей протоки. Имеет 1 юрту предыдущей волости.

Остров посередине р. Оби, берет начало напротив указанных юрт и длиной в одну версту. Раньше здесь была лишь песчаная отмель, которая только несколько лет назад выросла в остров.

Небольшая протока на правой стороне, берет начало в 4 верстах от конца предыдущего острова и длиной в 5 верст.

Atim-jaga, или, иначе, Rogam-jaga, впадает в предыдущую маленькую протоку с правой стороны, в 1½ верстах от ее верхнего устья. Возникает на расстоянии 2 дней пути.

Ночью с 8 на 9 июля.

Олтурмина протока, по-остяцки Wochleng-mugot, на левой стороне, берет начало в конце предыдущей протоки.

Wessagul-jaga, впадает с правой стороны, в 12 верстах от Atim-jaga, а возникает на расстоянии 7 дней пути по соседству с впадающей выше в Обь р. Назымом. Остяки доходят от истока р. Wessagul до Назыма за полдня пути и достигают его в ½ дня пути выше впадающей в Назым реки It-jach-jaga.

Олтурминские юрты, по-остяцки Wochleng-pugl, на левой стороне Олтурминой протоки, почти на одной широте с предыдущей речкой, в 1 версте от берега р. Оби и в 22 верстах от Богдашкиной. Имеет 9 зимних юрт предыдущей волости.

Олтурмина протока, ее нижнее устье, в 2 верстах от предыдущей деревни.

Дер. Олтурминская, или Елизарова, на левом берегу, в $\frac{1}{2}$ версты от Олтурминой протоки и в $24\frac{1}{2}$ верстах от Богдашкиных юрт. Имеет 3 двора ямщиков, относящихся к Самаровскому яму.

Олтурминские летние юрты, на левом берегу, в $\frac{1}{2}$ версты от предыдущей деревни. Имеет здесь 7 юрт и в 3 верстах ниже, на правом берегу, еще 3 юрты предыдущей волости.

Wochlem-jaga, впадает с правой стороны, в 2 верстах от последних летних юрт. Возникает на расстоянии 3 больших дней пути и течет с северо-востока.

9 июля.

Leut-jach-pugl, на правом берегу, в 4 верстах от предыдущей речки. Имеет 3 летние юрты Сухоруковой волости.

Кинины юрты, по-остяцки Kinga-pugl, на левом берегу, в 1 версте ниже предыдущих юрт и в 10 верстах от Олтурминской, или Елизаровой, деревни. Имеет 2 зимние и 2 летние юрты Сухоруковой волости.

Maget-jaga, с правой стороны, в 6 верстах от предыдущей деревни. Возникает на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути.

Сухоруковые острова, два расположенных поблизости друг от друга острова посередине реки. Тот, что справа, из-за находящегося на правой стороне р. Оби гористого берега называется по-русски с добавлением Горной. А по-остяцки остров справа называется Pugl-jach-rogu, а левый – Rokn-rogu. Между островами имеется протока, которая осенью почти полностью пересыхает. От Кининых юрт до начала острова Pugl-jach 7 верст, а оттуда до начала острова Rokn-rogu 2 версты.

Село Сухоруковское, на верхнем конце острова Rokn-rogu, в 10 верстах от Кининых юрт. Имеет церковь Сошествия Святого Духа, построенную для здешних остяков, и, помимо жилищ церковных служителей, 3 ямщицких двора, относящихся к Самаровскому яму.

Pugl-jaga, с правой стороны, напротив предыдущего села. Исток в 1 дне пути.

Seul- или Wass-jaga, впадает с западной стороны в вышеуказанную протоку Emdar, на одной широте с предыдущим селом. Возникает на расстоянии 7–10 дней пути из озера.

Конец острова Pugl-jach, в 5 верстах от речки Pugl-jaga.

Wosch-jaga, с правой стороны, в 3 верстах от конца предыдущего острова. Исток в $\frac{1}{2}$ дня пути.

Сухоруковые юрты, по-остяцки Torbet- или Lotbet-jach-pugl, на левом берегу, на широте предыдущей речки, в 8 верстах от села Сухоруковского. Имеет 8 зимних юрт предыдущей волости.

Конец острова Rokn-rogu, в 3 верстах от предыдущей деревни.

Сухоруковские летние юрты, на левом берегу, немного ниже конца предыдущего острова. Имеет 4 юрты, относящиеся к предыдущей зимней деревне.

Pugling-jaga, с правой стороны, в 3 верстах от конца предыдущего острова. Исток в $\frac{1}{2}$ дня пути. Вдоль этой речки остяки ходят с Оби до истока Wochlem-jaga (о которой выше) и проделывают этот путь за один день.

Pagge-jaga, с правой стороны, в 3 верстах от предыдущей речки. Исток в 2 днях пути.

Остров недалеко от правого берега, в 2 верстах от предыдущей речки, длиной в 2 версты.

Казенные юрты, по-остяцки Gasna-pugl, на правом берегу, в 2 верстах от предыдущего острова и в 15 верстах от Сухоруковых юрт. Имеет одну юрту предыдущей волости.

Chuitschup-pugl, на правом берегу, в 3 верстах от предыдущей. Имеет 4 летние юрты предыдущей волости.

Rut-jaga, с правой стороны, в 2 верстах от [дер.] Chuitschup-pugl. Исток в 2 днях пути.

Kewaschko-passil, маленькая протока, которая берет начало из протоки Emdar (о которой выше) на широте Казенных юрт и впадает в Обь с левой стороны, напротив предыдущей речки. Здесь между Обью и протокой Emdar насчитывается до 20 верст по прямой дороге, или один остяцкий день пути зимой пешком с легкими нартами.

Emdar-jaga, впадает в протоку Emdar с левой стороны, прямо напротив Kewaschko-passil и Rut-jaga. Шириной в 20–30 саженой и принимает в себя следующие речки.

Tanklai-jaga, с южной стороны, в 1 дне пути от устья. Исток в 1 дне пути.

Sigga-jaga, с северной стороны, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Исток в 3 днях пути.

Ieming-jaga, с северной стороны, в 1 малом дне пути от предыдущей. Почти такая же большая, как Emderg. В нее впадают.

Lau-jaga, с запада, в 3 днях пути от устья. Имеет почти такую же величину, как Ieming-jaga и возникает на расстоянии 3 дней пути.

Ai-jaga, с востока, в 3 верстах от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Nirning-jaga, с запада, в 1 версте от предыдущей. Исток в $\frac{1}{2}$ дня пути. Отсюда еще 4 дня пути с нартами до истока Ieming-jaga, где раньше стоял остяцкий идольский домик (Ieming-chat, Lunk-chat), что дало название речке. Как и лесное урочище на истоке речки еще называется Ieming-wond.

Ai-jaga, с юга, в $1\frac{1}{2}$ днях пути от Ieming-jaga. Исток в 2 днях пути.

Tschisch-jaga, с юга, в $1\frac{1}{2}$ днях пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути.

Nip- или Niggip-jaga, с юга, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Tuwan-jaga, с севера, в 2 верстах от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Kolla-jaga, с севера, в 1 малом дне пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Neura-jaga, с юга, в 1 дне пути от предыдущей. Исток в $\frac{1}{2}$ дне пути.

Charra-jaga, с юга, в 3 днях пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути.

Larri-jaga, с юга, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Iing-jaga, с юга, в 1 версте от предыдущей. Исток в 1 дне пути. Досюда Emderg заселена остяками, и так далеко вверх по ней могут плыть они на лодках.

Naungschings-jaga, с юга, в 1 большом дне пути от предыдущей. Исток в $1\frac{1}{2}$ днях пути.

Kulling- или Chulling-jaga, с юга, в 4 верстах от предыдущей.

Moipent-jaga, с севера, в 1 версте от предыдущей. Исток в 1 дне пути. На расстоянии 1 дня пути отсюда Emderg возникает из слияния двух речек, которые обе носят название Kum, но с тем различием, что правая называется с добавлением Ai-Kum, а левая – Unno-Kum. До истоков каждой из них 1 день пути. Unno-Kum и затем также Emderg до района рч. Nip-jaga текут с севера на юг, а Ai-Kum впадает с востока. Emderg от рч. Nip-jaga далее течет с запада на восток.

Приблизительно в 3 верстах от истока Kulling-jaga с севера на юг течет речка Mullum в реку Конду, которая впадает в Иртыш. Ее исток находится в $1\frac{1}{2}$ днях пути отсюда, на одной широте с истоком р. Emderg. В Mullum с северо-запада впадает речка Tunga, в 3 днях пути от района Chulling-jaga, а возникает из одного болота с рч. Mullum. Вдоль рч. Mullum обычно приходят к остякам на Emderg вогулы с Конды.

Nai-jach-jaga, впадает в Обь с правой стороны, в 4 верстах от Rut-jaga. Исток в 2 днях пути.

Остров недалеко от правого берега, в 2 верстах от предыдущей речки, длиной в 1 версту.

Кевашкины летние юрты, на левом берегу, в 1 версте от предыдущего острова. Имеет 4 юрты предыдущей волости.

Кевашкины юрты, по-остяцки Kewaschko- или Wesing-loch-pugl, на левом берегу, в 2 верстах от предыдущей летней деревни и в 14 верстах от Казенных юрт. Имеет 6 юрт предыдущей волости. Название Wesing-loch основано на том, что это место является курьей реки, в которой, как верят остяки, имеет резиденцию мамонт, которого они считают водяным чертом, так как такой водяной черт называется на здешнем остяцком диалекте Wes, или Ues, а loch означает «курья».

Lul-char—jaga, с правой стороны, в 1 версте от предыдущей деревни. Исток в 1 дне пути.

Wogult-Kurrum—jaga, с правой стороны, в 2 верстах от предыдущей. Исток в 1 дне пути.

Ночью с 9 на 10 июля.

Сосновские летние юрты, на левом берегу, в 4 верстах от предыдущей речки. Имеет 7 юрт предыдущей волости.

Рч. Сосновка, по-остяцки Sor-jaga, с правой стороны, в 8 верстах от предыдущей деревни. Исток в 1 дне пути.

Сосновские зимние юрты, по-остяцки Pallach-putsche-pugl, на правом берегу, недалеко от устья предыдущей речки и в 14 верстах от Кевашкиных юрт. Имеет 7 зимних юрт предыдущей волости.

Карим-Карра, или Каримкарские юрты, по-остяцки Karing-uasch-pugl, на правом берегу, на устье нижеследующей речки и в 14½ верстах от предыдущей деревни. Имеет 11 юрт, являющихся последними в Сухоруковой волости.

Рч. Каримкарка, по-остяцки Karing-jaga, с правой стороны, в 1 версте от предыдущих юрт. Впадает в курью р. Оби, а возникает на расстоянии 2 дней пути. В курье, в ½ версты от места впадения ее в р. Обь, рядом с северным берегом расположен круглый холм, окруженный со всех сторон водой, который, согласно остяцким сообщениям, издавна служил этому народу защитой от их врагов. Отсюда также произошли названия речки и деревни, так как слово Кага, которое происходит от зырян, первыми разведавших низовья р. Оби, обозначает то же, что по-русски называется городом или укреплением, а uasch, или uosch, является в здешнем остяцком диалекте словом, которым они называют укрепление, город, острог и т. п. Поскольку я прибыл сюда с наступлением дня, то смог осмотреть место старой крепости, для чего велел остановиться на устье вышеуказанной курьи и вновь отправился лишь с восходом солнца. Холм, судя по всему, кажется насыпанным людьми. Я определил его перпендикулярную высоту в 10 саженой, а верхнюю площадку приблизительно в 8 саженой в поперечнике. Холм со всех сторон имеет крутой подъем. От валов или рвов не видно никаких следов. От подножья до вершины он зарос высокой травой и, особенно вверху, очень густой крапивой. Это место нельзя было бы признать бывшей крепостью, если бы это не утверждало предание.

10 июля.

Каримкарские летние юрты, на правом берегу, в 5 верстах от предыдущей речки. Имеет 9 юрт.

Остров посередине реки, в 10 верстах от предыдущих летних жилищ; оканчивается возле нижеследующей деревни. Здесь вновь начинается новый остяцкий диалект.

Liusch-kurt, на правом берегу, в 18 верстах от предыдущей деревни. Имеет 4 юрты Малой Атлымской волости. Слово kurt означает на здешнем остяцком диалекте «деревню», как в предыдущем диалекте слово pugl. Русское слово «юрта», возможно, взято отсюда.

Liusch-jogan, впадает с правой стороны рядом с предыдущими юртами. Исток в одном дне пути.

Малой Атлым, или Атлымской погост, по-остяцки Lolmen- или Loltem-kurt, на правом берегу, в 12 верстах от Liusch-pugl и в 29 верстах от Карим-Кары. Имеет церковь Преображения Господня, построенную для здешних остяков, и, помимо жилищ церковных служителей, 16 остяцких зимних юрт Малой Атлымской волости. Летние жилища рассеяны по разным местам в нескольких верстах выше.

Немного выше этого села на правом гористом берегу р. Оби насыпан довольно большой песчаный холм, который по-русски называется Старым Атлымским городищем. А остяки говорят Lolmen-uosch и приписывают ему ту же древность и повод, что и вышеуказанному холму в устье речки Karing. Они говорят также, что в древности их врагами были как татары, так и самоеды, от которых они должны были прятаться на таких холмах. Говорят, что такого рода крепостных холмов еще много в разных местах, на некоторых из них видны следы валов и рвов.

Тальнишная Обь, по-остяцки Ai-Ass, то есть Малая Обь, рукав реки на левой стороне, отделяется от большого рукава напротив предыдущего села.

Рч. Малой Атлым, по-остяцки Loltem-jugan, впадает с правой стороны, в 2 верстах от предыдущего села, а возникает на расстоянии 2 дней пути.

Ендерская протока, по-остяцки Emdер-passil; о верхнем устье ее сказано выше. Впадает нижним устьем в указанную Тальнишную Обь в 9 верстах от Атлымского погоста.

Passlan-kurt, на левом берегу Тальнишной Оби, на устье предыдущей протоки Emdер. Имеет 17 летних юрт Большой Атлымской волости.

Unno-passil, то есть Большая протока, отделяется влево от Тальнишной Оби в 2 верстах от предыдущей деревни и имеет протяженное течение, пока не соединяется вновь с р. Обью ниже, возле Нарикарры, как об этом последует в соответствующем месте. Между протокой Emdet и этой протокой Unno-passil при высокой весенней воде имеется еще одно сообщение, которое, однако, к осени пересыхает.

Sart-wulte-kurt, на острове, образованном Тальнишной Обью, напротив Unno-passil. Имеет 3 летние юрты Большой Атлымской волости.

Тальнишная Обь, ее нижнее устье, немного ниже предыдущей деревни.

Togol-kurt, на левом берегу, в 1 версте от Unno-passil. Имеет 20 летних юрт Большой Атлымской волости.

Рч. Большой Атлым, по-остяцки Antlym-jogan. впадает с правой стороны, в 16 верстах от Малого Атлыма, а возникает на северо-востоке, на расстоянии 6 дней пути из озера без названия, имеющего 1 версту в поперечнике и из которого с другой стороны течет на северо-запад речка Шоркарка (о которой ниже). В Большой Атлым в середине его течения с юга впадает речка Moïing—jugan, которая возникает на широте нижеследующей деревни, откуда до истока этой речки напрямую через сушу 2 дня пути.

Большой Атлым, или Большие Атлымские юрты, по-остяцки Antlym-kurt, на правом берегу, на устье предыдущей речки, в 18 верстах от Малого Атлыма, или Атлымского погоста. Имеет 35 зимних юрт Большой Атлымской волости. Остяки называют эту деревню также Antlym-uosch, поскольку здесь издавна тоже была маленькая остяцкая крепость.

Сотниковы юрты, по-остяцки Togoting-kurt, на правом берегу, в 3 верстах от предыдущей. Имеет 12 летних юрт предыдущей волости. Здесь вынуждены были из-за сильного ветра стоять 4 часа.

Chugolt—jugan, впадает с левой стороны в протоку Unno-passil (о которой – выше) между предыдущей и нижеследующей деревнями. Возникает на расстоянии 6 дней пути из одного места с речкой Unno-Kum, впадающей в исток р. Emdet.

Онжегорские юрты, по-остяцки Jogumur-kurt, на правом берегу, в 2 верстах от предыдущей деревни. Имеет 3 зимние юрты, являющиеся последними в Большой Атлымской волости.

Jogumur-jugan, впадает с правой стороны, возле предыдущей деревни, возникает поблизости.

Онжегорские летние юрты, на правом берегу, в 3 верстах от предыдущей. Имеет 4 летние юрты, относящиеся к предыдущей дер.

Ночью с 10 на 11 июля.

Мартинковы юрты, по-остяцки Rod-kurt, на правом берегу. в 15 верстах от предыдущей. Имеет 5 летних юрт Нагакарской волости.

Кармашюганские летние юрты, по-остяцки Charmasch-jugan-kurt, на левом берегу, в 9 верстах от предыдущей деревни. Имеет 7 летних юрт Нагакарской волости.

Монастырский остров, посередине реки, берет начало напротив предыдущей деревни и оканчивается напротив нижеследующего монастыря, который имеет на нем свои пастбища и покосы.

Charmasch-jugan. с правой стороны, в 5 верстах от предыдущей деревни. Исток в 2 днях пути.

Кармашюганские зимние юрты, по-остяцки Charmasch-jugan-kurt, на правом берегу, на устье предыдущей речки. Имеет 5 зимних юрт предыдущей волости.

11 июля.

Рч. Кода, впадает с правой стороны, рядом с нижеследующим монастырем, а возникает на расстоянии лишь нескольких верст. На устье имеется принадлежащая монастырю мельница, поэтому у остяков употребительно название Iinckissin-soim. что равносильно значению Мелнишная речка.

Кодцкой Троицкой монастырь, являющийся мужским, на правом берегу, в 5 верстах от предыдущей деревни и в 42 верстах от Большого Атлыма. Имеет 2 деревянные церкви – Живоначальная Троицы и Благовещения Богородицы. На месте первой, так как она старая, сейчас строится каменная двухалтарная церковь Живоначальная Троицы и Знамени Богородицы. В качестве настоятеля монастыря здесь иногда бывал архимандрит, иногда игумен. Сейчас вместо них наместником является иеромонах. В монастыре имеются обычные монастырские постройки, как-то: кельи, погреба и амбары. Вне его в 3 дворах живут монастырские служители, а еще здесь имеется 15 дворов бобылей, которые происходят большей частью из крещеных остяков. Они издавна приданы монастырю, который может использовать их для различных работ и за это платит в государственную казну обычные налоги. Таким образом к монастырю относится еще несколько деревень на р. Исеть, впадающей в Тобол, среди которых самой значительной является Николаевская заимка в 20 верстах выше Рафаилова монастыря, имеющая церковь, посвященную Св. Николаю.

Сюда прибыли с восходом солнца и стояли до обеда, чтобы велеть списать некоторые рукописные документы, касающиеся истории монастыря. Поскольку мне вспомнилось из [дел] Тобольского архива, что в 7183 (1675) г. указывалась медная и железная руда немного ниже монастыря, на правом берегу р. Оби, то велел старательно осмотреть и обыскать местность. Однако из претендующего на медную руду не было найдено ничего, кроме обычного марказита, или серного колчедана. А железной рудой довольно богат весь правый берег р. Оби, на всем его протяжении, где он гористый. В некоторых местах даже песок у берега состоит не из чего иного, как измельченной железной руды. Между тем при тщательном осмотре местности была найдена еще очень редкая в Сибири древность, а именно окаменелая раковина.

Njangin-jogan, впадает в вышеупомянутую протоку Unno-passil с левой стороны, немного ниже предыдущего монастыря, и принимает в себя следующие речки.

Lar-kurt-jogan, с северной стороны, недалеко от устья. Исток в 1 дне пути из сора.

Tschybr-jach-jogan, с юга, в 1 дне пути от устья. Исток в 5 днях пути.

Piltir-jogan, с юга, в 2 днях пути от предыдущей. Исток в 4 днях пути из болота, из которого также вытекает речка Tugus-suse. впадающая в речку Tunga, а Tunga впадает в Mullum, а та – в Конду.

Iul-jogan, с юга, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Исток поблизости.

Wychom-jogan, с юга, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Исток в 2 днях пути.

Chult-jogan, с севера, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Исток в 4 днях пути.

Kur-jogan, с юга, немного выше предыдущей. Исток в 3 днях пути. Исток р. Njangin поворачивает на северо-запад к Малой Сосве и от рч. Kur-jogan до истока насчитывается 3 дня пути.

Nara-Kappa, или Нагакарские юрты, или Нагакарской городок, по-остяцки Nanga-uosch-kurt, на правом берегу, в 6 верстах от предыдущего монастыря. Имеет 13 зимних юрт Нагакарской волости. Относящиеся сюда летние жилища рассеяны в разных местах в этой местности, на левом берегу. Слова: городок, Kappa, uosch – показывают, что в древности здесь также была остяцкая крепость.

Lerong-jogan, впадает с правой стороны, в 1 версте от предыдущей деревни. Исток в 1 дне пути.

Wontra-jogan, с той же стороны, в 3 верстах от предыдущей. Исток в $\frac{1}{2}$ дня пути.

Низямские юрты, по-остяцки Nisong-kurt, на правом берегу, в 6 верстах от предыдущей речки и в 10 верстах от [юрт] Нага-Карра. Имеет 6 зимних юрт предыдущей волости.

Nisong-jogan, впадает с той же стороны, немного ниже предыдущей деревни. Исток в 1 дне пути. Здесь стояли несколько часов из-за встречного ветра.

Ночью с 11 на 12 июля.

Kalas-jogan, впадает с левой стороны, немного ниже предыдущей деревни. Исток в одном дне пути.

Алешкины зимние юрты, по-остяцки Pukscham-kurt, на правой стороне, в 10 верстах от Низямских юрт. Имеет 6 зимних юрт, являющихся последними в Нагакарской волости.

Unno-passil или, скорее, протока из рукава р. Оби, который известен под этим названием. Впадает с левой стороны, напротив предыдущей деревни. Настоящее же нижнее устье [протоки] Unno-passil – ниже, в Малую Обь возле Нарикарских юрт, как об этом последует в соответствующем месте.

Logul-passil, отделяется от р. Оби на левой стороне, рядом с предыдущей протокой, а соединяется вновь с ней напротив нижеследующей деревни Laun-kurt.

Алешкины летние юрты, по-остяцки Logul-kurt, на левом берегу, рядом с верхним устьем двух предыдущих протоков. Имеет 7 летних юрт предыдущей деревни.

Laun-kurt, на правом берегу, в 11 верстах от Алешкиной. Имеет одну зимнюю и одну летнюю юрты Шоркарской волости.

Laun-jogan, впадает с правой стороны, рядом с предыдущей деревней. Возникает на расстоянии 2 дней пути.

Шор-Кара, или Шоркарской погост, по-остяцки Kurga-kurt, также Schensch-uosch-kurt, на правом берегу, в 6 верстах от Laun-kurt и в 41 версте от Кодцкого монастыря. Имеет построенную для остяков церковь Нерукотворенного Образа, при которой, помимо жилищ церковных служителей, находятся 10 зимних и 11 летних юрт Шоркарской волости.

Kurgai-jogan, впадает с правой стороны через предыдущую деревню с церковью, а возникает на расстоянии лишь нескольких верст.

Soruk-passil, на левой стороне, напротив предыдущей деревни. Впадает в вышеупомянутую протоку Unno-passil, которая течет здесь на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути от Оби.

Gobing-jogan, впадает в протоку Unno-passil с левой стороны, немного выше места впадения протоки Soruk, а возникает на расстоянии 3 дней пути из сора. Вдоль этой речки и вдоль протоки Soruk проходит обычная дорога между Обью и р. Малой Сосьвой, которая впадает в Большую Сосьву, поскольку на расстоянии 1 версты от истока речки Gobing находится другой сор, из которого возникает речка Kasiw- или Kasich-jogan, то есть Сорочья речка, которая в $\frac{1}{2}$ дня пути отсюда впадает в Малую Сосьву. В зимнее время от Шор-Карры до Малой Сосьвы остяки идут с нартами 2 дня. Последняя выше речки Kasiw заселена вогулами, которые платят ясак в Шоркару и охватываются под названием Естелская волость.

12 июля.

Рч. Шоркарка, по-остяцки Schensch-uosch-jogan, впадает с правой стороны, в 2 верстах от предыдущей деревни с церковью. Возникает на расстоянии 6 дней пути и в 2 днях пути от устья принимает в себя речку Rusch-jach-jogan, то есть Руская речка, с северной стороны, которая почти так же велика, как сама Schensch-jogan.

Шоркарское Старое городище, по-остяцки Schensch-uosch, по-вогульски Iaat- или Iagat-usch, на правом берегу, рядом с устьем предыдущей речки. Остяки Шоркарской волости раньше имели здесь свои зимние жилища, а после строительства церкви, которую заложили у их летних жилищ, принуждены были и зимние, и летние жилища иметь в одном месте. Другая старая остяцкая крепость, которая, однако, на людской памяти не была уже заселена, находится на том же правом берегу, в полутора верстах ниже предыдущей.

Муратковы юрты, по-остяцки Solom-kurt, на правом берегу, в 5 верстах от речки Шоркарки. Имеет 4 летние юрты предыдущей волости.

Schagom-jogan, впадает с правой стороны, в 5 верстах от предыдущей деревни; возникает на расстоянии 1 дня пути.

Естелские юрты, по-остяцки Ai-rod-kurt, на правом берегу, в 8 верстах от предыдущей речки. Имеет 6 летних юрт вогулов Естелской волости, которые в зимнее время живут на реке Малая Сосьва и платят ясак в Шоркарской погост. Наискосок напротив предыдущей

деревни на левом берегу имеется еще 3 юрты той же волости. Остальные живут частично на протоках и заостровках этой местности, частично смешанно с шоркарскими остяками. Рч. Кылтисанка, по-остяцки *Kyltesch-jugan*, впадает с правой стороны, в 5 верстах от предыдущей деревни; возникает на расстоянии 1 дня пути.

Кылтисанские юрты, по-остяцки *Kyltesch-kurt*, на левом берегу предыдущей речки, недалеко от ее устья, в 24 верстах от Шоркарского погоста. Имеет 6 зимних юрт Чамаской волости.

Кылтисанские летние юрты, на правом берегу предыдущей речки, возле устья. Имеет 7 летних юрт, относящихся к предыдущей деревне.

Старое городище, по-остяцки *Poln-soote-uosch*, на правом берегу, в 5 верстах от предыдущей деревни.

В 5 верстах от указанного Старого городища Обь делится на два рукава почти одинаковой величины, правый из них называется Большой Обью, по-остяцки *Unno-Ass* или по впадающей в нее р. Казым *Kasym-Ass*, то есть Казымская Обь, а левый – Малой Обью, по-остяцки *Ai-Ass*. О Большом рукаве Оби ниже должно последовать особое описание.

Путь на Березов продолжается вдоль Малой Оби.

Нарикара, или Нарикарские юрты, по-остяцки *Nari-kurt*, на довольно возвышенном здесь левом берегу протоки *Unno-passil* (о которой выше), в 33 верстах от Кылтисанских юрт. Расположена на виду от Малой Оби и имеет одну зимнюю юрту Чамаской волости. В одной версте выше этой юрты на том же берегу протоки *Unno-passil* еще видны остатки двух старых остяцких крепостей, которые остяки называют *Nari-uosch*, откуда и возникло название Нарикара.

Нарикарские летние юрты, на правом берегу Малой Оби, наискосок напротив предыдущей деревни. Состоит из 5 юрт, в которых живут летом жители предыдущей деревни и некоторые естелские вогулы.

Kumug-jogan, впадает с левой стороны в протоку *Unno-passil*, немного ниже предыдущей зимней деревни, а возникает на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути.

Unno-passil, то есть Большая протока, впадает с левой стороны, в 4 верстах от предыдущей зимней деревни, в Малую Обь после того как она отделилась от реки Оби недалеко от протоки *Emder*. Обе протоки, как *Emder*, так и *Unno-passil*, имеют на левой, или западной, стороне возвышенную местность, или так называемый материк, который здесь примыкает к Малой Оби и сопутствует ей почти до нижеследующей протоки *Isjaral*. А оттуда он переходит на Сосьву и возвращается вновь к р. Оби лишь ниже устья Сосьвы. От правого возвышенного берега р. Оби до этого материка на левом берегу в некоторых местах прямо через низкие пойменные местности насчитывается до 20 верст. Здесь разделяются Тобольский и Березовский уезды. Здесь также вновь отмечается изменение в языке, потому что жители нескольких нижеследующих деревень, несмотря на то что они понимают здешний остяцкий, кроме того, имеют еще и собственный язык, который является вогульским и общепотребителен преимущественно на реке Сосьве.

Waring-sem-passel, протока на левой стороне, имеет исток из Малой Оби в 4 верстах от *Unno-passil* и впадает в нее же, как об этом последует ниже.

Waring-paul, летние юрты на левом берегу Малой Оби, в 4 верстах от верхнего устья предыдущей протоки. Имеет одну юрту Сосьвинской волости Березовского уезда.

Waring-paul, зимние юрты на левом берегу вышеуказанной протоки *Waring-sem*. Расположена на одной широте с предыдущей деревней, в 11 верстах от Нарикарры, и имеет одну относящуюся к ней зимнюю юрту.

Waring-ja или *-jogan*, впадает с левой стороны в протоку *Waring-sem* рядом с предыдущей зимней деревней; возникает на расстоянии лишь нескольких верст.

Ibel-sangom-ja впадает в предыдущую протоку с той же стороны, в 5 верстах от предыдущей речки; возникает на расстоянии не более 2 верст. Поблизости от истоков обеих вышеуказанных речек течет река Сосьва, которую остяки называют *Taget*, и

расстояние от зимней деревни Waring-paul до Сосьвы напрямую через сушу оценивается не более чем 6 верст.

Нижнее устье протоки Waring-sem, на левой стороне, в 6 верстах от Waring-paul. Напротив этого устья на правом берегу Малой Оби имеется еще одна летняя юрта, относящаяся к предыдущей деревне.

Ночью с 12 по 13 июля.

Протока Лакпал, по-остяцки Lok- или Loch-passel, то есть Кривая протока, на левой стороне, в 9 верстах от Waring-sem. Течет из Малой Оби в нижеследующую протоку Isjaral и имеет течение, не учитывая поворотов, почти параллельное Оби.

Лакпальские летние юрты, по-остяцки Lok-passel-paul, на правом берегу Малой Оби, наискосок напротив предыдущей протоки. Имеет 5 летних юрт предыдущей волости.

Лакпальские зимние юрты, на правом берегу протоки Lok-passel, в 5 верстах от места ее истечения из Малой Оби. Имеет 5 зимних юрт, относящихся к предыдущей деревне.

Протока Исяпал, по-остяцки Pori-passel, на левой стороне, в 20 верстах от [протоки] Лакпал. Течет из Малой Оби в Сосьву и на расстоянии нескольких верст принимает в себя предыдущую протоку Лакпал.

Pori-paul, на левом берегу, в 1 версте от предыдущей протоки. Состоит из двух зимних юрт, которые учреждены для удобства путешественников и в зимнее время заселяются попеременно остяками окрестных деревень. В русском языке они более известны под названием Новые юрты.

13 июля.

Протока Пырсым, по-остяцки Persoim-passel, на левой стороне, в 16 верстах от Pori-paul. Течет из Малой Оби в Сосьву. Здесь на пути в Березов Малая Обь оставляется и предпринимается езда по протоке Пырсым в Сосьву. Дальнейшее описание Малой Оби должно последовать особо ниже вместе с описанием Большой Оби.

Ниримские юрты, по-остяцки Pukscham-kurt, на правой стороне протоки Пырсым, на маленькой протоке, текущей из Пырсыма и впадающей в него же; в 4 верстах от Малой Оби. Имеет 5 зимних юрт Подгородной волости. Зимой через эту деревню идет прямая дорога от Березова вверх по Оби, и от города досюда насчитывают 25 верст. Протока Пырсым имеет очень извилистое течение, и если измерить и подсчитать водный путь на запад, то его протяженность составит, пожалуй, до 30 и более верст. Истинное же расстояние между Малой Обью и Сосьвой равно приблизительно 15 верстам.

Шайтанские летние юрты, по-вогульски Ielping-paul, на правом берегу протоки Пырсым, в нескольких верстах от места ее впадения в Сосьву. Имеет 1 летнюю юрту Подгородной волости. Относящаяся к ней зимняя юрта расположена на Сосьве.

От места впадения протоки Пырсым отправились вниз по Сосьве.

Протока Серафимова, на левой, или западной, стороне Сосьвы, в 3 верстах от [протоки] Пырсым; нижнее устье имеет в 8 верстах отсюда.

Глубокой ручей, по-остяцки и вогульски Saregat, с левой стороны, недалеко от истечения предыдущей протоки.

Соровой мыс, выступающий в Сосьву, на левой стороне, немного ниже предыдущей речки.

Протока Кочоб, по-остяцки и вогульски Kischeb, впадает из Оби в Сосьву; верхнее устье в 2 верстах от [протоки] Пырсым, нижнее – напротив Сорового мыса.

Пудовальной мыс, выступающий в Сосьву с левой стороны, в паре верст от предыдущего. В местности этого мыса еще видны следы двух маленьких старых остяцких или вогульских крепостей.

Березов, город на левом возвышенном берегу р. Сосьвы, в 6 верстах от ручья Глубокого и в 18 верстах от [протоки] Пырсым. Прибыл в него 13 июля с наступлением ночи и оставался здесь до 1 августа.

Город состоит, в первую очередь, из обнесенной палисадом маленькой четырехугольной крепости, у которой сторона вдоль берега Сосьвы равна 20 сажням, а длина каждой из 3

остальных сторон равна 30 сажням. На ее 4 углах начато строительство боевых башен, но не закончено. Ворота с верхней стороны реки защищены башней. В крепости находятся канцелярия, дом воеводы и обычные амбары. Вне крепости имеется, в первую очередь, рядом с воротами соборная церковь, посвященная Св. Деве Марии, с дополнительным именем Одегитрия. Выше и ниже крепости имеются 4 приходские церкви, которые, однако, учитываются как две, поскольку по две церкви снабжены лишь одним священником. Так же с давних пор было лишь две церкви, и лишь немного лет назад при каждой старой была пристроена новая. Первая из указанных старых церквей носит имя Святого Димитрия Селунского, новая при ней – Воскресения Христова. Другая старая церковь также Воскресения Христова, а новая при ней – Рождества Богородицы. Там, где стоят эти две последние церкви, раньше был мужской монастырь, который, однако, 15 лет назад был сокращен и объединен с Кодцким монастырем на реке Оби. Еще к публичным зданиям относится маленький торговый дом (Гостинной двор) с 9 лавками, где также находится таможня наряду с винным погребом. Частных домов жителей насчитывается 175 дворов. Перед городом вдоль берега реки стоит множество амбаров, в которых жители хранят продукты и другое добро и имущество, чтобы быть в большей безопасности от пожаров. Немного ниже города от Сосьвы отделяется протока средней величины, которая в двух верстах оттуда впадает в реку Вогулку, а Вогулка впадает в Сосьву в 18 верстах ниже Березова.

В этом описании путешествия я вначале показывал расстояния между пунктами из-за отсутствия реестра расстояний основываясь лишь на устных сведениях русских и остяцких жителей на р. Оби и на личных оценках. Однако затем в Самарове я получил реестр верст как по дороге на Сургут, так и по дороге на Березов, в котором заметил мало различий со своим описанием. Поэтому далее я ориентировался на него и считал за благо брать большей частью приводимые в нем расстояния.

РГАДА Ф. 199. Портф. 517, ч. 2. Д. 7.

Описание реки Сосьвы от устья вверх против течения до истока. Собрано в Березове из устных известий различных русских, остяков и вогулов. 1740 г.

Река Сосьва, которую как упомянуто в предыдущем описании, остяки называют Leujagan, то есть Холопья река, а вогулы Tagget, впадает в Малую Обь, или Малый рукав р. Оби, с левой, или западной, стороны, в 20 верстах ниже Березова. Откуда она получила русское название, нельзя определенно сказать. Все же предположу, что оно пришло от зырян и что этот народ должен был примерно так называть реку, поскольку русская сторона в первую очередь через них узнала об этих местах. Течение реки Сосьвы в низовьях с юга на север. Исток на западе из Рифейских гор. Ее ширина около Березова от 200 до 300 сажней. Она имеет особенно медленное течение, исключая места, где она находится поблизости от истока, и илистое дно из смешанных песка и глины. Левый, или северо-западный, берег несколько возвышен сразу от устья. На правой стороне между Сосьвой и Обью до впадающей из Оби в Сосьву протоки Исяпал находятся низменные луговые места. Оттуда поднимается также и правый берег реки Сосьвы, равно как и в этой местности на левом, или западном, берегу р. Оби выделяется возвышенная территория, которая связана с той, что возле реки Сосьвы. Впадающие в Сосьву реки и речки, как и другие встречающиеся при этом обстоятельства, следуют от устья вверх по течению в нижеследующем порядке.

Река Вогулка, по-остяцки Wogolt-jugan, по-вогульски Wol-ja, впадает с северо-западной стороны, в 2 верстах от места впадения р. Сосьвы в реку Обь. Это истинное устье Вогулки, хотя по-русски оно называется лишь Малой Вогулкой, а по-остяцки Meschirpassil, то есть Кривая протока, поскольку настоящее большое устье обычно указывается возле Березова. Но о нем я уже сказал в предыдущем описании, что это протока, в которой вода течет не из Вогулки в Сосьву, а из Сосьвы в Вогулку. На левом, или северном, берегу

этой так называемой Малой Вогулки находятся вогульские зимние жилища, называемые Усть-Сосьвинскими юртами, приблизительно в 3 верстах от места впадения Вогулки в Сосьву и в 15 меренных верстах от Березова.

Протока Aljass, впадает с юго-восточной стороны из Оби в Сосьву, немного выше устья предыдущей реки, тогда как от того места, где впадает протока, имеется противоположный прорыв, или прорва, из Сосьвы в Обь, имеющая свое истечение возле устья р. Сосьвы.

Чухнеева протока, по-остяцки Woxar-ass, течет на север из Сосьвы в Вогулку, в 12 верстах от устья р. Вогулки.

Ваисова протока, по-остяцки Chu-passil, то есть Долгая протока, впадает с юго-восточной стороны из Оби в Сосьву, в 4 верстах от предыдущей протоки.

Река Вогулка или, скорее, протока из Сосьвы в Вогулку, в 2 верстах от Ваисовой. Вдоль нее до Вогулки насчитывается 2 версты. Вверх по Вогулке мне было сообщено о следующих вогульских деревнях и впадающих в Вогулку речках.

Разбойниковы юрты, на северном берегу, в 20 верстах от Березова.

Рч. Черная, по-вогульски Man-ja, то есть Малая речка, с северной стороны, в 2 верстах от предыдущей деревни, шириной в 20–30 сажений.

Лубины юрты, на южном берегу, в 5 верстах от предыдущей речки.

Ряпчиковы юрты, на северном берегу, в 7 верстах от предыдущей.

Рч. Порха, с южной стороны, напротив предыдущей; исток в 1 дне пути.

Юм-juch-ja, с южной стороны, в 10 верстах от предыдущей; исток в 1 дне пути.

Шуганские юрты, на северном берегу, в 5 верстах от предыдущей речки.

Рч. Шуган, с северной стороны, в 1 версте от предыдущей деревни, шириной в 40–50 сажений, что является также шириной р. Вогулки здесь, в ее среднем течении. Вдоль Шугана остяки и вогулы ходят на реку Сыня, которая ниже впадает в Обь.

Амр-ja, то есть Сабачия рч., с южной стороны, в 10 верстах от предыдущей; шириной в 10 сажений.

Харичьи юрты, на южном берегу, в 10 верстах от предыдущей.

Рут-ja, с северной стороны, в 12 верстах от предыдущей; шириной в 10 сажений.

Woss-ja, с южной стороны, в 3 верстах от предыдущей; шириной в 3 сажени.

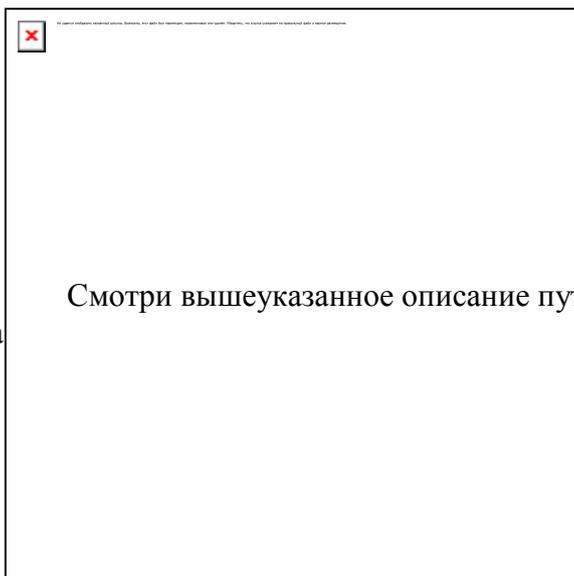
Рч. Малая Вогулка, по-остяцки Ai-wogolt-jugan, по-вогульски Man-wol-ja, с северной стороны, в 30 верстах от предыдущей; шириной в 10 сажений.

Исток Вогулки находится в большом болоте по соседству с впадающей в Сосьву р. Сыгвой. Он описывается лежащим на одной широте с Ляпинским городком на р. Сыгве (о чем ниже). Когда вогулы указанного пункта хотят в зимнее время идти до Березова кратчайшим путем, то сначала они пересекают данное болото, имея Вогулку справа, достигают Малую Вогулку за 6 дней, идя пешком с нартами, откуда до Березова 8 дней пути. Эта дорога называется остяками Siran-jusch, а обычно Руской тес, потому что русская сторона благодаря указаниям зырян после прохождения Югорских гор первоначально пришла в район Березова по этому пути. Остяки, например, еще имеют легенду, что еще тогда на санях была доставлена пушка, которая якобы все время находилась в Березове, пока 2 года назад все большие медные орудия не были отвезены в Россию. От Беткишинских юрт на р. Сосьве (о которых – ниже) имеется также тес, или дорога, на Вогулку напрямую по суше, которую достигают немного ниже устья Малой Вогулки за 4 дня пути с нартами.

Город Березов, на северо-западном берегу, немного ниже вышеуказанной протоки, текущей в Вогулку.

Следы старых остяцких или вогульских крепостей:

Пудовальной мыс
Протока Кочоб
Глубокий ручей
Серафимова протока
Протока Пырсым

Смотри вышеуказанное описание путешествия в Березов.

Рч. Тагеева, по-вогульски Chosch- или Kot-ja, с северо-западной стороны, немного выше протоки Пырсым. Возникает на расстоянии 3 дней пути от слияния трех речек, или росох, каждая из которых имеет исток в 2–3 днях пути.

Шайтанские зимние юрты, по-вогульски Ielping-njol-paul, на устье предыдущей речки, в 18¹/₂ верстах от Березова. Состоит из 5 юрт Подгородной волости.

Шайтанской мыс, по-вогульски Ielping-njol, то есть Святой нос, вдающийся в реку с северо-западной стороны возвышенный мыс, немного выше указанных названных по нему юрт. Название возникло оттого, что на этом мысу во времена язычества почитался идол.

Рч. Малеоа, по-вогульски Kuait-ja, с северо-западной стороны, в 8 верстах от Шайтанских юрт. Течет параллельно Сосьве, а возникает напротив Сортининского погоста, о котором – ниже.

Никиткины юрты, по-вогульски Pori-possal-paul, на юго-восточном берегу, в 7 верстах от предыдущей речки. Имеет 3 зимние и 3 летние юрты так называемой Сосьвинской волости, которая начинается здесь и охватывает все вогульские жилища по р. Сосьве вплоть до ее верховьев.

Протока Исяпал, по-вогульски Pori-possal, впадает с юго-восточной стороны, в 2 верстах от предыдущей деревни и течет из р. Обь, как указано в предыдущем описании.

Рч. Камратова, по-вогульски Woschim-ja, с юго-восточной стороны, в 2 верстах от устья предыдущей протоки.

Рч. Ловья, по-вогульски Tschering-ja, с юго-восточной стороны, в 12 верстах от предыдущей. Устье этой речки находится на широте протоки Лакпал на р. Оби, так как здесь в зимнее время обычно проходит оживленный путь между Обью и Сосьвой, который оценивается приблизительно в 8–10 верст.

Рч. Малая Ловья, по-вогульски Man-Tschering-ja, с той же стороны, в 3 верстах от предыдущей.

Резимовские зимние юрты, по-вогульски Tarich-sau-paul, на юго-восточном берегу, в 1 версте от предыдущей речки и в 35 верстах от Шайтанских юрт.

Wosching-ja, с юго-восточной стороны, в ¹/₂ версты от предыдущей деревни; возникает в ¹/₂ дня пути.

Chun-ja, с северо-западной стороны, в 3 верстах от предыдущей; исток в 3 днях пути.

Резимовские летние юрты, на северо-западном берегу, в 2 верстах от предыдущей.

Man-Paski-ja, с юго-восточной стороны, в 6 верстах от предыдущей летней деревни.

On-Paski-ja, с той же стороны, в 1 версте от предыдущей.

Луликарские зимние юрты, по-вогульски Ieli-usch-paul, на юго-восточном берегу, в¹ верстах от предыдущей речки и в 13¹/₂ верстах от Резимовских зимних юрт. Здесь издавна было маленькое вогульское укрепление, которое на языке этого народа называется Ieli-usch. Зыряне, которые первыми разведали эти места, в своем произношении изменили Ieli

на Luli, откуда, с добавлением зырянского Кагга (то есть город или крепость), возникло [название] Luli-Кагга и Луликарской.

Ielping-ja, с юго-восточной стороны, в 2 верстах от предыдущей деревни; возникает на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути. Название, которое означает Святая, возникло оттого, что во времена язычества в районе этой речки находились считавшийся вогулами священным, однако обычный, без фигуры и особого вида, камень, который называли идолом (Lunk или Puri), и также считавшееся священным дерево. Их почитали жертвованием оленей, а при прохождении мимо – стрелянием стрелой в дерево.

Usching-ja, с юго-восточной стороны, в 2 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути. Название показывает, что на ней также издавна было вогульское укрепление (по-вогульски Usch), следы которого, говорят, еще видны. Кроме того, устье этой речки находится на одной широте с расположенной на Оби остяцкой деревней Нарикарра, поскольку нарикарские остяки и луликарские вогулы в зимнее время здесь проходят обычно расстояние между Обью и Сосьвой за один день, что можно принять приблизительно за 20 верст.

Nelyk-ja, с северо-западной стороны, в 2 верстах от предыдущей; исток на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути.

Луликарские летние юрты, на юго-восточном берегу, на устье предыдущей речки. Во времена, когда дорога вдоль р. Сосьвы через Югорские горы на реку Печеру и в Россию еще часто использовались и ею обычно путешествовали также многие торговцы из России в Сибирь, поэтому в указанной летней деревне из Березова был учрежден для летнего времени таможенный пост для досмотра путешествующих, который был назван Кыртасской заставой.

Река Малая Сосьва, также Худая Сосва, по-вогульски Man-Tagget, по-остяцки Ai-Leu, впадает с южной стороны, в 12 верстах от предыдущей летней деревни. Ее средняя ширина равна 100 сажням. Она течет с юга и юго-запада, в то время как Сосьва отсюда вверх по течению поворачивает на запад. Луликарские вогулы с р. Сосьвы обычно ходят ради рыбной ловли вверх по этой Малой Сосьве на расстояние двух дней пути, или приблизительно на 40 верст, однако не могут назвать никаких впадающих в нее в низовьях рек или речек, кроме того, что они говорят по слухам, согласно которым выше в Малую Сосьву с запада впадает речка Ponga, до которой от места их рыбной ловли еще один день пути. Между тем я в предыдущем описании путешествия в Березов уже сказал, что верховья этой реки заселены вогулами, относящимися к Тобольскому уезду и доставляющими свой ясак в Шоркару на р. Оби, многих из которых я имел возможность увидеть и опросить, поэтому я могу дать далее следующие известия.

Ponga-ja, впадает в Малую Сосьву с западной стороны, в 3 днях пути от устья; шириной в 6–10 сажней.

Kasiw-ja, или также Kasiw-possei, впадает с восточной стороны, в 2 днях пути от предыдущей, на широте остяцкой деревни Шоркарра на р. Оби. Возникает на расстоянии 1 дня пути из сора.

Sotta-ja, с востока, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 3 днях пути.

Naka-ja, с запада, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 1 дне пути.

Osim- или Wosim-, или Usim-ja, с запада, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 2 днях пути.

Ross-ja, то есть Песчанна речка, с запада, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 2 днях пути.

Wosilling-ja, с запада, в 2 днях пути от предыдущей; исток в 1 дне пути.

Kibr-ja, с востока, в $1\frac{1}{2}$ днях пути от предыдущей; исток в 2 днях пути.

Sulsipit-ja, с востока, в 3 днях пути от предыдущей; исток в 1 дне пути.

Ondschass- или Ontass-ja, с востока, в 2 днях пути от предыдущей; исток в 2 днях пути.

Iak-ja, с запада, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 1 дне пути.

Njoksubr-ja, с востока, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 1 дне пути.

Iewa-ja, с запада, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей; исток в $\frac{1}{2}$ дня пути.

Talti-ja, с востока (или, скорее, с юга, поскольку в этом месте Малая Сосьва течет с запада), в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Возникает на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути по соседству с речкой Ese-ja, которая впадает в реку Конду в ее верхнем течении, а та впадает в Иртыш. От этой речки Ese живущие на Малой Сосьве вогулы получили название Естелская волость. Es-tel или Es-Tellech означает как по-остяцки, так и по-вогульски исток Ese. Они, возможно, прежде могли там жить. Сейчас они охотятся в тамошних местах и приходят от истока Talti-ja до истока Ese за один день пути с нартами. Оттуда они продолжают свое охотничье путешествие до истока маленькой реки Tapsui, которая с севера впадает в Большую Сосьву, как об этом последует в соответствующем месте, не пересекая на этом пути истока Малой Сосьвы, поскольку он находится к северу от пути. А расстояние между истоком Ese и истоком Tapsui составляет 2 дня пути.

Iewa-ja, с севера, в 1 дне пути от предыдущей; исток в $1\frac{1}{2}$ днях пути.

Porch-ja, с юга, в $\frac{1}{2}$ пути от предыдущей; исток на расстоянии нескольких верст.

Schigge-ja, то есть Налимья речка, с севера, в $1\frac{1}{2}$ днях пути от предыдущей; исток в 1 дне пути.

Telle-jonga-ja, с юга, в 1 дне пути от предыдущей; исток в $\frac{1}{2}$ дня пути.

Ogris- или Agris-ja, с юга, в 2 верстах от предыдущей; исток в 1 дне пути. Досюда река заселена естелскими вогулами, которые проезжают по ней на их маленьких лодках также до этого места, хотя и не без труда, так как она здесь уже очень маленькая и мелкая. Вышеуказанные дни пути вдоль Малой Сосьвы между устьями речек считаются по такому их плаванию, но поскольку река в своем течении делает частые и большие повороты, то расстояние до каждого пункта в днях пути зимой с нартами следует считать примерно вдвое меньшим. Исток Малой Сосьвы находится к северу от речки Ogris, в половине дня пути от которой Малая Сосьва возникает от слияния двух речек. Правая из них называется Tula и течет прямо с севера, а левая, которая возникает несколько западнее, носит предыдущее вогульское название Man-tagget. До истока каждой из них от места слияния один день пути. В $\frac{1}{2}$ дня пути от истока [речки] Tula возникает маленькая река Вышма, которая на севере впадает в Большую Сосьву, как об этом последует ниже.

Далее вверх по Сосьве.

Югримские юрты, по-вогульски Iugrim-paul, на южном берегу, в 2 верстах от устья Малой Сосьвы.

Аниевские юрты, по-вогульски Ani-ja-paul, на северном берегу, в 13 верстах от предыдущей. Является летней деревней: относящиеся к ней зимние жилища расположены в паре верст в сторону от реки.

Ani-ja, с северной стороны, возле предыдущей деревни; возникает на расстоянии 2 дней пути.

Schensch-Kun-ja, с южной стороны, в 4 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии 6 дней пути. Между этой и следующей речками находится так называемый переплав лосей и оленей, где их весной, когда они из лесистых местностей из-за комаров отправляются в чистую тундру и стадами переправляются через Сосьву, убивают в воде.

Sibil-ja, с севера, в 4 верстах от предыдущей речки; возникает на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути.

Mengkulling-ja, с южной стороны, в 2 верстах от предыдущей; возникает в 1 дне пути.

Oss- или Ozi-ja, с северной стороны, немного выше предыдущей; исток в 2 днях пути.

Олтитумбинские юрты, по-вогульски Olt-tumb-paul, на обоих берегах, в 3 верстах от предыдущей речки. Между этой и следующей деревнями имеется точно такой же переплав лосей и оленей через Сосьву, как был указан немного выше.

Тоболдинские летние юрты, на южном [берегу], в 6 верстах от предыдущей деревни. Является летней деревней, относящейся к нижеследующей зимней деревне.

Kort-ja, с юга, в $\frac{1}{2}$ версты от предыдущей деревни; возникает на расстоянии 2 дней пути.

Тоболдинские зимние юрты, по-вогульски Puping-paul, то есть Шайтанские юрты, на северном берегу, в 4 верстах от предыдущих, относящихся сюда летних жилищ и в 24

верстах от Аниевских юрт. Имеет такое вогульское название оттого, что здесь до христианства стоял знаменитый вогульский идол, или шайтан, по-вогульски Рурі, не как другие – в особом чулане, а в одной из жилых юрт. Отсюда он по-вогульски и назывался Pauling-Amtschuk, то есть юртошной старык.

Ielping-ja, то есть Святая речка, однако вместо этого обычно говорят Клятая речка. Впадает с южной стороны, в 3 верстах от предыдущей деревни; возникает на расстоянии 5 дней пути. Название основано на том, что на устье этой речки издавна лежал бесформенный камень, который почитался языческими вогулами и остяками вместо идола подобно тому, что был указан выше на речке Ielping-ja возле деревни Луликарской. В то время, когда по распоряжению Сибирского архиепископа Филофея остяцкие и вогульские идолы, сколько их можно было обнаружить, были преданы огню, подобные идольские камни были сброшены в реки, а считавшиеся священными деревья срублены и также сожжены.

Iebali-ja, с южной стороны, в 10 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии 2 дней пути.

Man-jebali-ja, то есть речка Малая Ебали, или также Tumb-aul-ja, то есть Острова-конец-речка, с южной стороны, в 3 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии 1 дня пути.

Сортинской погост, по-вогульски Sorting-ja-paul, прежде Рагакарские юрты, на северном берегу, в 6 верстах от предыдущей речки и в 22 верстах от Тоболдиных юрт. Здесь имеется построенная для вогулов церковь Рождества Христова, при которой, помимо жилищ церковных служителей, имеется не более двух вогульских юрт.

Sorting-ja, с северной стороны, в 3 верстах от погоста; возникает на расстоянии 3–4 дней пути. Между этой и следующей речками вновь находится обычный переплав лосей и оленей через Сосьву подобно тем, что уже показаны выше.

Simr-ja, с севера, в 5 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии 3 дней пути.

Беткишские юрты, по-вогульски Betkisch-paul, на южном берегу, в 2¹/₂ верстах от предыдущей речки и в 10¹/₂ верстах от погоста. Выше при описании реки Вогулки было упомянуто, что к ней от этой деревни идет дорога, длина которой равна 4 дням пути. На этом пути пересекается речка Simr-ja, а речка Sorting-ja остается справа от него.

Nilik-ja, с севера, напротив предыдущей деревни; возникает на расстоянии 1 дня пути.

Betkisch-soim, то есть ручей, с юга, в 2 верстах от предыдущей деревни; возникает на расстоянии нескольких верст.

Rachtin-ja, с севера, в 4 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии 2 дней пути.

Рч. Куга, по-вогульски Chugang-ja, с северной стороны, в 8 верстах от предыдущей речки; возникает на расстоянии 2 дней пути.

Kursum-ja, с юга, в 2 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии 5 дней пути поблизости от р. Сосьвы, недалеко от Сарадейских юрт, которые последуют ниже, поскольку жители этой деревни обычно в полдня доходят пешком до истока речки Kursum.

Кугинские юрты, по-вогульски Chugang-ja, на северном берегу, в 1 версте от предыдущей и в 17 верстах от Betkisch-paul.

Tontlum-ja, с юга, в 6 верстах от предыдущей; исток в 2 днях пути.

Rel-ja, с севера, в 12 верстах от предыдущей; исток в 4 днях пути.

Шоминские юрты, по-вогульски Schoma-paul, на северном берегу, в 5¹/₂ верстах от предыдущей речки и в 23¹/₂ верстах от Кугинских юрт.

Tschoipisch-ja, с севера, в 1 версте от предыдущей деревни; возникает на расстоянии 3 дней пути. От истока этой речки ¹/₂ дня пути до истока р. Вогулки, о которой выше.

Река Сыгва, по-вогульски Sek-ja, с северной стороны, в 15 верстах от предыдущей речки. Такой же величины, как и Сосьва в этой местности, и имеет с ней одинаково удаленный исток из Печерских, или, иначе, так называемых Югорских гор. Она течет с северо-запада. Заселена вогулами, образующими собственную волость, которая носит название Ляпинская. Это название происходит от старой вогульской крепости на этой реке, где и

сейчас еще находится главное место жительства живущих по Сыгве вогулов. А из-за этого названия волости некоторые называют реку также Ляпина. В верховьях реки живут немногие самоеды, которые выговаривают ее название как Siti-ja. О впадающих в Сыгву речках и расположенных по ней вогульских жилищах я получил следующие известия.

Rahting-ja, впадает с севера, в 10 верстах от устья; исток на расстоянии 2 дней пути.

Chulalin-ja, с юго-запада, в 15 верстах от предыдущей; исток в 4 днях пути.

Рч. Ляпина, по-вогульски Loping-soim, совсем маленькая речка, с севера, в 6 верстах от предыдущей; возникает поблизости.

Ляпинские юрты, прежде Ляпинской городок, по-вогульски Loping- или Lopung-usch, на маленькой речке Ляпиной, недалеко от устья и в 31½ верстах от Шоминских юрт по прямой дороге. Здесь в давние времена была та старая вогульская крепость, или укрепление, о которой упомянуто выше, и, вероятно, она имела целью преимущественно обеспечение безопасности от печерских самоедов, поскольку и сейчас еще они иногда докучают ляпинским вогулам. В настоящее время многие из этих вогулов еще имеют здесь свои зимние жилища, отчего тут вскоре после крещения этого народа была также построена церковь, посвященная Богоявлению Господню. Однако эта церковь сгорела в 1730 году. Хотя на ее месте тогда была построена новая, но, после того как и она сгорела в 1733 году, было признано нецелесообразным в дальнейшем строить здесь, а здешних остяков присоединили к приходу Сортининского погоста на р. Сосьве (о котором выше). В давние времена, когда русским купечеством и зырянскими промышленниками часто использовались различные дороги и вдоль Сосьвы, и вдоль Сыгвы через Печерские горы, на которых в зимнее время этот пункт нужно было миновать [при движении] с обеих сторон, а также поскольку обычный путь из верховьев р. Сыгвы идет через эти вогульские жилища, то здесь, говорят, была обычная русская ярмарка и большая торговля с этими вогулами, для чего здесь стояло немало русских лавок, от которых сейчас не осталось никаких следов, и никто уже не помнит тех времен. Вогулы знают это лишь из преданий своих предков, и, вероятно, эта торговля велась лишь в первые времена сибирского завоевания, позднее же она переместилась в Березов, к тому же и в Березовском архиве среди старейших рукописей не отыскалось об этом никаких известий.

Soregat-ja, впадает с северной стороны, возле предыдущих вогульских жилищ, в одном месте с маленькой речкой Ляпиной, или, скорее, Ляпина впадает в устье речки Saregat. От этой речки ниже следует еще одно устье в Сыгву. До истока насчитывается до 10 дней пути.

Meschu-paul, на южной стороне, в 2 верстах от берега и в 10½ верстах от Ляпинских юрт.

Choring-paul, на северном берегу, в 15 верстах от предыдущей.

Nilik-ja, с южной стороны, напротив предыдущей деревни; возникает на расстоянии ½ дня пути.

Soregat-ja, с северной стороны, в 6 верстах от [дер.] Choring-paul; является вторым устьем вышеуказанной речки Soregat. Отсюда до места, где сходятся оба рукава, ½ дня пути пешком.

Мункаские юрты, по-вогульски Munkes-paul, на южной стороне, приблизительно в 2 верстах от берега, наискосок напротив второго устья речки Saregat и в 23 верстах от [дер.] Meschu-paul.

Choschloch-paul, на северной стороне, недалеко от берега, в 9 верстах от предыдущей.

Sewin-ja, с юга, в 3 верстах от предыдущей; возникает поблизости.

Changlja-paul, на южной стороне, недалеко от берега, в 6 верстах от предыдущей речки.

Юильские юрты, прежде Юильский городок, по-вогульски Wol-Kuotl-paul, то есть Среди плеса юрты, на северном берегу, в 8½ от предыдущей и в 26½ верстах от Мункаских юрт. Здесь в давние времена было вогульское укрепление против самоедов, которое по-вогульски называется Sek-tellech-usch, то есть На Сигвинской вершине городок, несмотря на то что исток р. Сыгвы находится еще очень далеко отсюда, и, вероятно, по той причине, что это было самым верхним вогульским укреплением на р. Сыгве, как и сейчас

еще далее вверх по Сыгве нет больше никаких вогульских жилищ. Трудно сказать, откуда возникло русское название и что оно означает. Можно, однако, предположить, что первоначально оно было дано пункту зырянами и от них передано русским. Под этим названием известно также остяцкое укрепление на реке Казым, впадающей в Обь, как об этом будет сказано в соответствующем месте.

Soinak-paul, на южной стороне, прямо напротив предыдущей деревни, в 3 верстах от берега.

Schokur-ja, с юго-запада или запада, в 3 верстах от Юильских юрт; возникает на расстоянии 6 дней пути из Печерских гор.

Man-ja, с запада, в 10 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии 6 дней пути из тех же гор. Вверх по Сыгве ляпинские вогулы доходят, по их словам, обычно лишь до этого места. Поэтому о верховьях они не могут ничего сказать. Но то, что ее исток находится еще в большом удалении, можно заключить из того, что средняя ширина реки здесь описывается равной 50 и более сажням. Вообще, можно отметить, что как почти на всем протяжении Сыгва течет с северо-запада, так здесь ее направление в сторону истока еще более поворачивается на север, ибо Печерские горы, в которых возникает Сыгва, находятся недалеко от устьев речек Schokur и Man и удалены от них лишь на 3 дня пути.

Прежняя старая дорога вдоль Сыгвы через Печерские горы проходила по речке Schokur. По ней следовали водой вверх по течению 3 дня до подножия гор. Здесь в Schokur с юго-западной или западной стороны впадает речка Kurtass, тогда как Schokur выше этого места течет с северо-запада. Эта речка Kurtass была также судоходна для лодок на протяжении 1 дня пути, хотя и не без трудностей. Там, где ее оставляли, в плоской долине находится середина гор и как раз в этой долине проходит водораздел между бассейнами Оби и р. Печеры. После прохождения нескольких верст, когда нужно было нести или тащить суда по суше (собственно, такое место называется волоком), приходили к маленькой речке, которую тогда называли Торговой. Она, как и предыдущая речка Kurtass, возникает к северу от волока. В настоящее время сомневаются, судоходны ли еще обе эти речки, поскольку некоторые березовские казаки, проделавшие путь зимой, описали их очень маленькими. А кроме того, имеется еще много примеров того, что речки, бывшие прежде судоходными, стали сейчас слишком мелкими для этого. Посредством Торговой далее попадали в речку Шугор, а из нее – в Печеру. Об этом пути я могу сказать лишь то, что смогли заметить вышеуказанные березовские казаки в зимнее время. А именно: от Кыртасского волока $\frac{1}{2}$ дня пути или несколько больше до места впадения Торговой в Шугор, которое, если ехать вниз по последней, находится с правой стороны, поскольку р. Шугор возникает несколько южнее этого места также из вышеуказанных гор. Далее вниз по р. Шугор 6 дней пути до ее впадения в реку Печеру. Посередине этого пути или несколько ближе к устью р. Шугор в нее с северо-востока впадает река Падунок, которая описывается такой же большой, как и сама р. Шугор, так что я предполагаю, что ее исток также находится в Печерских горах и примерно поблизости от р. Сыгвы. А ширина обеих рек выше места их слияния должна составлять приблизительно 50 сажней.

Я хочу сделать здесь еще одно примечание, а именно. Ранее на реке Сосьве в летней деревне Луликарра упомянут бывший таможенный пост, носящий название Кыртасская застава, происхождение которого или повод к нему в тамошних местах не отыскиваются. Оно, предположительно, могло возникнуть от вышеуказанной речки Kurtass, и, возможно, эта дорога через Кыртасский волок была более ранней, чем та, что через верховья р. Сосьвы (о которой ниже последуют некоторые известия). Отсюда таможенный пост назван по этому, использовавшемуся первым волоку. В противном случае нельзя понять причину того, почему он был назван раньше по первому, а не по второму пути.

Далее вверх по Сосьве.

Посолдины юрты, по-вогульски Possol-paul, на северном берегу, в 10 верстах выше устья р. Сыгвы и в 20 верстах от Ляпинских юрт на р. Сыгве по прямой зимней дороге.

Kyrgis-ja, с северной стороны, в 8 верстах от предыдущей деревни.
Оуринские юрты, по-вогульски Our-ja-paul, на южном берегу, в 6½ верстах от предыдущей речки и в 14½ верстах от Посолдиных юрт.
Our-ja, с южной стороны, немного выше предыдущей деревни.
Нилдинские юрты, по-вогульски Nilding-paul, на южном берегу, в 18 верстах от предыдущей деревни. Между этой деревней и упомянутой ранее на Сосьве деревней Кугинские юрты Сосьва делает большой поворот на север. Поэтому, когда зимой путешествуют вверх по Сосьве, между обеими деревнями имеется прямая дорога по суше, длина которой составляет не более 50 верст. Отсюда становится также более понятным то, что сказано выше о течении речки Kursum.
Nilding-ja, с южной стороны, немного выше предыдущей деревни.
Simr-ja, с южной стороны, в 10 верстах от предыдущей.
Рч. Вогуля, по-вогульски Wol-ja, с северной стороны, в 10 верстах от предыдущей; возникает на северо-западе из Печерских гор.
Сарадейские юрты, по-вогульски Saradi-paul, на южном берегу, в 4 верстах от предыдущей речки и в 24 верстах от Нилдинских юрт.
Sow-ja, с южной стороны, в 4 верстах от предыдущей деревни.
Menk-ja, с севера, в 12 верстах от предыдущей речки.
Man-menk-ja, с севера, в 3 верстах от предыдущей.
Хулимсонские юрты, по-вогульски Chulim-sont-paul, на южном берегу, в 8 верстах от предыдущей речки и в 27 верстах от Сарадейских юрт.
Chulim-ja, с южной стороны, возле предыдущей деревни, которая по ней получила название. Прибавление sont означает устье реки.
Ielring-ja, с северной стороны, в 3 верстах от предыдущей.
Acht- или Ach-tu-sont, с той же стороны, в 4 верстах от предыдущей. Является истоком из расположенного недалеко озера, носящего название Ach-tu.
Ханглаские юрты, по-вогульски Changlsam-paul, на южном берегу, в 2 верстах от предыдущей и в 9 верстах от Хулимсонских юрт.
Chultna-paul, на северном берегу, в 10 верстах от предыдущей деревни.
Рч. Вышма, по-вогульски Wyschmi-ja, с южной стороны, в 10 верстах от предыдущей; возникает по соседству с р. Малой Сосьвой, как это указано выше при ее описании.
Вышминское Старое городище, по-вогульски Wyschmtit-usch, на южном берегу, в 3 верстах от предыдущей.
Вышминские юрты, по-вогульски Wyschm-paul, на южном берегу, в 3½ верстах от Вышминского Старого городища и в 26½ верстах от Хангласких юрт.
Тапсуйские юрты, по-вогульски Taps-sont-paul, на южном берегу, в 26½ верстах от предыдущей деревни.
Рч. Тапсуй, по-вогульски Taps-ja, с южной стороны, в 4 верстах от предыдущих юрт. Шириной в 30 сажень и заселена вогулами, относящимися к Сосьвинской волости, некоторых из которых я имел возможность расспросить о местности этой реки и получил следующие известия.
Wor-ja, впадает в Тапсуй с восточной стороны, в 2 днях пути от устья. Является почти такой же большой, как и сама Тапсуй, и принимает в себя несколько маленьких речек, а именно.
Egu-ja, с юга, в 2 днях пути от устья.
Jingur-ja, с северо-востока, в 2 днях пути от предыдущей.
Lowsi-ja, с северо-востока, в 1 дне пути от предыдущей. Отсюда еще 3 дня пути до истока Wor-ja, который находится по соседству с Вышмой.
Нирвоские юрты, по-вогульски Nir-usch-paul, на восточном берегу, в 1 дне пути выше [устья] Wor-ja. Название указывает на то, что раньше здесь было вогульское укрепление по образцу предыдущих.
Chulim-ja, с восточной стороны, в 2 верстах от предыдущей; течет через многие озера.

Chulim-paul, на восточном берегу, в 1 дне пути от предыдущей.

Chulim-ja, с западной стороны, в 1 версте от предыдущей деревни; течет через многие озера. Название Chulim означает, что в этой местности имеется хорошая рыбная ловля.

Liragi-ja, с восточной стороны, в $\frac{1}{2}$ дня от предыдущей. Отсюда еще 3 дня пути до истока р. Тапсуй, соседство которого с речкой Ese, впадающей в Конду, показано выше при описании речки Talti, впадающей в малую Сосьву. От истока р. Тапсуй также доходят за 4 дня до истока речки Adum-ja, которая впадает в Пелым (по-вогульски Pollim- или Pollm-ja), а Пелым впадает в Тавду (по-вогульски Ossja-Tagget, то есть Узкий Tagget), а Тавда – в Тобол.

Далее вверх по Сосьве.

Няроховские юрты, по-вогульски Njoroch-paul, на северном берегу, в 10 верстах от предыдущей реки.

Вонсеровы, или Няксимволские, юрты, по-вогульски Njaksimol-paul, на северном берегу, в $22\frac{1}{2}$ верстах от предыдущей и в $36\frac{1}{2}$ верстах от Тапсуйских юрт.

Рч. Нюса, по-вогульски Njogs- или Gnjogs-ja, с северной стороны, в 5 верстах от предыдущей деревни; возникает на северо-западе или на западе в Печерских горах. В нее впадают.

Ionting-ja, с юго-запада, в 1 дне пути от устья; исток в 1 дне пути.

Chonsching-Achtisch-ja, с той же стороны; исток в 1 дне пути. В 1 дне пути от этой речки Нюса образуется в вышеуказанных горах от слияния двух речек. Правая из них, текущая с севера называется с прибавлением Norti-njogs-ja и возникает на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути в одной местности с рекой Вогульей (о которой выше). А левая сохраняет лишь название Нюса и течет на расстоянии 1 дня пути с запада из болота, или так называемого зыбуна, из которого также с другой стороны текут истоки речки Usch-ja или Usch-jiw-ja, которая впадает в реку Olesch-ja, или Илыч, а та впадает в Печеру. Соседство этих речек было причиной того, что в древности здесь также был проложен купечеством и промышленными путем через горы между Россией и Сибирью, на котором волок между Нюсой и Usch-ja составляет $\frac{1}{2}$ дня пути, когда маленькие суда или лодки нужно нести или тащить по суше. Исток Usch-ja находится к северу от волока, а исток Нюсы, напротив, – к югу. Дорога через волок очень болотистая, так что часто утопают выше колен, что является значением и свойством зыбуна. Вниз по Usch-ja до ее устья зимой 2 дня пути с нартами. Она течет на запад и впадает в Olesch с левой стороны, поскольку последняя течет с северо-востока.

На кирилловской карте северной части Пермии также показаны окрестности вышеупомянутых речек и при этом дается речка Безымянка, то есть без имени, текущая из зыбуна р. Нюсы в Usch-ja, которая, по всей вероятности, должна являться одним из вышеупомянутых источников. [Река] Olesch названа здесь с опечаткой – Ипыч. Зыряне и живущие на Печере русские называют Olesch Илычем, тем временем как у вогулов она носит другое название.

Далее вверх по Сосьве.

Тубилевы юрты [по-вогульски] Zopsin-ja-paul, на южном берегу, в 1 версте выше Нюсы.

Lorsin-ja, с северной стороны, в 5 верстах от предыдущей деревни; возникает на расстоянии 2–3 дней пути в горах.

Искарские юрты, по-вогульски Radit-paul, на южном берегу, в 5 верстах от предыдущей речки и в 11 верстах от Вонсеровых юрт по прямой дороге. Русское название возникло от старого вогульского укрепления, которое будет упомянуто ниже, где, вероятно, раньше проживали жители. Далее вверх по Сосьве нет больше жилищ. Досюда, как и до Юильских юрт на р. Сыгве, березовская канцелярия организовала измерение пути от деревни до деревни, и так как я велел сообщить мне с этого реестр расстояний, то при определении основных расстояний я следовал ему. А промежуточные небольшие расстояния указывались приблизительно со слов людей, которых я об этом расспрашивал. Местности выше Искарских юрт посещаются только для охоты, и поэтому остальные

расстояния между пунктами я могу описывать не иначе как в днях пути, когда зимой кочуют с нартами.

Lerla-ja, с южной стороны, в нескольких верстах от предыдущей деревни; возникает по соседству с р. Лозвой (по-вогульски Losma-ja), которая в Пелымском уезде впадает в Тавду. На Лозве, однако, живут вогулы, относящиеся к уезду города Чердыни в Пермии, и они иногда переходят на Сосьву, как и те, что живут на Сосьве, посещают Лозву.

Man-ja, с северной стороны, в 2 днях пути от Искарских юрт; возникает в горах на расстоянии 3 дней пути. На этой речке, в 2 днях пути от устья, также имеется волок и дорога через горы, которая раньше использовалась не меньше других. На другой стороне волока имеется речка Lja-ja, по-зырянски Ljachtscha, то есть Быстрая речка, которая, как и Man-ja, возникает к северу от дороги. Через собственно волок меньше половины дня пути. Эту дорогу за день можно пройти трижды, таща с собой при этом лодки или другой груз. Оттуда вниз по рч. Lja до ее впадения в Olesch один день пути. На вышеупомянутой кирилловской карте отмечены две впадающие в Olesch, или Илыч, речки Ljachtscha. Нижняя из них или большая – Ljachtscha, которая в старину способствовала установлению связи между Россией и Сибирью.

Искарра, или Искарское Старое городище, по-вогульски Achtisch-usch, то есть Каменной городок, на южном берегу, немного выше предыдущей речки. В давние времена было заселено как вогулами, так и зырянами, которые первое время торговали здесь с этими вогулами, и несколько укреплено против вражеских нападений. Название Is-Karra в зырянском языке имеет с вогульским названием одинаковое значение, так что отсюда подтверждается, что все русские названия тех вогульских и остяцких прежних укреплений, которые имеют окончание karra, происходят от зырян. А причина того, что так называли это место, в том, что Сосьва здесь течет уже в горах и старая крепость расположена на каменистом грунте, поскольку камень, скала, скалистые горы как в русском языке, так и в вогульском, зырянском и всех сибирских языках обозначаются одним словом.

Ieli-Tagget и Man-Tagget – два рукава, или истоковые речки (розсохи), р. Сосьвы, которые в половине дня пути вверх от вышеуказанной старой крепости соединяются и образуют Сосьву. Из них Ieli-Tagget возникает на западе, в 2 днях пути от устья, поблизости от истока р. Печеры, а Man-Tagget течет с юга и возникает в 1 дне пути в окрестностях вышеупомянутой реки Лозвы.

РГАДА Ф. 199. Портф. 517, ч. 2. Д. 7.

Описание низовьев реки Оби и впадающих в Обь рек от места ее разделения на Большую Обь и Малую Обь (о котором упомянуто в описании путешествия в Березов)вниз по течению. Из устных известий. 1740 г.

Разделение реки Оби на Большую и Малую Обь, происходит, согласно вышеописанному путешествию в Березов, в 10 верстах ниже остяцкой деревни Кылтисанские юрты. Под названием Большая Обь понимается тот рукав, который отделяется направо, а под Малой Обью – левый рукав. Хотя эти же названия приняты и у остяков, но все же с тем, что Большой рукав от впадающей в него реки Казым они чаще называют Kasim-Ass. Я хочу оба эти рукава описать таким образом, что один из них опишу на одной стороне, а второй на другой стороне, чтобы показать, насколько это возможно, как одно место расположено напротив другого.

О Малой Оби

О Большой Оби

Нарикаппа
Kumur-jugan
Unno-passil
Waring-sem-passil
Waring-paul
Waring-ja
Ibel-sangom-ja
Waring-sem-passil
Протока Лакпал
Лакпальские юрты

 Смотри описание путешествия в Березов

Чамаские юрты, по-остяцки Tschamasch-uosch-kurt, на правом берегу, в 15 верстах от Кылтисанских юрт. Является центром названной от нее Чамашской волости. Здесь также в старые времена была остяцкая крепость.

Tschamasch-jugan, с правой стороны, в двух верстах от предыдущей деревни; возникает на расстоянии 2 дней пути.

Малые Вежакарские юрты, по-остяцки Num-jem-uosch. то есть Верхней Святой городок, на левом берегу, в 25 верстах от Чамаских юрт.

Ieming-jugan, с правой стороны, напротив предыдущей деревни; возникает на расстоянии 1 дня пути.

Большие Вежакарские юрты, по-остяцки Uon-jem-uosch. то есть Большой Святой городок, на левом берегу, в 15 верстах от предыдущей деревни, вместе с которой они образуют особую волость. По поводу происхождения названий Iem-uosch и Ieming-jugan тамошние остяки имеют следующее предание. Они говорят, что не являются первыми, исконными жителями этих мест, а переселились сюда из неизвестной им другой страны. А когда они прибыли, то увидели перед собой в этом месте множество только что убитых крупных человеческих тел, хотя ни тогда, ни позднее не обнаружилось никаких следов живых людей. Это натолкнуло их предков на мысль, что убитые были не простыми людьми, а божественными героями, которые все сами истребили друг друга, чтобы им, как чужим пришельцам, освободить место. И вследствие такого благодеяния они завели обычай в память об этих прежних благородных владельцах страны создавать идолов и поклоняться им, что явилось истоком их прежнего языческого идолопоклонства.

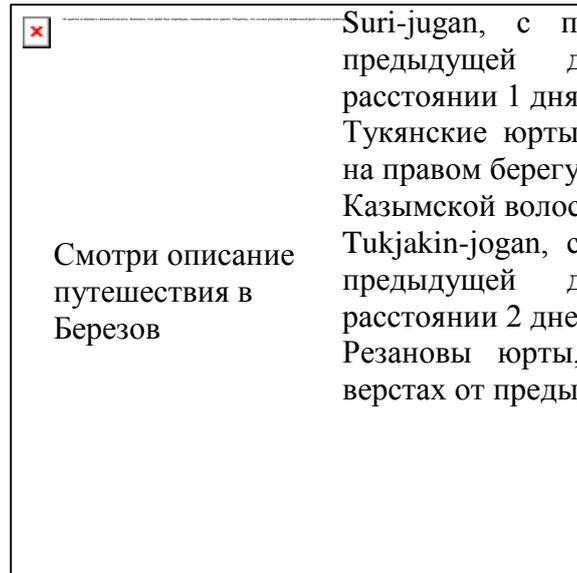
Wasch- или Uasch-jugan, с правой стороны, наискосок напротив предыдущей деревни; возникает на расстоянии 1 дня пути и имеет название от следов старого укрепления, которые видны здесь на правом берегу р. Оби. Отсюда обе предыдущие деревни вначале назывались зырянами Wescha-karra, а в остяцком языке и сейчас еще величаются uosch или uasch.

Churting- или Kurting-jugan, с правой

стороне, в 5 верстах предыдущей; возникает на расстоянии 3 дней пути. Здесь разделяются Тобольский уезд и уезд города Березова.

Pass- или Chusan-jugan, с той же стороны, в 6 верстах, возникает на расстоянии 1 дня пути. Сурейские юрты, по-остяцки Suri-kurt. на правом берегу, в 4 верстах от предыдущей речки и в 15 верстах от Больших Вежакарских юрт. Относится к Сосьвинской волости.

Протока Исяпал
Новые юрты
Протока Пырсым
Ниримкины юрты

Suri-jugan, с правой стороны, рядом с предыдущей деревней; возникает на расстоянии 1 дня пути.

Тукянские юрты, по-остяцки Tukja-kin-kurt, на правом берегу, в 6 верстах от предыдущей Казымской волости.

Tukjakin-jogan, с правой стороны, рядом с предыдущей деревней; возникает на расстоянии 2 дней пути.

Резановы юрты, на правом берегу, в 6 верстах от предыдущей Казымской волости.

Протока Кочоб, по-остяцки Kischeb, на левой стороне, в 2 верстах от протоки Пырсым; впадает в Сосьву. Смотри предыдущее описание.

Чалкины юрты, по-остяцки Tschugri-kurt, на Полновацкая протока, по-остяцки Polno-правом берегу, в 5 верстах от [протоки]passel, на правой стороне, в 6 верстах от Кочоб. Подгородной волости.

предыдущей деревни. Течет на протяжении примерно 6 верст из большого озера, или так называемого сора, в который с другой стороны впадает река Казым.

Gyrnitsch-passil, на правой стороне; Полновацкой погост, на левом, или южном, начинается в 4 верстах от предыдущей берегу указанной протоки, недалеко от деревни Чалкины юрты, а заканчивается в устье. Имеет построенную для здешних местности следующей деревни Туйковы, или остояков церковь Успения Богородицы и, Непкины, юрты. помимо жилищ церковных служителей, 4

Ваисова протока, по-остяцки Chupassil. настоящие юрты. Название основано на левой стороне, в 8 верстах от Чалкиных юрт. следующем. Aut или awot обозначает в Течет из Малой Оби в Сосьву и впадает в нее в нездешнем остояцком диалекте мыс, в 2 верстах от Березова. Смотри описание выступающий в реку, подобный реки Сосьвы.

находящемуся здесь, который от протоки получил название Polno-awot. А поскольку на этом мысу раньше была большая остояцкая деревня, отчего здесь и была заложена церковь, то она называлась по-остяцки Polno-aut- или Polno-awot-kurt, по-русски Полновацкие юрты и передала это название

заложенному здесь затем погосту. Так как остяки не большие любители жить рядом с церквями, то с того времени они почти все ушли оттуда прочь.

Туйковы, или Непкины, юрты, по-остяцки Чуильские юрты, по-остяцки Tschuil-kurt, на Nerka-kurt, на левом берегу, в 8 верстах от левом берегу, в 10 верстах от устья предыдущей протоки. Подгородной волости. Полновацкой протоки. Подгородной Положение этой деревни оценивается как волости. Эта деревня считается лежащей на несколько более низкое, или северное, одной широте с городом Березовым.

нежели у Березова. Тем не менее обычная зимняя дорога от Березова на Полновацкой погост проходит через нее, и от Березова до Туйковых юрт насчитывается 18 верст, а оттуда до Полновацкого погоста – 25 верст.

Протока Альянс, по-остяцки Aljas, на левой Tschochlain-ass, небольшой рукав реки на стороне, в 6 верстах от предыдущей деревни левую сторону, в 15 верстах от Чуильских Туйковы юрты. Течет из Малой Оби в юрт. Течет на север и впадает в другой Сосьву. Сммотри описание этой реки.

рукав, который последует вскоре ниже под Войтинковы юрты, по-остяцки Woitin-jach-названием Татарская Обь. В Tschochlain-ass в kurt, на левом берегу, в 3 верстах от 2 или 3 верстах ниже из Малой Оби впадает предыдущей протоки. Подгородной волости. Wochsar-passil.

Wochsar-passil, то есть Лисья протока, на Talda-passil, на правой стороне, в 3 верстах правой стороне, напротив предыдущей от Tschochlain-ass. Возникает примерно в 5 деревни. Течет на восток в протоку верстах из большого Казымского озера, из Tschochlain-ass, идущую из Большой Оби.

которого также вытекает вышеупомянутая протока Polno-passil. Это озеро называется по-остяцки Kasim-l'sor или -lor. Оно расположено не более чем в 3 верстах от берега Оби по прямой и такое большое, что с любой стороны его можно едва обозреть.

Река Казым, по-остяцки Kasim-jugan, по-самоедски Node- или Nade-ja, впадает в это озеро с южной стороны, не имея, кроме того, особого устья в Обь. Ее ширина от 50 до 100 сажень. В низовьях живут остяки, волость которых от реки называется Казымской, и они дают сведения о следующих впадающих в нее маленьких реках и речках, как и о расположенных там остяцких деревнях.

Рч. Лыхма, по-остяцки Licken- или Liching-jugan, с южной стороны, в $\frac{1}{2}$ дня пути от устья; шириной в 20 сажень.

Мазанские юрты, по-остяцки Masan-kurt, на северном берегу, в 6 верстах от Лыхмы и в 18 меренных верстах от Полновацкого погоста.

Masjan-jugan, с северной стороны, в 3 верстах от предыдущей деревни; шириной в 6 сажень.

Петимговы юрты, по-остяцки Petanko-kurt, на северном берегу, в 8 верстах от предыдущей речки.

Келчикарские, иначе, также Выргимские, юрты, по-остяцки Kesil-lor-kurt, на южном берегу, в 10 верстах от предыдущей и в 21 меренной версте от Мазанских юрт.

Рч. Амья, по-остяцки Amdje- или Amnje-jugan, с южной стороны, в 20 и больше верстах от предыдущей деревни; шириной в 20–30 саженой. На этой маленькой реке имеется деревня Амьинские юрты, по-остяцки Amdje-kurt, на ее западном берегу, в 5 верстах от устья и в 26 меренных верстах от Келчикарских юрт. Исток Амьи должен находиться в одной местности с р. Назымом, впадающим в Обь выше Иртыша. Здешние остяки также ходят вдоль Амьи до расположенной на Оби остяцкой деревни Большой Атлым следующим путем, а именно: 6 дней пути вверх по Амье, не совсем доходя до ее истока, который находится на расстоянии еще нескольких дней пути оттуда; далее вправо по суше один день пути до вышеупомянутой Лыхмы, которую пересекают поперек; Оттуда еще 2 дня пути до Атлыма.

От этой упомянутой сейчас деревни Большой Атлым остяки обычно ходят для охоты в район истоков Амьи. От них дорога лежит прямо на восток, при этом они после 2 дней пути с нартами минуют истоки речек Moïing-jugan и Ljalt-jugan, первая из которых впадает в Атлым, а вторая в Назым, а оттуда за 2 дня достигают Лыхмы, по которой они следуют вверх один день до истока, откуда еще один малый день пути до истока Амьи.

Wont-jugan, с северной стороны, в 12 верстах от устья Амьи; шириной в 6 саженой.

Хунларские юрты, по-остяцки Chun-lor-kurt, на южной стороне, на соре с вышеуказанным названием, в 14 верстах от предыдущей речки и в 26 меренных верстах от Амьинских юрт.

Sogum-jugan, с северной стороны, в 20 верстах от предыдущей деревни. Почти такой же величины, как Казым, и заселена самоедами.

Памыцкие, или Илбигурские, юрты, по-остяцки Iilbi-kurt, на южном берегу, в 20 верстах от устья предыдущей реки и в 40 меренных верстах от Хунларских юрт.

Pamyt-jugan, с южной стороны, в 8 верстах от предыдущей деревни; возникает на расстоянии 8 дней пути.

Keltschi-jugan, с южной стороны, в 12 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии 1 дня пути.

Wasch-, или Uasch-, или Uosch-jugan, с южной стороны, в 4 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии 3 дней пути. Название основано на том, что на этой речке в старые времена было остяцкое укрепление, следы которого и сейчас еще видны в 3 верстах от устья на восточном берегу речки. Остяки называют эту старую крепость Kasim-uosch, а по-русски она называется Казымское городище, а также Юилской городок, причина чего не известна. Недалеко от этой старой крепости еще и сейчас имеется знатнейшая остяцкая деревня этих мест, а именно Казымские юрты, по-остяцки Kasimti-kurt, на восточной стороне рч. Wasch-jugan, в некотором удалении от нее, в 28 меренных верстах от Памыцких юрт. Это последние остяцкие жилища по р. Казыму.

Kuri-jach-jugan, с северной стороны, в 1 дне пути от рч. Wasch-jugan. Шириной в 20 саженой и заселена самоедами.

Ai-Kuri-jach-jugan, с той же стороны, в 3 верстах от предыдущей.

Sun-jugan, с южной стороны, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. Шириной в 10 саженой, а возникает на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути из озера, имеющего 1 версту в поперечнике.

Wangr-wasch-jugan, с южной стороны, в 2 днях пути от предыдущей; возникает на расстоянии 2 дней пути. Название Wangr означает *рыбу земга*, несмотря на то что она не встречается ни в этой местности, ни где-либо еще в Сибири. Она известна остякам вследствие соседства р. Печоры, где этой рыбы очень много. Здесь также не обнаруживается следов старой крепости, что обычно предполагает слово Wasch.

Далее вверх Казым обычно не посещается остяками, и они не могут больше назвать впадающих в него речек. Они лишь слышали от живущих вверх по Казыму самоедов, что от рч. Wangr-wasch-jugan до истока р. Казыма якобы еще 5 дней пути на оленях без груза, причем каждый день пути можно считать по меньшей мере за 50 верст. И еще они слышали, что Казым у истока поворачивает на север и что он возникает из большого озера, или сора, длинного, узкого и с несколько выгнутой серединой, отчего они

сравнивают его вид с луком и называют озеро Iogul-jinde-log. Первое слово названия обозначает *лук*, второе *тетиву лука*. А последнее является словом, которым они называют мелкие озера и разливы вод, и так как начальная буква *L* выговаривается очень шепеляво, то отсюда возникло русское *сор*.

Так как здешние остьяки обычно переходят с Казыма на Назым, то они дали следующие сведения об этом пути. От Казымских юрт вверх по рч. Wasch-jugan 2 дня пути, оттуда вправо и 3 дня через сушу до р. Назыма, далее 3 дня вниз до волока на Каримкару. День пути – при езде на оленях.

Далее вниз по Оби.

Пугорские юрты, по-остяцки Wesochtin-kurt, Ванжевацкие Верхние юрты, по-остяцки на правом берегу, в 8 верстах от Wansche-auti-kurt, на правом берегу, в $\frac{1}{2}$ Войтинковых юрт и [протоки] Woxar-passil. версты ниже [протоки] Talda. Казымской Куновацкой волости.

Устье р. Сосьвы, по-остяцки Leu, по-Ванжевацкие Нижние юрты, по-остяцки, как вогульски Tagget, с левой стороны, в 4 указано выше, на том же берегу, в 10 верстах верстах от предыдущей деревни.

Татарская Обь, по-остяцки Ai-ass, сообщение Watma-jugan, с правой стороны, в 6 верстах между Малой и Большой Обью, в 8 верстах от предыдущей деревни; возникает на от устья р. Сосьвы. Течет на северо-восток расстоянием 3 дней пути.

или северо-восток-восток и вдоль нее Татарская Обь, с левой стороны, в 12–15 насчитывается 15 верст.

Протока Острем, по-остяцки Wotschreng, на рукавом Малой Оби. Вниз отсюда остьяки правой стороне, в 8 верстах от Татарской называют Большую Обь лишь именем Uon-Оби. Вначале течет на северо-восток-восток, Ass, то есть Большая Обь, не употребляя и, после того как через примерно 20–30 верст больше название Kasim-Ass.

она очень близко подходит к Большой Оби, Начиная от Татарской Оби река образует она поворачивает снова на северо-запад кизлучину на восток, вдоль которой до Малой Оби, в которую и впадает. Между тем следующей деревни насчитывается 20 верст.

протока Острем имеет также в месте Однако на левой стороне имеется протока, наибольшего изгиба исток в Большую Обь или прорва, поперек через мыс, которая Суда, направляющиеся из Березова в низовья начинается в 5 верстах от Татарской Оби и

р. Оби, обычно идут через Острем и эту длину ее до следующей деревни составляет маленькую протоку.

лишь 5 верст; таким образом, прямое

расстояние не превышает 10 верст. Мелдины юрты, по-остяцки Sogi-pugr-kurt, на правом берегу, напротив нижнего устья предыдущей прорвы.

Тегинские юрты, по-остяцки Tekin-kurt, на Маленькая протока, или прорва, на левой левом берегу, в 3 верстах ниже протоки стороне, наискосок ниже предыдущей Острем и в 27 меренных верстах от Усть-деревни. Течет из протоки Острем Малой Сосьвинских юрт на р. Вогулке, а от Оби, до которой здесь вдоль этой протоки Березова по этой дороге в 42 верстах насчитывается лишь 1 верста.

Куновацкой волости.

Шасимсарские юрты, на правом берегу, в 10 верстах от предыдущей маленькой протоки и в 15 меренных верстах от Тегинских юрт на Малой Оби. Куновацкой волости.

Выдряная река, по-остяцки Wonder-jugan, с правой стороны, в 15 верстах от предыдущей деревни; шириной в 30–40 сажений.

Награчевы юрты, на южном берегу р. Выдряной, недалеко от устья, в 15^{1/2} меренных верстах от предыдущей деревни. Куновацкой волости.

Нижнее устье протоки Острем на правой стороне. Ai-wonder-jugan. то есть Малая Выдряная речка, с правой стороны, в 5 верстах от

Протока, называемая по-остяцки предыдущей; шириной в 10 сажений.

Chatschegat-Ass, на правой стороне, немного Шашимковы юрты, на правом берегу, в 10 ниже предыдущей. Впадает в 6 верстах от предыдущей речки и в 15 отсюда также в Малую Обь. меренных верстах от Награчевых юрт.

Качегацкие юрты, на правом берегу Куновацкой волости.

предыдущей протоки Chatschegat, на равном Протока Лапкур, на правой стороне, в 5 расстоянии от верхнего и нижнего устьев. верстах от предыдущей деревни. Впадает в 6 Куновацкой волости. От Тегинских юрт верстах отсюда в нижеследующую досюда насчитывают 40 верст.

Кужевацкую протоку.

Река Куновацкая, по-остяцки Kun-aut-jugan, по-самоедски Sabr-ja, впадает с правой стороны в протоку Лапкур, в 1 версте от ее верхнего устья таким образом, что когда в начале лета вода в р. Оби высокая, то Куноват имеет сток в Обь через Лапкур и Кужевацкую протоку. А при низкой воде осенью, как протока Лапкур ниже Куновата, так и Кужевацкая протока мелеют, и поэтому течение из Куновата в Обь осуществляется через верхнее устье протоки Лапкур. Название реки основано от одного возвышенного мыса, который приблизительно в 5 верстах от устья на северной стороне соприкасается с берегом и называется Kun-aut. Он заселен остяками, которые от этого имени получили название Куновацкая волость. Они дали следующие сведения о местностях вверх по реке.

Немного выше мыса Kun-aut имеется большое озеро, или сор, которое едва можно обозреть. Через него протекает Куноват. На северном берегу озера имеется бывшая остяцкая крепость, или укрепление, которое остяки называют Kun-aut-uasch, а русские – Куновацкое Старое городище.

Куноват течет с юга и возникает на широте указанной выше на Оби остяцкой деревни Ванжевацкие Верхние юрты, откуда остяки обычно доходят с нартами до истока Куновата за 2 дня. Вместе с тем река в этом своем течении образует большую излучину на восток и имеет еще так много небольших побочных излучин, что, несмотря на

близость истока, она тем не менее, проделывает большой путь. Текущие в Куноват речки все впадают с восточной стороны и идут вверх по течению в нижеследующем порядке.

Lagas-jugan, в 2 днях пути по воде от устья; возникает на расстоянии 3 дней пути.

Masjar-jugan, в 5 днях пути от предыдущей; возникает на расстоянии 2 дней пути.

Pitta-jugan, в 2 днях пути от предыдущей; возникает поблизости.

Taut-jugan, в 2 днях пути от предыдущей; возникает на расстоянии 5 дней пути.

Chuloch-jugan, в 4 днях пути от предыдущей; возникает на расстоянии 1 дня пути. Досюда Куноват заселен, и также до этого места остяки обычно ездят по воде, но так как повороты реки делают езду по воде продолжительной, то по прямым зимним дорогам в каждом месте следует брать половину указанных дней пути при ходьбе пешком с нартами. От рч. Chuloch до истока Куновата еще 3 дня пути при езде на оленях.

Кужевацкая протока, на восточной стороне; возникает из большого озера, или сора, недалеко от места истечения протоки Лапкур и впадает в 10 верстах отсюда в Обь. Название происходит от мыса, выступающего в Обь возле ее устья, который остяки называют Kuschsche- или Gusche-aut.

Кужевацкой погост, на правом берегу предыдущей протоки, в $\frac{1}{2}$ версты выше ее устья. Имеет построенную для здешних остяков церковь Святой Троицы, возле которой, однако, кроме одного священника, больше никто не живет, так как остяки, имевшие до основания церкви здесь большую летнюю деревню, рассеялись с тех пор по другим местам.

Кужевацкие юрты, на восточной стороне, несколько в стороне от предыдущего погоста, в 23 меренных верстах от Шашимковых юрт. Куновацкой волости. Это зимняя деревня, летние жилища которой раньше были там, где сейчас стоит церковь.

Река Сыня, по-остяцки Stnja-jugan, по-самоедски Si- или Si-ja, впадает с западной стороны, в 20 верстах от Качегацких юрт; имеет ширину в 50 и более саженой. В нее впадают.

Mant-jugan, с севера, в 6 верстах от устья; исток в 2 днях пути.

Losma-jugan, с юга, в 1 дне пути по воде от устья; исток в 3 днях пути. На этой речке в 3 верстах от устья, на восточном берегу имеется старая остяцкая крепость, которую остяки по речке называют Losma-wasch.

Njas-jugan, с юга, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 5 днях пути.

Tau-jugan, с севера, в 3 верстах от предыдущей; исток в 2 днях пути.

Misch-jugan, с севера, в 5 верстах от предыдущей; исток в 2 днях пути. В 2 днях езды на оленях от этой речки вверх по р. Сыня она разделяется на два рукава, один из которых возникает по соседству с Сыгвой, впадающей в Сосьву, а другой – по соседству с впадающей ниже в Обь рекой Войкаркой. До истока каждого из них от места разделения 3 дня езды на оленях.

Киевацкие юрты, по-остяцки Kiewat-kurt, на Logai-jugan. с правой стороны, в 15 верстах правой стороне, на острове, в 10–15 верстах от Кужевацкого погоста; шириной в 5

саженей. Название означает «мутить», а именно: поскольку речка имеет свежую ключевую воду, у которой зимой, когда вода в Оби гнилая, часто скапливается рыба, то остяки около устья речки делают заграждение (запор), в котором остается несколько отверстий, в которых они устанавливают верши. Когда же они мутят воду в речке, тогда рыба идет назад и попадает в верши.

Рч. Перевесная, по-остяцки Pilting-lar-jugan, с правой стороны, в 8 верстах от предыдущей. Протекает через озеро, или сор, которое остяки называют Pilting-lar, так как здесь они обычно имеют утиную ловлю поставленными сетями (по-остяцки Pil). Отсюда точно так же возникло и русское название речки, поскольку такие утиные сети по-русски называются перевесы.

Langi-wasch-jugan, с правой стороны, в 6 верстах от предыдущей; шириной в 5–6 саженей. На ее северном берегу, недалеко от устья, находятся следы старой остяцкой крепости, где раньше была также большая русская торговля и торговые лавки. Эту старую крепость остяки называют Langi-wasch, и от этого получила название речка. А Langi означает по-остяцки белка.

Ass-pugl, на правой стороне, на острове, в 20 Рч. Wotja, с правой стороны, в 5 верстах от верстах от Киевацких юрт. Обдорской предыдущей; шириной в 10 саженей.

Кижигорские юрты, на левом берегу, в 6 верстах от предыдущей речки. Куновацкой

волости.

Рч. Большая Чеманеа, по-остяцки Schuchaning-jugan, с правой стороны, в 3 верстах от предыдущей деревни; шириной в 20 сажений.

Река Войкарка, по-остяцки Ai-wasch-jugan, Рч. Малая Чеманеа, по-остяцки Ai- по-самоедски Iota-ja, с левой стороны, в 15 Schuchaning-jugan, с правой стороны, в 10 верстах от [дер.] Ass-pugl. Имеет верстах от предыдущей; шириной в 3 одинаковую с вышеуказанной р. Сынсажени.

величину и в таком же удалении исток в Pil-jach-jugan, с правой стороны, в 10 верстах Печерских горах. от предыдущей; шириной в 5 сажений.

Войкарра, или Войкарской городок, по-Pitlar-jugan, с правой стороны, в 15 верстах остяцки Ai-wasch, по-самоедски Iota-garden, от предыдущей. Протекает недалеко от устья на левом берегу, в 2-3 верстах ниже устья через озеро.

предыдущей названной по нему реки. Питларские юрты, по-остяцки Pitlar-wasch, Раньше был остяцкой крепостью, и сейчасна правом берегу, немного ниже еще здесь живет много остяков, которые предыдущей речки. Раньше тут была относятся частью к Куновацкой и частью костяцкая крепость и сейчас еще здесь Обдорской волостям. имеются остяцкие жилища. Куновацкой волости.

Шуришкарра, или Шуришкарской городок, Sauwi-jugan, с правой стороны, в 15 верстах по-остяцки Lar-wasch, по-самоедски Salmor-от предыдущей деревни; шириной в 5 garden, на левом берегу, в 30 верстах отсаженей.

Войкарры. Раньше была остяцкой крепостью Паравацкой мыс, по-остяцки Para-aut, и сейчас еще заселена остяками, выступающий на правой стороне, в 4 верстах относящимися к Обдорской волости. от предыдущей речки.

Паравацкие летние юрты, на левом берегу, напротив предыдущего мыса. Являются летними жилищами остяков, которые зимой живут в Шуришкарре на Малой Оби.

Икарская Обь, по-остяцки Luim-Ass, рукав реки, который отделяется от Большой Оби с

Вандиаские юрты, по-остяцки Wandi-ass-правой стороны, немного ниже Паравацкого pugl, на правой стороне, на острове, в 20 мыса, и ниже вновь соединяется с ней, как об этом последует в соответствующем месте.

Laburd-jugan, по-самоедски Chaliza-ja, с Устье Малой Оби в Большую Обь, на левой стороне, напротив Вандиаских юрт. стороне, в 20 верстах от Паравацкого мыса и в 2-3 верстах от Вандиаских юрт.

От этого места Обь состоит лишь из одного главного рукава, и поэтому далее ее описание последует в неразделенном порядке.

Тушево городище, по-остяцки Tusch-wasch, по-самоедски Munutschei-garden, на левом берегу, немного ниже устья Малой Оби. Раньше было остяцкой крепостью. Слова Tusch и Munutschei в обоих языках означают *бороду*.

Сухая Обь, по-остяцки Sagum-Ass, рукав реки на левой стороне, который почти так же широк, как собственно большой основной рукав, лишь с тем, что он не имеет глубины и особенно осенью очень мелок и несудоходен, откуда и возникло его название. От устья Малой Оби до его верхнего устья 5 верст.

Река Собь, по-остяцки Sob-jugan, по-самоедски Padi-ja, впадает в Сухую Обь с левой стороны, в 15 верстах от ее верхнего устья. Шириной в 30 сажений, а возникает в Печерских горах. На ее левом берегу, немного выше устья, находится Собской городок, по-остяцки Sob-wasch, по-самоедски Padi-garden, где в старые времена была остяцкая крепость и сейчас еще имеются остяцкие жилища Обдорской волости.

Вдоль этой реки раньше проходил очень оживленный путь между Сибирью и Россией, для которого тогда на ее правом берегу, примерно в 5 верстах от устья, была также установлена таможня под названием Собская, или Обдорская, застава.

Горы, из которых берет начало Сось, очень отчетливо видны из этой местности с Оби. Самоеды проделывают путь на оленях за один день. А по воде против течения раньше требовалось 8–9 дней. Река имеет быстрое течение и много мелей, или так называемых шивер, или переборов, так что при низкой воде осенью можно было продвигаться не иначе, как поднимая воду в подобных мелких местах с помощью парусов по образцу шлюзов. В горах от Соби есть небольшой волок через долину примерно в 3–4 версты до реки Усы, которая впадает в Печеру и служила для сообщения при водном путешествии с другой стороны. Остяки и самоеды описывают длину пути по суше таким образом, что, если бы от одной реки до другой были расставлены 6 человек на равном расстоянии друг от друга, они могли бы слышать крики друг друга. Как Сось, так и Уса возникают севернее дороги. Между ними есть озеро, из которого в обе реки впадают маленькие речки.

Соединение Сухой Оби с большим рукавом реки в 5 верстах от реки Соби. Здесь остяки Собского городка имеют свои летние жилища. Хотя обычно считают, что здесь находится настоящее устье р. Соби и что Сухая Обь заканчивается там, где она соединяется с Сосью. Это основано на том, что данный рукав от устья реки Соби, которое я установил возле Собского городка, больше уже не так мелок, каким он является выше р. Соби.

Икарская Обь (о которой выше) вновь соединяется с р. Обью в 10 верстах от Сухой Оби. Река Полуй, по-остяцки Pul-jugan, по-самоедски Lar-ja, с правой стороны, в 20 верстах от Икарской Оби; имеет ширину в 40–50 саженой и имеет исток, видимо, поблизости от р. Казыма.

На северном берегу этой реки, в 9 верстах от устья, находится Обдорской острог, где имеется гарнизон из березовских казаков, чтобы удерживать самоедов от набегов и одновременно принимать ясак с тамошних остяков и самоедов. От Кужевацкого погоста досюда насчитывается 181 верста, а от Березова в общей сложности 291½ верста. Острог был впервые основан в 1731 г. и охватывает пространство на 20 саженой в длину и 15 саженой в ширину, с 4 жилыми помещениями и 6 амбарами. В старые времена на этом месте была остяцкая крепость, которая еще до русского завоевания часто посещалась для торговли зырянами и называлась Обдорским городком. Откуда возникло это название и что оно означает, в этих местах неизвестно. Между тем его перенесли также на тамошних остяков, ибо они и сейчас еще имеют название Обдорская волость. Точно так же название Обдории воплощено и в царском титуле. Остяки называли тамошнюю бывшую крепость Puling-auot-wasch, и точно таким же именем называют они нынешний острог. Самоеды говорят Salja-garden. Слова Auot и Salja в обоих языках равнозначны и означают *возвышенный мыс*, подобный тому, что здесь, на северной стороне р. Полуй, выступает в Обь. Ну а поскольку такие мысы называются по-русски словом *нос*, то поэтому данный пункт издавна имеет прозвище Носовой. Кроме того, этот мыс там, где он выдается в Обь, называется по-остяцки Lonch-Auot, а по-самоедски Chaibido-Salja по той причине, что раньше здесь стояли остяцкие идолы, ибо как в остяцком языке Lonch, так и в самоедском языке Chaі означают идола. В русском языке название переводится обычно как Шайтанской мыс. Из речек, впадающих в Полуй, узнал лишь о двух, а именно.

Рч. Шайтанка, по-остяцки Wogitlja-jugan, по-самоедски Perentsch-ja, с северной стороны, немного ниже острога. На этой речке раньше также должен был стоять идол, на что указывает остяцкое название Wogitlja.

Рч. Пашерская, по-остяцки Ieming-jugan, с той же стороны, приблизительно в 8 верстах выше острога. В известном месте на этой речке вода считается святой и остяки ее не пьют, однако выше и ниже данного места они по этому поводу не беспокоятся. Это является также причиной остяцкого названия, которое означает то же, что и святая.

Еще на реке Полуй имеется Полуйской городок, по-остяцки Pul-wasch, по-самоедски Lag-garden, на южном берегу, примерно в 20 верстах от последней указанной речки. Здесь находятся остяцкие зимние жилища Обдорской волости.

Вылпасинская протока, по-остяцки Wyl-passil, то есть Большая протока, на левой стороне; верхнее устье в 5 верстах от устья р. Полуй, а нижнее – в 30 верстах ниже. На этой протоке на левом берегу, в паре верст выше нижнего устья, находятся остяцкие зимние жилища, называемые по-русски Вылпасинскими зимними юртами. От Обдорского острога досюда насчитывают по прямой зимней дороге 35 верст.

Обь Захребетная, по-остяцки Keu-ass, то есть Каменная Обь, на левой стороне; верхнее устье в 12 верстах от того места, где Вылпасинская протока вновь соединяется с Обью.

Воксарской городок, по-остяцки Woksarit-wasch, по-самоедски Pandu-garden, на правом берегу р. Оби, в 20 верстах от верхнего устья Захребетной Оби и в общей сложности в 79 верстах от Обдорска. Прежде это была крепость, которая и сейчас заселена остяками. Woksar означает по-остяцки *лиса*.

Река Воксарка, по-остяцки Woksarit-jach-jugan, по-самоедски Pandu-ja, с правой стороны, в 4 верстах от предыдущего пункта; шириной в 30–40 сажений.

Siw-ja, впадает в Захребетную Обь с левой стороны на широте предыдущей реки; шириной в 10 сажений.

Ворвашские юрты, по-остяцки Wog-wasch, по-самоедски Netschi-garden, на правом берегу, в 17 верстах от Воксарского городка. Как показывают остяцкое и самоедское названия, здесь также раньше была крепость. Сейчас здесь имеется лишь одна остяцкая хижина.

Обь Захребетная, нижнее устье на левой стороне, в 20 верстах от Ворвашских юрт.

Река Щучья, по-остяцки Cholass-jugan, по-самоедски Pugi-ja, с левой стороны, в 5 верстах от нижнего устья Захребетной Оби. Так же велика, как Собь, и точно так же возникает в Печерских горах. Название на всех языках означает то же, что и Щучья река.

Сухая Обь, по-остяцки Saγum-Ass, по-самоедски Toγai-ja, на левой стороне, в 5 верстах от предыдущей реки. Течет 100 и больше верст и наконец впадает в Обскую морскую губу. От Сухой Оби еще 10 верст до места впадения реки Оби в эту вышеуказанную морскую губу. На устье находится остров, где имеются самоедские летние жилища. Перед ним в начале губы есть другой большой остров, на котором стоят 7 лиственниц; отсюда место называется У семи дерев.

Остяки называют морскую губу Saras, или Tscharas, или Emder, хотя последнее слово у некоторых остяков, например у лумпокольских по р. Ваху в Сургутском уезде, означает также *большое озеро на материке*. Самоеды не имеют для того другого названия, кроме того, которым они именуют вообще воду и реку Обь, а именно jam. Там, где начинается соленая вода, они говорят Artin-ja, то есть горькая или вонючая вода.

Район морской губы в последние годы благодаря различным экспедициям стал обстоятельно известным, и поэтому я могу сослаться на подготовленные ими карты, однако пока еще не известно, что из содержащегося там может быть сообщено. Осталось еще лишь несколько рек, речек и пунктов вдоль восточного побережья морской губы, о которых я получил больше сведений, чем показано в этих картах.

Poschi-jugan, по-самоедски Wanui-jota-ja, в 32 верстах от устья реки Оби. Возникает в нескольких верстах из так называемых Семи озер, которые расположены поблизости друг от друга и соединены между собой маленькой речкой. Самое большое из этих озер имеет длину в 3 версты и примерно наполовину меньшую ширину.

Семиозерные магазейны, в 17 верстах от предыдущей речки. Являются провиантскими магазинами, основанными для предыдущей экспедиции.

Семиозерная речка, по-остяцки Totschu-jugan, по-самоедски To-so, то есть Озерное устье, в 5 верстах от предыдущих магазинов. Возникает из вышеупомянутых Семи озер, самые ближние из которых здесь удалены от побережья едва ли на 2 версты.

Рч. Медвежья, по-остяцки Iem-woi-jugan, по-самоедски Work-ja, в 14 верстах от предыдущей речки; шириной в 5 сажений. Остяки из почтения называют медведя Iem-woi, то есть святой зверь.

Ieming-jugan, по-самоедски Chaibido-ja, в 60 верстах от предыдущей; шириной в 30 сажений. Здесь стоял остяцкий идол.

Река Надым, по-остяцки Nading-jugan, по-самоедски Njading-ja, в 12 верстах от предыдущей и в 90 верстах от Семиозерных магазейнов. Шириной в 150–200 сажений и, по словам самоедов, должна возникать по соседству с впадающими в Обь реками Казым и Полуй. Она, собственно, имеет два устья, находящихся в паре верст друг от друга. В 25 верстах от устья на западной стороне реки, на протоке Wasch-ass, раньше были остяцкие жилища Обдорской волости, состоявшие из двух больших юрт, построенных из дерева и засыпанных землей, каждая из которых была длиной в 8 сажений и шириной в 6 сажений. В каждой юрте жило по 20 семей остяков. Из-за угрозы нападений самоедов они укрепили пункт острогом из палисада, отчего он был назван Nading-wasch. Однако весной 1730 г. эти остяки перенесли большой голод, от которого здесь большинство вместе с женщинами и детьми умерло, и осталось лишь примерно 10 человек, которые со временем, когда это позволили их силы, бежали в Обдорск. С того времени острог вместе с юртами разрушился.

Ledenzeto-ja, в 20–30 верстах от устья р. Надыма.

Toiennau-ja, в 10 верстах от предыдущей. Обе являются лишь маленькими речками.

Гусиный нос, в 2 верстах от предыдущей речки. Здесь находились провиантские магазины для морской экспедиции.

Река Нгыд, по-самоедски Ngyde-ja, в 15 верстах от Гусиного носа. Шириной в 100 сажений, а возникать она должна в одном месте с впадающей в Пур рекой Iesitta, так как между ними описывается лишь небольшой волок, посредством которого можно с лодкой перебраться с одной реки на другую.

О впадающих еще дальше в эту же морскую губу реках Пур и Таз следует смотреть описание северных местностей Мангазейского уезда.

РГАДА Ф. 199. Портф. 517, ч. 2. Д. 7.

Путешествие от Березова вверх по рекам Оби и Иртышу до Тобольска. 1740 г.

Поскольку от Березова до Иртыша проделал именно тот путь, который уже описал во время путешествия от Сургута до Березова, то до того места хочу последовательно отметить лишь главные пункты, которые я миновал каждый день с указанием одновременно расстояний между ними.

1740 г.	версты
1 августа с наступлением ночи отправились из Березова вверх по Сосьве, придерживаясь ее северо-западного берега.	
2 августа сразу после обеда прибыли к месту впадения протоки Пырсым в р. Сосьву и завернули в нее.	18
3 августа в 1 час пополудни по прохождении протоки Пырсым достигли Малой Оби и пошли вверх по течению вдоль западного берега, который, как и противоположный восточный берег, почти везде зарос высоким ивовым кустарником, от чего сильно затруднена езда при подтягивании судна вверх.	30
4 августа в 9 часов утра миновали протоку Исяпал. Весь день имели встречный ветер и из-за его силы ночью стояли на месте.	17

5 августа сразу после обеда миновали протоку Лакпал. И в этот день постоянно имели сильный встречный ветер, который замедлял езду.	18	
6 августа при еще сохранявшемся сильном встречном ветре с наступлением ночи миновали остяцкую деревню Нарикара.	23	
7 августа до обеда имели тихую погоду, а после обеда несколько часов плыли при слабом ветре под парусом, после чего вечером показалась Большая Обь. Между тем из-за постоянно плохого берега и многочисленных здесь выступающих отмелей вынуждены были провести еще ночь, пока не смогли достичь ее окончательно.		
8 августа в 6 часов утра перевалили от западного берега р. Оби к восточному и вскоре после этого миновали Кылтисанские юрты. Восточный берег имеет в том преимущество перед западным, что он при спавшей воде предоставляет рабочим, которые тянут суда против течения, удобную дорогу. Поэтому его обычно постоянно придерживаются до Иртыша.	33	
9 августа в 6 часов утра прибыли в Шоркару и стояли до обеда из-за некоторых известий, которые нужно было собрать. Вечером пришел благоприятный ветер, который, однако, ночью и на следующее утро неоднократно менялся, так что только иногда могли использовать парус.	24	
10 августа в обед достигли Кодцкого монастыря и задержались здесь на несколько часов.	43	
11 августа в обед миновали остяцкую зимнюю деревню Большой Атлым.	42	
12 августа с восходом солнца прибыли в Малой Атлым и после часовой остановки продолжили путешествие.	18	
13 августа. Еще в канун дня миновали остяцкую деревню Каримкара. После захода солнца были напротив деревни Кевашкиной.	29; 29 ^{1/2}	
14 августа с наступлением ночи находились на широте села Сухоруковского.	37	
15 августа в 3 часа после обеда миновали русскую деревню Олтурминскую, или Елизарову.	20	
16 августа в 5 часов утра получили благоприятный ветер, при котором в 10 часов в первой половине дня под парусом прошли Белогорский, или Троицкий, погост. Затем в 2 часа после обеда вошли из р. Оби в так называемую Березовскую протоку реки Иртыша и по ней с наступлением ночи прибыли в Самаровской ям.	38 ^{1/2} ; 23	16;
В общей сложности от Березова до Самаровского яма 459 верст.		

Прежде чем я оставлю Обь и перейду к моему обычному описанию Иртыша вверх по течению, я хочу добавить несколько замечаний, касающихся их различных названий. Откуда возникло русское название Обь, об этом не встречается никаких следов ни среди русских, ни у живущих по Оби остяков и остальных народов. Если некоторые верят, что она потому так была названа, что образуется от слияния обеих рек – Бии и Катуня, то это опровергается само собой. Потому что прежде всего подобное словопроизводство противоречит смыслу русского языка, а затем также название Обь было известно лет 50 или больше, прежде чем русская сторона стала обладать малейшими знаниями о Бии и Катуня. Я предполагаю, что истоки названия следует искать у зырян на Вычегде, Выми и Печере. Ибо поскольку Обь первоначально стала известна русским через этот народ, то, вероятно, и ее название было взято от них. Это мое предположение еще больше подкрепляется тем, что многие места на Оби еще сейчас носят старые зырянские названия, как об этом представлено много примеров в описании путешествия от Сургута до Березова и в приложенных к нему описаниях р. Сосьвы и низовьев р. Оби.

Татары как на Иртыше, так и в Томском и Кузнецком уездах называют реку Умаг, каковое наименование используют и калмыки. Остяки в Томском и Нарымском уездах, которые живут на Оби, говорят Iju. Однако те, что живут на притоках, как в особенности на Кети и Тyme в Нарымском уезде, выговаривают название Choltu или Cholt. Один чулымский остяк сказал мне, что они уважительно называют реку Eme или Ima, то есть Мать. Но когда я спросил об этом некоторых [других], то получил в ответ, что у них точно так же употребительно название Iju. Между тем с этим согласуется то, что инбачские остяки на реке Енисее, как об этом сказано в описании путешествия от Енисейска до Мангазеи, Обь называют Ime. Вероятно, названия Iju и Ime имеют одинаковое значение и также являются почетным титулом. Равно как и название Cholt, кажется, не является подлинным названием, поскольку я слышал в Мангазее от остяков, живущих вверх по р. Турухану и в районе Карасинского зимовья, что они называют Енисей точно таким же именем. Язык этих остяков согласуется с языком нарымских остяков и остяков, живущих в Тымской волости в верховьях р. Ваха, ибо с последними они даже в старое время вместе жили на реке Вахе и относились к Сургутскому уезду, но оттуда постепенно переселились в Мангазейский уезд. Следовательно, так как раньше они главную реку своей прежней родины, а именно Обь, называли Cholt, то после смены места жительства главную реку новой местности, а именно Енисей, они подобным образом назвали таким же именем. Остяки в районе Сургута и далее вниз по Оби до ее устья, как и на реке Иртыше, а также васюганские остяки Нарымского уезда, которые все без исключения схожи между собой в основе языка, Обь называют As, о чем некоторые дали мне такое толкование, что это означает то же самое, что и остяцкое Es, то есть *мать*. Таким образом, это имя точно так же является не настоящим названием, а скорее почетным титулом, поскольку они обязаны этой реке своей жизнью и материальным обеспечением. Именно это название As принято также у вогулов на впадающих в Обь реках. О самоедах Березовского уезда можно совершенно определенно сказать, что они для Оби не имеют никакого настоящего названия. Они называют ее Arka-jam, то есть большая река. При этом, однако, имеется различие в том, что слово jam в приложении к маленьким рекам выговаривается как ja и лишь Обь и Енисей называются ими с добавлением jam.

Название Иртыш является татарским, и в русском языке оно могло быть принятым тем легче, что первоначально знания о реке были получены через татар. Калмыки называют ее таким же образом, поскольку они тоже являются чужаками в этих местностях и точно так же взяли название от татар. Остяки имеют особое название. Они говорят Sangal, или Langal, или L'sangal с таким шипящим произношением, что первые L и S едва можно различить и на слух воображается то одна, то другая. Вогулы называют ее Schar. Приблизительно в 12 верстах от устья Иртыш разделяется на два рукава. Правый из них, или восточный, является большим и вплоть до своего устья носит название Иртыш, по-вогульски Sangal. Левый же, или западный, рукав называется по-русски Березовской протокой, поскольку езда в Березов и из него осуществляется обычно через него, а остяки называют его Chauseb или Nokseb, что является лишь одним названием в [двух вариантах], что нередко образуется при произношении. Между обоими устьями вдоль реки Оби насчитывается 6 верст. На каждом из них расположено по остяцкой деревне, а именно:

Ушаевы юрты, по-остяцки Sangaltang-pugl, на большом устье р. Иртыша, на правом берегу, состоит из 2 юрт Белогорской волости и Миткины юрты, по-остяцки Chausebang-pugl, на устье Березовской протоки, на левом берегу, где имеется 7 юрт той же волости. На большом устье р. Иртыша раньше была также русская ямщицкая деревня Оноховская, которая, однако, уже несколько лет больше не заселена.

Несмотря на то что Березовская протока имеет ширину едва равную 100 сажням, ее течение не такое извилистое, как у других подобных узких протоков. Когда я проходил ее при благоприятном северо-западном ветре, лишь один раз на расстоянии в полверсты потребовалось убрать парус. Ее берега, как и берега собственно Иртыша в этих низовьях,

низкие и поросшие ивовым кустарником. На большом рукаве реки Иртыша, примерно в 2 верстах ниже того места, где от него отделяется Березовская протока, с правой, или восточной, стороны находится устье Неулевой протоки, текущей из Оби, которая уже описана мной во время путешествия из Сургута в Березов.

Другая протока, называемая по-русски Быстрой, а по-остяцки Mon-jeng-passil, впадает из Неулевой протоки в Иртыш в 2 верстах выше Березовской протоки. Она очень узкая и судоходна только при высокой воде, когда по ней и осуществляется обычно езда из Иртыша в Неулеву и реку Обь. Немного выше этой маленькой протоки на правом берегу обращают на себя внимание значительные горы, которые связаны с возвышенной местностью, которую я неоднократно отмечал вверх по реке Оби в Сургутском и Нарымском уездах. Однако на расстоянии приблизительно 3 верст [отсюда] возле нижеследующей ямщицкой слободы они вновь отступают от Иртыша к востоку. Эти горы с давних пор называются по-русски Самаровыми горами, поскольку на них остяцкий князец по имени Самар, который жил во времена русского завоевания Сибири, имел свою резиденцию в маленьком укреплении. От упомянутого старого остяцкого укрепления еще очень отчетливо видны следы. Оно расположено в 1 версте выше указанной маленькой протоки Быстрой, недалеко от берега реки Иртыша, на самом вершине горы, высота которой, пожалуй, равна 30-40 сажням и которая очень крута со всех сторон, так что попасть сюда можно не иначе, как с величайшими усилиями. Кроме того, эта вершина горы еще несколько подсыпана с тем, чтобы создать для пункта плоскую круглую площадку, размеры которой, однако, не превышают 10 сажней в поперечнике, и, следовательно, она могла служить при вражеских нападениях для безопасности лишь местной знати. И действительно, здесь видны следы лишь двух бывших здесь остяцких жилищ, состоящие из ям, которые служат свидетельством того, что здесь стояли хижины, которые и сейчас употребительны у остяков, а именно когда над ямой глубиной в половину человеческого роста четырехугольником, несколько наклонно устанавливаются толстые доски, сверху перекрываются снова досками и засыпаются землей. Остяки и сейчас еще называют это место в память о бывшем владельце Samar-wasch.

Самаровской ям, ямщицкая слобода на восточном берегу, у подножья Самаровых гор, от которых она и получила название, в 2 верстах от указанной старой остяцкой крепости и в 17 верстах от большого устья реки Иртыша. Здесь имеется, в первую очередь, двухэтажная церковь, верхний этаж которой предназначен для служб летом, а нижний – зимой. Первый из них имеет главный алтарь Покрова Богородицы с приделом Св. Николая, а второй с алтарем, посвященным празднику Знамения Богородицы. Помимо этой церкви имеется еще и часовня. Число домов составляет 111 дворов, из которых 93 двора ямщицких. Ко времени сибирского губернатора князя Гагарина этот пункт имел вид почти города. По примеру других сибирских городов к нему был присоединен уезд как из русских сел и деревень, так и из остяцких волостей, и тогда стояла расположенная вверх по Иртышу ямщицкая слобода Демьянск со своим дистриктом под началом Самарова, как и все остяки по Иртышу и Оби до уездов Сургута и Березова платили сюда свой ясак. А возглавлял все это воевода, или, по тогдашнему канцелярскому стилю, комендант, имевший здесь свою резиденцию. Затем порядок был изменен снова таким образом, что Самаровский уезд со всеми своими частями был принят обратно в уезд Тобольска. И сейчас сюда назначен управитель из Тобольска, которому все же вверена и ямщицкая слобода Демьянск, в которой он в зимнее время большей частью и живет. Однако летом его местопребывание в Самарове главным образом потому, что здесь имеется пристань для судов, направляющихся как из Тобольска в низовья и верховья реки Оби, так и оттуда в Тобольск, ради которых здесь под присмотром управителя назначена и таможня, куда ежегодно от Тобольской таможни назначается целовальник, которому приданы два солдата Тобольского гарнизона. Хотя остяцкие волости в тех случаях, когда между ними возникают незначительные тяжбы, также подчинены этому управителю, ясак с них собирается особыми, посланными из Тобольска комиссарами, или так называемыми

ясачиками, которых ежегодно отправляют двумя партиями. Одна из них имеет в своем ведении Иртыш и Назымскую волость на Оби и реке Назым, а другая – Обь от Белогорской волости вниз по течению до Березовского уезда.

Ямщики имеют начальниками, как и в других местах, выборного и старосту из своей среды. Те, что живут в окрестных деревнях, образуют совместную корпорацию с ямщиками в слободе. Все вместе состоят, согласно переписи 1730 г., из 141 двора, в которых тогда находилась 401 душа мужского пола всех возрастов. В старину, когда ямщики, вместо нынешних прогонных денег, получали ежегодное содержание, эта слобода была рассчитана на 50 вытей, или паев, каждый из которых был поделен на 4 четверти. Каждая четверть, когда поездка выпадала ей, должна была обеспечить одну подводу. За это каждая выть получала 20 рублей годового содержания, а поскольку в других местах ямщики имеют свободное хлебопашество без уплаты налогов, здесь же неудобная местность и холодный климат не позволяют никакого хлебопашества, то каждой выти ежегодно выдавался провиант из казны – 10 четвертей ржи и 10 четвертей овса. При этом было установлено, что из этих ямщиков, в соответствии с тем, большая семья или маленькая, много имеет лошадей или мало, одни обеспечивали гоньбу подвод по целой выти, другие по половине, большинство по четверти, некоторые же лишь по одной восьмой выти и за это они в пропорции получали и такую же долю из ежегодного содержания в деньгах и провианте. Хотя сейчас они все еще обычно рассчитываются на выти, но лишь для того, чтобы знать между собой, чья очередь гнать подводу. После отмены ежегодного содержания они получают обычные прогонные деньги, которые здесь, как и в других местах, составляют 2 копейки за 10 верст. Таким образом, они приведены в то же состояние, что и другие ямщики, имеющие хлебопашество, но без получения вознаграждения за его недостаток. Выгода для них в том, что тракта летом здесь совсем нет, а зимой он используется очень мало. Разве что иногда они дают рабочих на суда, отправленные по казенным надобностям, за обычные прогонные деньги.

Мое пребывание в Самарове было с 16 по 22 августа. В обед этого дня путешествие было продолжено.

Казенная протока, ее нижнее устье в р. Иртыш, на восточной стороне, немного выше Самарова; возникает выше из протоки Тимошкиной, о чем ниже.

Быстрая протока, по-остяцки Oung-passil, на восточной стороне, между Иртышом и Казенной протокой. Впадает двумя устьями в р. Иртыш: нижнее в 2 верстах от Самарова, верхнее в 1 версте выше.

Байбалакова протока, по-остяцки Kelma-passil, на западной стороне, напротив верхнего устья предыдущей протоки. Отделяется здесь от Иртыша и на широте Троицкого погоста на Оби впадает в Ендерскую протоку, упоминание о которой имеется в описании путешествия в Березов.

Кривая протока, по-остяцки Iewura-passil, на восточной стороне, в 1 версте от Быстрой. Впадает из Иртыша в вышеуказанную Казенную протоку.

Чубкова протока, по-остяцки Mailangal-passil, на западной стороне, ее нижнее устье в 2 верстах от предыдущей протоки.

Ночью с 22 на 23 августа.

Запесошная протока, на восточной стороне, в 3 верстах от Чубковой; течет из Иртыша в Казенную протоку.

Тимошкина протока, по-остяцки Oung-passil, на восточной стороне, ее нижнее устье в 10 верстах от предыдущей. На этой протоке имеется дер. Милованова, на восточном ее берегу, в 3 верстах от устья и в 20 верстах от Самарова. Состоит из одного ямщицкого двора.

Казенная протока, берет свое начало из Тимошкиной протоки приблизительно в 10 верстах от устья, а впадает вышеуказанным образом возле Самарова в Иртыш.

23 августа.

Кривая протока, по-остяцки Lal-wellem-passil, на западной стороне; ее нижнее устье в 10 верстах от Тимошкиной.

Дер. Фролова, на западном берегу, на острове, который образован Кривой протокой и Иртышом, в 40 верстах от Самарова. Состоит из одного ямщицкого двора.

Медвежья протока, по-остяцки Ig-loch-passil, на западной стороне; ее нижнее устье напротив предыдущей деревни.

Кривая протока (о которой выше), верхнее устье в 4 верстах от дер. Фроловой.

Чубкова протока (о которой выше), верхнее устье на западной стороне, в 5 верстах от предыдущей.

Дер. Базьянова, на восточной стороне, на острове, образованном Медвежьей протокой и Иртышом, немного выше Чубковой и в 50 верстах от Самарова. Имеет 2 ямщицких двора, при которых находятся также 7 остяцких юрт Назымской волости, называемые Sangang-pugl.

Ночью с 23 на 24 августа.

Ерлина протока, по-остяцки Ier-passil, также и Sogom-passil, на западной стороне, ее нижнее устье в 2 верстах от Базьяновой. В эту протоку впадает [речка] Sogom-jaga, с западной стороны, в нескольких верстах от устья; возникает на расстоянии 4-5 дней пути по соседству с двумя речками, Londsjem- и Pilt-a-jaga, которые впадают в речку Кам, а Кам впадает в реку Конду (о которой ниже). На этой речке также живут остяки.

Медвежья протока (о которой выше), на восточной стороне, ее верхнее устье в 2 верстах от Ерлиной.

24 августа.

Wogorai-passil, на западной стороне, в 15 верстах от Медвежьей протоки. Течет из Иртыша в озеро, или сор, а из него в вышеуказанную Ерлину протоку.

Тулины юрты, по-остяцки Tschodschong-pugl, на западном берегу, в 2 верстах от [протоки] Wogorai-passil. Имеет настоящих 4 юрты Тарханской волости, возле которых сейчас, в летнее время, находится до 10 хижин из бересты, в которых пребывают для рыбной ловли остяки других деревень вверх по Иртышу. Говорят, что остяки Тарханской волости изначально происходят от татар и знатнейшие из них жили недалеко от Тобольска, где один из них был тарханом. Когда же произошла их миграция в эти низовые местности и по какой причине – этого у них в предании не сохранилось.

Дер. Тулина, на западном берегу, в $\frac{1}{2}$ версты от предыдущей и в 20 верстах от Базьяновой. Имеет 2 ямщицких двора.

Репеловская протока, по-остяцки Tschosch-passil, на восточной стороне, нижнее устье напротив предыдущей деревни.

Ерлина протока (о которой выше), верхнее устье на западной стороне, в 6 верстах от дер. Тулиной.

Река Конда, по-остяцки Chondang, впадает с западной стороны, в 6 верстах от Ерлиной протоки. Имеет у устья ширину в одну версту; эту ширину остяки называют Chondang-lor, то есть разлив Конды, поскольку это не является истинной шириной реки, так как ее ширина выше составляет лишь примерно 200 саженьей. А на устье низменное положение берега является причиной того, что и при спавшей воде местность может быть затоплена так далеко. Об этой реке ниже должно последовать особое описание. Возле устья по обоим берегам Иртыша летом живут остяки, которые имеют настоящие зимние жилища частью вверх по Иртышу, частью на Конде.

Ночью с 24 на 25 августа.

Реполовская протока (о которой выше), ее верхнее устье на восточной стороне, в 10 верстах от устья р. Конды.

Реполовские юрты, по-остяцки Repoling-pugl, на восточном берегу, на устье предыдущей протоки, в 12–15 верстах от дер. Тулиной по прямой зимней дороге. Имеет 6 юрт Нарымской волости, которая, вероятно, как и остяки, относящиеся к Нарыму, получила название от болотистой местности (по-остяцки Norim). Сами они называют себя Tschibr-jach.

25 августа.

Рч. Бобровка, по-остяцки Kenim-jaga, с восточной стороны, в 6 верстах от Реполовских юрт; возникает на расстоянии 2 дней пути.

Реполовской погост, на западном берегу, в 2 верстах от предыдущей речки и в 30 верстах от дер. Тулиной, а от Самарова, по общим свидетельствам, в 100 верстах. Имеет построенную для остяков церковь Воздвижения креста Господня и, помимо жилищ церковных служителей, 5 ямщицких дворов, которые являются последними из относящихся к Самаровскому яму.

Старой Иртыш, рукав реки на западной стороне, по которому ездили в старину, однако сейчас он заилился. Нижнее его устье немного выше предыдущей деревни с церковью.

Протока на западной стороне, в 4 верстах от Реполовского погоста; течет из Иртыша в вышеуказанный старый рукав реки. Здесь из-за сильного встречного ветра стояли 24 часа.

26 августа.

Старой Иртыш, его верхнее устье на западной стороне, в 8 верстах от Реполовского погоста.

Варовая протока, по-остяцки Waring-passil, исток из озера, или сора, впадает с восточной стороны, наискосок напротив указанного верхнего устья старого рукава р. Иртыша. Остяки словом wag называют то, что по-русски при рыбной ловле называется словом *запор*, и это слово принято также у русских на Иртыше и Оби. Они говорят, например, «вары запирают».

Погонинские юрты, на западном берегу, в 1 версте от Старого Иртыша. Заселены лишь весной ради вышеупомянутой Варовой протоки, когда остяки нижеследующей деревни Колбовской приходят туда и имеют свою первую рыбную ловлю.

Погонинская заостровка, по-остяцки Lamtse-passil, на восточной стороне; нижнее устье в 1 версте от Варовой протоки. При высокой весенней воде судоходна. Ее верхнее устье в 6 верстах от нижнего.

Заводная протока, по-остяцки Sorom-wuie-passil, на западной стороне; ее нижнее устье напротив предыдущего верхнего устья Погонинской заостровки. Верхнее устье в 6 верстах от нижнего.

Маленькая протока на западной стороне, недалеко от предыдущей; течет из Иртыша в Конду, однако такая маленькая, что проехать по ней можно лишь при высокой весенней воде. Вдоль нее на лодке один день пути. Она делает многочисленные повороты, и ее устье в Конду находится лишь примерно в 6 или 8 верстах от этого иртышского устья. От Иртыша до Конды в этой местности в зимнее время напрямую по суше обычно едва $\frac{1}{2}$ дня пути.

Заводные юрты, по-остяцки Wodschem-pan-passil, на правом берегу, в 1 версте от предыдущей протоки и в 20 верстах от Реполовского погоста. Является летней деревней, состоящей из 14 юрт Тарханской волости. Зимние жилища последуют вскоре ниже.

Ночью с 26 на 27 августа.

Остров на западной стороне, в 2 верстах от предыдущей деревни, длиной примерно лишь в 1 версту. Раньше настоящее русло было с западной стороны острова. Отсюда этот рукав, который заилился, называется Старым Иртышом.

Маленькая протока на западной стороне, впадает в упомянутый только что старый рукав реки после того, как она берет начало из Иртыша выше нижеследующей деревни Батовой.

Колпуховские юрты, по-остяцки Kul-pugl, на восточном берегу, в 7 верстах от Заводных юрт. Является относящейся к последним зимней деревней и состоит точно так же из 14 юрт.

Гришкина протока, по-остяцки Peg-mogot, на восточной стороне; нижнее устье в 8 верстах от Колпуховских юрт.

27 августа.

Дер. Батова, на западном берегу, в 3 верстах от предыдущей протоки и в 38 верстах от Реполовского погоста. Имеет 2 ямщицких двора, относящихся к дистрикту Демьянского яма, который ими и начинается.

Верхнее устье маленькой протоки, впадающей в старый рукав Иртыша выше Заводных юрт; на западной стороне, в 1–1½ верстах от дер. Батовой.

Саргацкие юрты, по-остяцки Sargat-pugl, на западном берегу, в 8 верстах от Батовой. Зимние юрты находятся в 1 версте выше этих летних жилищ. Состоит из 8 юрт Тарханской волости.

Гришкина протока, ее верхнее устье на восточной стороне, немного ниже следующей деревни.

Сотниковы юрты, по-остяцки Kutleb-pugl, на восточном берегу, в 8 верстах от Саргацких юрт. Имеет 12 юрт Тарханской и Нарымской волостей.

Ночью с 27 на 28 августа.

Tschurem-jaga, с восточной стороны, в 5 верстах от предыдущей деревни; возникает на расстоянии ½ дня пути.

Семейкины юрты, по-остяцки Iudschang-pugl, на западном берегу, в 7 верстах от предыдущей речки и в 12 верстах от Сотниковых юрт. Имеет 5 юрт Нарымской волости.

28 августа.

Старой Иртыш, на западной стороне, в 10 верстах от Семейкиной. Раньше был рукавом реки, имевшим верхнее устье в 5 верстах выше, которое сейчас, однако, не только полностью заилилось, но и уже стало твердым берегом и заросло ивовым кустарником. Он имеет связь с различными большими озерами, из которых через него есть сток в Иртыш.

Цингальские юрты, по-остяцки Zingal-pugl, на западном берегу, в 2 верстах от устья указанного старого рукава р. Иртыша и в 12 верстах от Семейкиной. Зимние жилища в 1 версте выше этих летних. Имеет 10 юрт Тарханской и Нарымской волостей, с которых здесь обычно принимается ясак.

Рч. Черная, по-остяцки Logong-passil, впадает с западной стороны, посередине между летними и зимними жилищами предыдущей деревни. Возникает из тех же самых больших озер, которые указаны перед этим при старом рукаве р. Иртыша.

Немного выше Цингальских юрт на западном берегу имеется высокая гора, вокруг которой в старое время протекал вышеуказанный старый рукав р. Иртыша.

Цингальское Старое городище, бывшая прежде остяцкая крепость на вершине предыдущей горы. От нее еще видны следы.

Дер. Пузина, на восточном берегу, в 15 верстах от Цингальских юрт и в 55 верстах от Батовой. Имеет один ямщицкий двор.

Рч. Талагайка, по-остяцки Talai-jaga, с восточной стороны, в 3 верстах от предыдущей деревни; возникает на расстоянии 1 дня пути.

Ночью с 28 на 29 августа.

Остров посередине реки, в 2 верстах от предыдущей речки, длиной в 2 версты.

Marj-jaga, с западной стороны, напротив верхнего конца предыдущего острова; возникает на расстоянии ½ дня пути.

Филинской погост, на восточном берегу, в 3 верстах от верхнего конца предыдущего острова и в 10 верстах от дер. Пузиной. Имеет построенную для остяков церковь Вознесения Господня и 14 ямщицких дворов.

Рч. Калкарка, по-остяцки Kalkar-jaga, с восточной стороны, в 1 версте от предыдущей деревни с церковью; возникает на расстоянии 2 дней пути.

Филинские юрты, по-остяцки Kalkar-pugl, на западном берегу, напротив предыдущей речки. Имеет 11 домов и юрт Тарханской волости.

Протока на восточной стороне; ее нижнее устье в 3 верстах от речки Калкарки.

29 августа.

Рч. Бардаякова, по-остяцки Porto-jaga, с западной стороны, в 5 верстах от Филинских юрт; возникает на расстоянии 2 дней пути. На истоке живут кондинские остяки Балчарской волости.

Рч. Бобровка, по-остяцки Woieng-jaga, впадает с восточной стороны в вышеуказанную протоку недалеко от ее верхнего устья.

Верхнее устье предыдущей протоки на восточной стороне, в 4 верстах от нижнего устья. Эта протока при высокой воде судоходна и имеет прямое течение, тогда как Иртыш здесь образует излучину.

Денщикovy юрты, по-остяцки Taltom-pugl, на восточном берегу, немного выше предыдущей протоки. Имеет 7 юрт Нарымской волости.

Taltom-jaga, с восточной стороны, рядом с предыдущей деревней. Возникает на расстоянии 3–4 дней пути и недалеко от устья принимает в себя с южной стороны еще одну речку Ieur-jaga, до истока которой 2 дня пути.

Дер. Денщикова, на обоих берегах р. Иртыша, а именно: 3 двора у предыдущих остяцких юрт на речке Taltom-jaga и 6 дворов напротив, на западной стороне. Из них 3 двора на западной стороне относятся к Демьянску, а остальные 6 дворов – тобольских ямщиков. От Филинского погоста досюда вдоль Иртыша по одним показаниям 10 верст, по другим 14, из чего можно взять среднюю величину, а именно 12 верст. А вдоль предыдущей протоки насчитывается 8 верст.

Протока на западной стороне; ее нижнее устье немного выше предыдущей деревни.

Ячинские юрты, по-остяцки Iatscha-pugl, на восточном берегу, в 5 верстах от дер. Денщиковой. Имеет 10 юрт Нарымской волости.

Верхнее устье предыдущей протоки, на западной стороне, немного выше предыдущей деревни.

Schun-jaga, впадает с западной стороны в верхнее устье предыдущей протоки; возникает поблизости.

Кривая протока, по-остяцки Mogol-passil, на западной стороне; ее нижнее устье в 2 верстах от Ячинских юрт.

Дер. Шпагина, на западном берегу, на острове, образованном предыдущей протокой и р. Иртышом, в 1 версте от нижнего устья протоки и в 8 верстах от Денщиковой. Состоит из одного ямщицкого двора.

Ночью с 29 на 30 августа.

Ieur-jaga, Iuse-jaga, Ruchte-jaga совсем маленькие речки, которые впадают в вышеуказанную Кривую протоку с западной стороны, а истоки имеют на расстоянии лишь нескольких верст из болота. Подлинные расстояния между ними я не могу определить, а из описаний остяков могу лишь сказать, что первая из них впадает в нескольких верстах выше предыдущей деревни Шпагиной, вторая приблизительно напротив следующей русской деревни Суботтиной, а третья – на широте нижеследующей остяцкой деревни Суботтины юрты.

Дер. Суботтина, на восточном берегу, в 10 верстах от Шпагиной и в 30 верстах от Филинского погоста. Имеет 9 ямщицких дворов, из которых 8 относятся к Демьянску, а один – к Тобольску.

30 августа.

Суботтины юрты, по-остяцки Njaschteban-pugl, на западном берегу, в 8 верстах от предыдущей деревни и в 9 верстах от Ячинских юрт по прямой дороге. Имеет 2 зимние и 3 летние юрты Нарымской волости.

Кривая протока, ее верхнее устье на западной стороне, в 2 верстах от предыдущей деревни.

Дер. Тугалова, или Власова, на западном берегу, в 10 верстах от предыдущей протоки и в 20 верстах от дер. Суботиной. Имеет 20 ямщицких дворов, 5 из которых, однако, не заселены.

Старой Иртыш, на западной стороне, в 5 верстах от предыдущей деревни. Является старым рукавом реки, верхнее устье которого, удаленное от нижнего приблизительно лишь на 100 сажень, совсем заилилось и прирастилось к твердому берегу. Еще примерно 15 лет назад Иртыш имел по этому рукаву значительное течение и образовывал здесь излучину к западу окружностью примерно в 10 верст, пока он снова не подходил к этому месту, где был узкий перешеек. Этот перешеек вначале был прорезан узкой протокой, которая таким образом постепенно расширялась Иртышом, пока все его течение не пошло по ней, а старый рукав после заиливания его верхнего устья превратился в курью. На этом старом рукаве, на правом берегу, примерно в 2 верстах от бывшего верхнего устья имеется 4 ямщицких двора, которые считаются вместе с нижеследующей деревней Романовой.

Напротив Старого Иртыша на восточной стороне имеется курья, в которую впадает маленькая речка, имеющая исток недалеко оттуда из сора, который остяки называют Mantsching-lor. На этой речке также имеются 3 ямщицких двора, относящихся к нижеследующей деревне Романовой. На южной стороне этой речки, недалеко от берега, в низкой пойменной местности расположена одинокая гора, которую, если бы она не была такой большой, что окружность ее составляет несколько верст, а высота 30 и более сажень, можно было бы принять за творение человека. На вершине этой горы в старые времена была остяцкая крепость, следы которой еще видны. Остяки называют эту старую крепость Tschukass. Когда весной уровень реки высоко поднимается и все низкие места затопляются, они вместе со своим скотом обычно находятся на этой горе до падения уровня воды.

Романовы юрты, по-остяцки Mulleng-pugl, и дер. Романова, обе деревни друг подле друга на западном берегу, в 2 верстах от Старого Иртыша и в 7 верстах от Власовой. Имеется 7 остяцких юрт Демьянской волости и 3 ямщицких двора, которые с 4 дворами на старом рукаве реки и 3 дворами на восточной стороне вместе составляют 10 дворов.

Logong-jaga, с западной стороны, немного выше предыдущей деревни; возникает на расстоянии 1 дня пути из болота. Летом по этой речке имеется обычный путь на реку Конду. На лодке едут вверх по течению примерно 10 верст, затем тащат лодки по суше через волок длиной в 1 версту до сора, на котором другой маленький волок длиной примерно в 200 сажень, после него большой сор, далее следует еще третий волок длиной в одну версту и третий сор. Из него по маленькой речке попадают в 4-й и последний сор, а по нему – в маленькую речку Onne-jaga, которая приблизительно в 10 верстах оттуда впадает в Конду. Весь путь на запад и составляет в общей сложности примерно 30–40 верст. При долгих летних днях остяки проделывают этот путь за один день.

Ночью с 30 на 31 августа.

Чантышевы юрты, по-остяцки Kurkutub-pugl, на западном берегу, в 4–5 верстах от Романовой. Имеет 3 юрты Демьянской волости.

Korlik-jaga, с западной стороны, в 2 верстах от предыдущей деревни; возникает на расстоянии 2 верст из озера Korlik-tu, имеющего в поперечнике более одной версты.

Дер. Кривкова, на восточном берегу, в 3 верстах от предыдущей речки. Имеет 8 ямщицких дворов.

Дер. Черной Яр, на восточном берегу, в 1 версте от предыдущей и в 10 верстах от Романовой. Имеет 20 ямщицких дворов, среди которых 4 тобольских.

Дер. Шерунова, на восточном берегу, в 2 верстах от предыдущей. Имеет 12 ямщицких дворов, среди них один тобольский.

Рч. Шайтанка, по-остяцки Lonch-jaga, впадает в Иртыш с восточной стороны через предыдущую деревню, а возникает в нескольких верстах отсюда из сора. Название дал остяцкий идол, который в старые времена стоял на этой речке.

Протока Волоковая, на восточной стороне; ее нижнее устье немного выше предыдущей деревни, а верхнее – немного ниже следующей деревни Гатиллевой. Имеет такое название, поскольку здесь между обеими деревнями имеется перешеек, или волок, вокруг которого река образует излучину. При высокой воде по этой протоке могут проходить и дощаники, однако при низкой воде даже лодки нужно иногда перетаскивать через мелкие места.

Мурзинские юрты, по-остяцки Log-pugl, на западном берегу, в 1 версте от Шеруновой. Имеет 6 юрт Демьянской волости. При уплате ясака здесь обычно происходит сбор остяков этой волости.

С западной стороны, немного выше предыдущей деревни, из озера Ali-log впадает речка. По ней местные остяки также ходят летом на реку Конду: из сора через маленький волок попадают на речку Logong-jaga, которая возле Романовой впадает в Иртыш, после чего остальной путь совпадает с предыдущим. Отсюда имеется также обычная зимняя дорога, как пешая, так и на лошадях и с санями, на Конду к устью Onpe-jaga, которая преодолевается за один день.

Рч. Рачевка, по-остяцки Таиу-jaga, с западной стороны, в 4 верстах от Мурзинских юрт; возникает на расстоянии 2 дней пути.

31 августа.

Дер. Гатиллева, на восточном берегу, в 6 верстах от предыдущей речки и в 3–4 верстах по прямой дороге по суше от Шоруновой. Имеет 2 ямщицких двора.

Рачовы юрты, по-остяцки Таиу-pugl, на западном берегу, в $\frac{1}{2}$ версты выше предыдущей деревни. Заселена остяками Мурзинских юрт лишь в весеннее время.

Дер. Рачева, на восточном берегу, в 2 верстах от Гатиллевой. Имеет 7 ямщицких дворов.

Демьянская ям, на восточном берегу, в 6 верстах от Рачевой и в 27 верстах от Черного Яра, следуя по излучинам реки, а от Самаровского яма в общей сложности в 293 верстах.

Здесь имеются, в первую очередь, две церкви: первая Успенья Богородицы с приделом Николая Чудотворца, вторая Алексея человека Божия. Однако служба ведется только в первой, а вторая открывается лишь раз в году в день поминовения святого Алексея. Число жителей составляет 120 дворов ямщиков, из которых 16 дворов относится к яму в Тобольске. В общей сложности дистрикт Демьянска включает в себя, согласно реестру, или переписи, 1737 г., по современным административным распоряжениям 333 двора. В старые времена, однако, это число достигало 500 дворов и они были, как в Самарове, поделены на 50 вытей, или паев. Но это число им также давалось ежегодное содержание по 20 рублей на выть с тем отличием, что они не получали никакого провианта, поскольку в этой местности везде имеется довольно хорошая пашня, которую ямщики используют без каких-либо налогов. Однако так как было усмотрено, что этот ям по сравнению с другими очень населен, а подвод на этом пути обычно мало, к сему тобольские ямщики постоянно предлагали губернии усилить их здешними ямщиками, учитывая множество подвод на трактах на Тюмень и Тару, то первоначально примерно 30 лет назад 50 семей было переселено из Демьянского дистрикта в Тобольск. А приблизительно 20 лет назад в

помощь тобольским ямщикам было определено еще 50 семей. Однако последние остались на прежних местах жительства и лишь удовлетворяют тобольских в подводах. Отсюда происходит то, что как в Демьянском яме, так и во многих деревнях указаны тобольские ямщики.

Однако так как в последние годы число подвод на больших трактах в Тобольске все больше и больше увеличивалось, то по просьбе тобольских ямщиков губерния в 1736 г. присоединила весь Демьянский дистрикт к Тобольскому яму. Но так как это из-за большой отдаленности было слишком обременительным для демьянских ямщиков и многие через это разорились, то поэтому они отправили посланцев в Москву, которые даже того добились, что в прошлом 1739 году все пришло в прежнее состояние. Лишь несколько деревень Демьянского дистрикта, которые расположены ближе всего к Тобольску и составляют 64 двора, были насовсем приписаны к Тобольскому яму. С этими 64 дворами Демьянский дистрикт в 1737 году насчитывал, как показывает вышеназванная перепись, 397 дворов и помимо них было еще 4 семьи, которые из-за бедности не имели собственных домов, а работали у других на условиях найма. А в общей сложности тогда имелось 1459 душ мужского пола всех возрастов.

Сейчас дело этих демьянских ямщиков остается сомнительным, поскольку тобольские ямщики возобновили его в Москве и отправили туда ходатаев, которые настаивают на том, что Демьянскому яму для гоньбы подвод достаточно 50 семей, а все остальные должны нести равную с ними нагрузку. Хотя сейчас речь идет о том, что 50 семей, конечно, достаточно и, возможно, даже излишне для гоньбы подвод в Демьянске и поэтому просьба тобольских ямщиков небезосновательна, тем не менее также несомненно и то, что объединение Демьянского дистрикта с ямом в Тобольске может привести не к чему иному, как к упадку первой стороны. Лучшим средством для того, чтобы удовлетворить каждого и при этом не повредить интересам государства, могло бы быть следующее. 1) Ям в Тобольске, если он слишком малочислен для того, чтобы быть в состоянии гонять здесь частые подводы, усилить различными людьми из тамошних окрестностей. 2) С Демьянским дистриктом распорядиться следующим образом. Поскольку он более многочислен, чем того требуют обстоятельства местности, число ямщиков ограничить и назначить для этого самое большее 50 семей. А остальных определить в подушную подать, земли же их обложить небольшим налогом в хлебе или в денежном эквиваленте. Последнее может одновременно пригодиться в том случае, если будет намерение увеличить ям в Тобольске за счет крестьян или разночинцев тамошней округи, которые положены в подушный оклад и не могут быть освобождены от него без того, чтобы не пострадали в своих доходах полки, для которых предназначены подушные деньги. Этот убыток может быть возмещен подушными деньгами Демьянского дистрикта. Есть еще учреждение ямщиков Демьянского дистрикта, такое же, как и в других местах, а именно что они имеют в качестве начальников выборного и старосту из своей среды, которые ежегодно сменяются. Наряду с этим над Демьянском надзирает управитель из Самарова, и зимой он обычно живет большей частью здесь. Здесь также имеется таможня, которая обслуживается от Тобольска. Название пункта происходит от нижеследующей реки Демьянки. За слободой в сторону Демьянки находится Никольское озеро, на котором расположены две ямщицкие деревни, причисляемые обычно к слободе, а именно: дер. Трухина из 2 дворов и дер. Ерохина из 4 дворов.

Мое прибытие в Демьянск было 31 августа в 10 часов первой половины дня. Я не имел причин долго задерживаться здесь и еще в этот же день в 4 часа продолжил путешествие. Река Демьянка, по-остяцки *Nimnjan*, впадает с восточной стороны, в $\frac{1}{2}$ версты от предыдущей ямщицкой слободы. Русское название возникло из остяцкого, так как еще сейчас остяки, когда они хотят выговорить название по-русски, говорят «Нимнянка». Ее ширина от 60 до 100 сажень. Она заселена остяками, которые собственно образуют Демьянскую волость. Однако я не имел возможности увидеть кого-либо из них, а от

русских жителей Демьянска, но большей частью от остяков ближних деревень на Иртыше получил лишь следующие известия, касающиеся Демьянки.

Дер. Ярок, на северном берегу реки, в 3 верстах от устья. Имеет 10 ямщицких дворов, относящихся к Демьянску.

Nolling-jaga, впадает с северной стороны, в 2 днях пути на лодке вверх по течению от устья; возникает на расстоянии 3 дней пути.

Cholt-jaga, с южной стороны, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 3 днях пути.

Keum-jaga, с северной стороны, в 3 днях пути от предыдущей; исток в 6 днях пути.

Bestuchujar-jaga, с южной стороны, в 2 днях пути от предыдущей; исток в 8 днях пути.

Рч. Саргат, с юга, в 2 днях пути от предыдущей; исток в 1 дне пути. Остяцкие жилища простираются до Саргата. Местности выше посещаются только для охоты. Все же, видимо, остяки не доходят до истока. Лишь, по слухам, говорят, что он должен быть в Тарском уезде по соседству с истоками впадающей в Обь напротив Сургута реки Юган. Каурдацкие татары Тарского уезда имеют привилегию на охоту в истоках Демьянки. Поэтому осенью они обычно едут по воде вниз по Иртышу и вверх по Демьянке так далеко, как можно пройти на лодке, после чего они ждут зиму и по окончании охотничьего сезона возвращаются на лыжах и с нартами по суше на свою родину на р. Иртыше.

Дер. Сабачей Ярок, на восточном берегу Иртыша, в 4 верстах от Демьянска. Имеет 4 ямщицких двора, среди которых 3 тобольских.

Коринские юрты, по-остяцки Iochejong-pugl, на западном берегу, напротив предыдущей деревни. Имеет 10 юрт Демьянской и Нарымской волостей.

Рч. Бобровка, по-остяцки Nak-jaga, с восточной стороны, в $\frac{1}{2}$ версты от дер. Сабачий Ярок; возникает на расстоянии 3–4 дней пути, на широте нижеследующей деревни Лебауцкой, откуда татары доходят до истока за $1\frac{1}{2}$ дня. В нее впадает рч. Бурнашиха, по-остяцки Kus-nak-jaga, с южной стороны, недалеко от устья; возникает неподалеку от нижеследующей деревни Ишшик.

1 сентября.

Кокуйской остров, рядом с восточным берегом, в 20 верстах от [дер.] Сабачий Ярок; длиной в 2 версты. Протока между островом и сушей называется Савиной.

Рч. Тугутка, по-остяцки Tugut-jaga, с западной стороны, напротив предыдущего острова. Возникает на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути, где также находится исток речки Tugut-jaga, впадающей в Конду, так что обе эти речки служат обычным путем с одной реки на другую для остяков на Иртыше и Конде. Этот путь проделывается как летом, так и зимой за один день.

Дер. Кокуйская, на верхнем конце предыдущего острова, на Савиной протоке. Имеет 3 двора демьянских ямщиков и 3 двора, стоящих пустыми: их собственники живут в Тобольске. Говорят, что название основано на том, что эта местность плохая, о которой при первоначальном заселении сказали по образцу пословиц, что токмо кокушки там кокуют.

Есауловы юрты, по-остяцки Sussato-pugl, на восточном берегу, немного выше предыдущей деревни. Имеет 3 юрты Демьянской волости.

Дер. Ишшик, на восточном берегу, в 5 верстах от дер. Кокуйской и 30 верстах от Демьянска по реке, а по прямой дороге вдоль Бурнашихи – в 25 верстах. Имеет 28 ямщицких дворов, из них 1 тобольский.

Рч. Ишшик, по-остяцки Nischik-jaga, с восточной стороны, недалеко от предыдущей деревни; возникает поблизости.

Юровой погост, на восточном берегу, в 1 версте от предыдущей деревни. Имеет церковь св. Прокопия и 28 ямщицких дворов, среди них 1 тобольский.

Дер. Моховая, на том же берегу, в 3 верстах от предыдущего. Имеет 7 ямщицких дворов.

Дер. Солянка, на том же берегу, в 2 верстах от предыдущей. Имеет 14 ямщицких дворов.

Старой Иртыш, старый рукав реки, нижнее устье которого находится в 4 верстах от Солянки, а верхнее в 3 верстах выше нижнего. В своем течении образует большую излучину на восток, вдоль которой насчитывается до 10 и более верст.

Мунгучаковы юрты, по-остяцки Tumbulko-pugl, на восточном берегу только что указанного старого рукава р. Иртыша, который здесь течет так близко от предыдущей деревни Солянки, что до нее от этой остяцкой деревни едва $\frac{1}{2}$ версты. Здесь имеется 6 юрт так называемой Назымской волости, которая не имеет ничего общего с волостью на р. Оби с таким же названием. Здешние остяки называют сами себя Nosing-jach, поскольку их прародителем был человек по имени Nosing.

Ночью с 1 на 2 сентября.

Дер. Варлымская и Варлымовы юрты, по-остяцки Warlym-pugl, на западном берегу, в 2 верстах от верхнего устья Старого Иртыша. Имеет 2 ямщицких двора, среди них один тобольский, и 8 остяцких юрт Назымской волости.

Быстрая протока, по-остяцки Sogom-tungo, на западной стороне; ее нижнее устье немного выше предыдущей деревни.

Дер. Першина, на обоих берегах, в 5 верстах от Варлымовой и в 10 верстах от Солянки по прямой дороге. Имеет 12 ямщицких дворов, из них 8 расположены на восточном берегу, а 4 на западном; среди них 5 дворов тобольских.

Остров вдоль левого берега; берет начало наискосок ниже предыдущей деревни и простирается на 2 версты вниз по течению.

Дер. Чобунина, или Шадрина, на восточном берегу, немного выше предыдущего острова и в 3 верстах от Першиной. Имеет 2 тобольских ямщицких двора и еще один двор, в котором живет отставной солдат.

Рч. Кулумянка, по-остяцки Challym-jaga, с восточной стороны, в 2 верстах от предыдущей деревни; возникает на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути.

Дер. Софонова, на западном берегу, в 1 версте от предыдущей речки и в 3 верстах от Першиной. Имеет один ямщицкий двор.

Быстрая протока, ее верхнее устье на западной стороне, в $\frac{1}{2}$ версты от Софоновой.

Рч. Макшандина, по-остяцки Tungo-jaga, впадает в Быструю протоку недалеко от ее верхнего устья, а возникает на расстоянии 3 дней пути из сора. При низкой воде Tungo течет в Иртыш через верхнее устье протоки, и поэтому протока ниже устья рч. Tungo во многих местах пересыхает, что и является значением остяцкого названия Sorom-tungo. В рч. Tunga впадает рч. Тишкина, по-остяцки Joag-jaga, с северо-запада или запада, в $\frac{1}{2}$ дня пути от устья; возникает в $\frac{1}{2}$ дня пути из сора, имеющего в поперечнике несколько верст. Примерно в 10 верстах от этого сора течет речка Katym-jaga, впадающая в речку Wai-jaga, которая, в свою очередь, впадает в Конду. Эту речку обычно используют остяки, чтобы попасть на Конду. Они оставляют свои лодки на Тишкином сору, а на рч. Katym у них имеются в готовности другие лодки, на которых они за $\frac{1}{2}$ дня достигают Конды. Таким образом весь путь от Иртыша до Конды они проделывают летом за два дня. А зимой этот путь при езде без тяжелого груза занимает 1 день.

2 сентября.

Буренские летние юрты, по-остяцки Log-pugl, на западном берегу, в 4 верстах от Софоновой. Имеет 16 юрт Назымской волости.

Wotscheng-log, озеро, или сор, на восточной стороне, недалеко от берега, в 3 верстах от предыдущей летней деревни. Имеет до 3 верст в окружности и исток в Иртыш. От этого озера получили названия предыдущая и последующая деревни. Татарское слово Wupen означает как раз то же самое, что и остяцкое Log – такие озера, которые имеют связь с реками таким образом, что весной в них может заходить рыба. В Wotscheng-log впадает Lonch-jaga, то есть Шайтанка-речка, с восточной стороны, а возникает на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути.

Буренские зимние юрты, по-остяцки – как указано выше, на восточном берегу, немного выше истока из предыдущего озера. Имеет 16 юрт Назымской волости, где зимой живут жители предыдущей деревни. В этой деревне собирается ясак с Назымской волости.

Challings-Ior, на западной стороне, недалеко от берега, напротив предыдущей деревни, с истоком в Иртыш.

Рч. Боровая, по-остяцки Challings-jaga, с западной стороны, в 2 верстах от Challings-Ior; возникает поблизости.

Дер. Стерхова, на восточной стороне, в 1 версте от берега, на маленьком озере, в 3 верстах от предыдущей остяцкой зимней деревни и в 10 верстах от Першиной по прямой дороге.

Имеет 11 ямщицких дворов, среди них 6 тобольских.

Кошелевы юрты, по-остяцки Kutub-pugl, на восточной стороне. Это летняя и зимняя деревни, первая в 1 версте от Стерховой и в 4 верстах от Буренских зимних юрт, вторая в 1 версте выше. В каждой по 5 юрт Назымской волости. После того как миновали эту деревню, я услышал, что там неподалеку находятся, по-видимому, большие мамонтовые кости и среди них также голова зверя.

Кошелево городище, по-остяцки Koschel-uosch, а также Watsch-uosch, бывшая остяцкая крепость на отвесной возвышенности восточного берега, немного выше предыдущей зимней деревни. Говорят, что здесь жил остяцкий князец по имени Koschel. Другое остяцкое название означает, что место очень узкое и тесное.

Дер. Кошелева, на восточном берегу, в 1 версте от последней остяцкой зимней деревни и в 3 верстах от Стерховой. Имеет 10 ямщицких дворов, являющихся последними в Демьянском дистрикте.

Wolmai-Ior, озеро на восточной стороне, недалеко от берега, с истоком в Иртыш в $\frac{1}{2}$ версты от предыдущей деревни.

Дер. Волмайская, на указанном последнем озере Wolmai, в 1 версте от Кошелевой. Имеет 2 ямщицких тобольских двора.

Дер. Лебауцкая, на восточном берегу, в 6 верстах от Кошелевой, а по прямому пути в 4 верстах. Имеет 21 ямщицкий двор, которыми начинается Тобольский уезд.

Лебауцкие юрты, по-остяцки Num-pugl, по-татарски Nasim-aul, зимние жилища на восточном берегу, возле предыдущей деревни, летние – прямо напротив, на западном берегу. В каждом месте по 10 юрт Назымской волости. Жители этой деревни частично остяки, частично татары. Немного ниже этих летних жилищ Иртыш раньше образовывал большую излучину на запад, длина которой составляла 10 верст, после чего река в своем течении вновь совсем близко подходила к деревне. Однако, после того как возник нынешний прямой рукав, нижнее устье старого рукава полностью заилилось, а его русло превратилось в озеро, из которого сейчас имеется исток в Иртыш через бывшее верхнее устье старого рукава.

Ночью со 2 на 3 сентября.

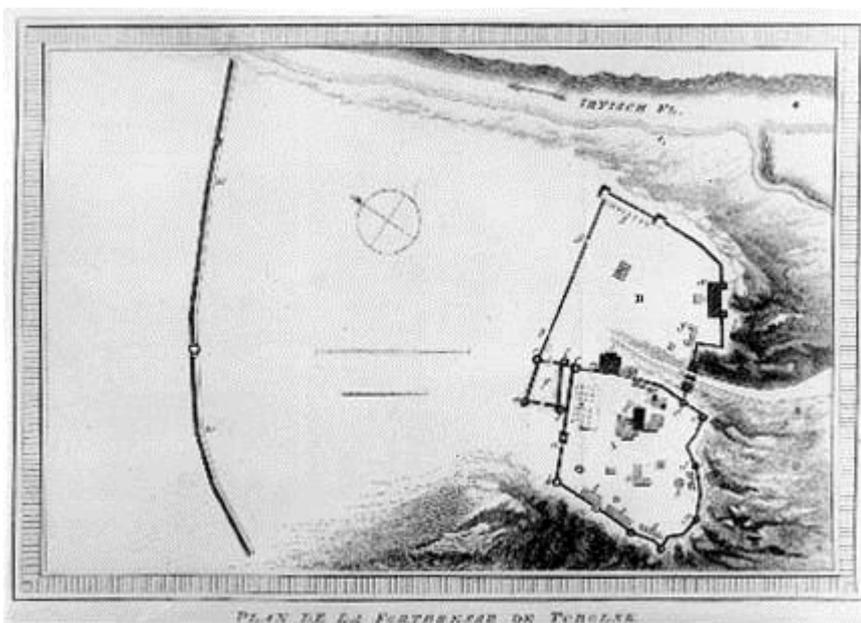
Дер. Лисанова, на западном берегу, в 5 верстах от дер. Лебауцкой. Имеет 2 ямщицких двора.

3 сентября.

Увацкой погост, на западном берегу, в 10 верстах от Лисановой, а по прямой сухопутной дороге в 2 верстах. Имеет церковь Спаса Нерукотворенного Образа и 33 ямщицких двора.

Дер. Елбинская, на восточном берегу, в 3 верстах от Увацкого погоста. Имеет 4 ямщицких двора.

Увацкие зимние юрты, по-татарски Uwat-aul, на западном берегу, в 4 верстах от Увацкого погоста. Имеет 17 юрт ясачных, с которыми начинаются на р. Иртыше собственно татары, после того как с предыдущей Назымской волостью остяки закончились.[...]

План Тобольской крепости
РГАДА Ф. 199. Портф. 517, ч. 2. Д. 8.

Известия о реке Конде из устных рассказов различных остяков и вогулов, живущих на этой реке. 1740 г.

Об устье этой реки упомянуто в предыдущем описании и сказано, что она здесь разливается в ширину на версту. Но так как это основано на том, что местность здесь плоская и низменная, то этот разлив простирается вверх по течению реки не далее, чем приблизительно на 8–10 верст, откуда выше средняя ширина составляет, пожалуй, примерно 200 саженей. То же, что она и далее имеет такую значительную ширину, здесь следует точно так же приписать плоской и болотистой местности. И как раз по этой причине течение реки очень медленное, берега большей частью низкие, однако везде очень лесистые. Дно песчаное и илистое. Конда принимает в себя много рек и речек, которые идут вверх по течению в нижеследующем порядке.

Weschit-jaga, с южной стороны, в одном дне пути на лодке вверх по течению от устья; возникает на расстоянии 3 дней пути на широте Цингальских юрт на р. Иртыше, так как остяки зимой доходят оттуда до истока пешком за один день.

Kitlengur-jaga, с севера, примерно в 5 верстах от предыдущей; исток в $\frac{1}{2}$ дня пути.

Kam-jaga, с северо-запада, в $\frac{1}{2}$ пути от предыдущей; исток в 3 днях пути. В Kam-jaga с северо-восточной стороны впадают: Jink-chaire-jaga, в $\frac{1}{2}$ дня пути от устья; Londsjem-jaga, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей; Piltra-jaga, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей. О последних двух в предыдущем описании путешествия в Тобольск сказано, что по соседству с ними находится исток речки Sogom-jaga, впадающей в Иртыш.

Kalchong-, или Kalcha-jaga, с юга, в $\frac{1}{2}$ дня пути выше Kam-jaga; возникает на расстоянии $1\frac{1}{2}$ дней пути.

Poipil-jaga, с юга, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей; исток в 3 днях пути на широте Цингальских юрт на р. Иртыше.

Leung-jaga, с юга, намного выше предыдущей; исток в 1 дне пути.

Marti-jaga, с севера, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей; исток в 5 днях пути.

Saga-jaga, с севера, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 1 дне пути.

Onne-jaga, то есть Большая речка, с юга, в 1 дне пути от предыдущей. Возникает на расстоянии примерно в 10 верст из озера, или так называемого сора, откуда имеется обычный путь до дер. Романовой и Мурзинских юрт на р. Иртыше, о котором упомянуто в предыдущем описании при указанных деревнях.

На устье речки *Oppe-jaga*, на южном берегу Конды, имеется построенная для остяков церковь Богоявления Господня, возле которой, помимо церковных служителей, живет также много остяков. А называется пункт Балчаровским или также Богоявленским погостом. Первое из этих названий основано на том, что в обыденной речи остяки, живущие в этих низовьях р. Конды, объединяются под названием Балчаровская волость. Однако в ясачных книгах эта волость называется *Меньшая Конда*. Она состоит из 91 человека, каждый из которых платит мехами по цене на 2 рубля. От устья Конды до Балчаровского погоста зимой 2 дня пути на лошадях, а пешком 6 дней пути.

Tugut-jaga, с юга, в 1 дне пути от *Oppe-jaga*. Возникает на расстоянии 1 дня пути, где имеется также исток другой речки *Tugut-jaga*, впадающей в Иртыш в 25 верстах выше *Демьянска*. Как я об этом уже упомянул в вышеприведенном путевом описании, эти две речки служат остякам для сообщений между Иртышом и Кондой. Однако у них имеется и другой путь – от расположенной немного выше речки *Tugut* на Конде остяцкой деревни, называемой *Чесноковыми юртами*, который ведет к деревне *Солянке* возле *Юрового погоста* на Иртыше и который преодолевается зимой с подводой за один день.

Chaschmi-jaga, с севера, в 5 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути из сора.

Ubytle-jaga, с севера, в 5 верстах от предыдущей; исток на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути из сора. В этот сор с севера впадает речка *Wasch-jaga*; ее исток находится на расстоянии лишь нескольких верст. На восточной стороне этой речки на открытом болоте находится холм, который кажется насыпанным, и на этом холме видны следы бывшего остяцкого укрепления. От этого и получила речка свое название.

Longe-jaga, с севера, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей; исток на расстоянии 1 дня пути из сора.

Wai-jaga, с севера, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей; исток в 2 днях пути.

Chantsche-jaga, с севера, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей; исток в 1 дне пути. Поскольку название *Chantsche* в остяцком языке означает то же самое, что и написанный или разрисованный фигурами, то я разузнал о причине этого и получил объяснение, что в этой речке ловится много окуней и ершей, которые, особенно первые, называются из-за их пятен по-остяцки *Chantsche-chul*, то есть писаная рыба.

Досюда простирается вышеуказанная Балчаровская волость, или так называемая *Меньшая Конда*. Следующие далее остяки, которые, однако, сильно перемешаны с вогулами, в обыденной речи объединяются под названием *Награчинская волость*, поскольку среди них был знаменитый шаман по имени *Награч*, который еще жил приблизительно 20 лет назад. В ясачных книгах пишется название *Ю-Конда*, вероятно, из-за названной так по-русски речки, которая будет приведена ниже. Ибо если попытаться вывести название речки из названия волости, то в этом случае непонятно, от чего могла быть так названа волость, тогда как происхождение названия у речки может быть в некоторой степени объяснено. Волость состоит из 93 человек. из которых 20 человек определены поставлять в казну различные меха на 1 руб. 50 коп., а 73 человека – на 1 руб. 4 коп. [каждый].

Talle-jaga, с севера, в $\frac{1}{2}$ пути от *Chantsche-jaga*; исток в 1 дне пути из сора.

Награчинской Троицкой погост, на северном берегу, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей речки. Здесь имеется построенная для остяков церковь *Живоначальная Троицы*, при которой имеются также остяцкие жилища. Как раз в этом месте, говорят, жил знаменитый шаман *Награч*. От Балчаровского погоста досюда зимой $1\frac{1}{2}$ пути на лошадях, 4 дня пути пешком. Рч. *Юк-Конда*, по-остяцки *Iunk-jaga*, с севера, в 1 версте от погоста; возникает на расстоянии 6 дней пути из сора. Остяцкое название означает, видимо, то же самое, что и *Jink-jaga*, то есть *Водяная речка*, ибо она шире и глубже, чем все другие впадающие в Конду речки. А отсюда-то представляется вероятным, что с русской стороны ее при наименовании сравнивали с Кондой и лишь прибавлением *Юк*, которое, видимо, является искажением остяцкого *Iunk*, хотели сделать различие. В сор, из которого возникает *Юк-Конда*, впадает речка *L'sir-jaga* с северной стороны, до истока которой $\frac{1}{2}$ пути.

Nachrang-jaga, с севера, в 1 дне пути от Юк-Конды; возникает на расстоянии 2 дней пути. Kam-jaga, с юга, в 1^{1/2} днях пути от предыдущей; исток в 5 днях пути. В Kam с юго-востока впадает Londim-jaga, в 2 днях пути от устья. Исток в 2 днях пути из озера, или сора, в окрестностях которого имеется еще много других озер, из которых речка Rengija впадает в маленькую реку Алымку, а Алымка впадает в Иртыш. От устья Kam-jaga вдоль речек Londim и Rengija, поперек через Алымку и точно так же через впадающую в Иртыш речку Naske имеется обычная сухопутная остяцкая дорога до деревни Солниковой на протоке Тайме реки Иртыша, по которой ездят зимой на лошадях без подвод и преодолевают ее в лучшем случае за два дня. Об указанных речках и местностях смотри предыдущее описание между Демьянском и Тобольском. Живущие на речках Kam и Londim остяки не относятся к Награчинской волости, а образуют собственную маленькую волость, которая в ясачных книгах называется Ландпинской, вероятно, путем искажения названия Londim. Их имеется 15 человек, однако при платеже ясака они считаются вместе с предыдущей Балчаровской волостью, поэтому они и включены в число показанных в данной волости 91 человека.

Njoltmi-jaga, с севера, в 1/2 дня пути от Kam-jaga; исток в 1 дне пути.

Utloch-jaga, с юга, в 1 малом дне пути от предыдущей; исток в 1 дне пути.

Chossing-jaga, с юга, в 1 малом дне пути от предыдущей; исток в 2 днях пути. Здесь заканчивается Награчинская волость и далее вверх Конда с впадающими в нее реками и речками заселена лишь вогулами, которые также разделены в различные волости, как об этом последует в соответствующем месте.

Приблизительно в 3 верстах от Chossing-jaga Конда разделяется на два рукава одинаковой величины. Правый из них, или северный, сохраняет предыдущее название Конда, а левый называется Iacht, или Acht, или Acht. Первый течет с северо-запада, а второй – с запада. Оба они в давние времена полностью относились к Пелымскому уезду и сейчас еще большей частью относятся к нему. Поэтому пелымские вогулы, из которых я, однако, никого не имел возможности опросить, могли бы, пожалуй, дать о них наиболее обстоятельные сведения. Несмотря на это, я хочу здесь вставить то, что уже разузнал, и в первую очередь описать Acht.

О рукаве Acht вообще следует сказать, что он течет через 7 больших озер, какие в тамошнем вогульском диалекте называются словом Tuman. А между тем в него, как и в озера, впадают многочисленные маленькие реки и речки.

Rau-ja, впадает в Acht с южной стороны, в 3 верстах от места его впадения в Конду; возникает на расстоянии нескольких верст. Слово ja означает в местном вогульском диалекте то же, что и остяцкое jaga, а именно *речку* или *реку*, являющуюся притоком главной реки. Главные реки, такие как Acht, Конда, Иртыш, называются лишь их именами без подобных добавлений.

Леушинской погост, на южном берегу р. Acht, немного выше предыдущей речки. Здесь имеется построенная для вогулов церковь Сошествия Святого Духа, наряду с несколькими вогульскими жилищами. Название взято по соседству с нижеследующим озером и речкой. Несколько живущих на реке Acht вогулов называются от этого Леушинской волостью. Однако их всего лишь 5 человек, каждый из которых платит в казну пушниной на 2 рубля и они являются последними в Тобольском уезде. Остальные вплоть до истока реки относятся к Пелыму, где они объединяются под названием Большая Кондинская волость.

Leusch-tuman, первое озеро, через которое течет Acht, в 2 верстах от Rau-ja. Имеет длину с востока на запад в один день пути и ширину в 10 верст.

Leusch-ja, впадает в предыдущее озеро с южной стороны, в 1/2 дня пути от Rau-ja; возникает на расстоянии 4 дней пути. В Leusch с юго-запада впадает Chortul-ja, в 1 дне пути от устья; исток в 1 дне пути.

Ters-ja, впадает в предыдущее озеро с северной стороны, немного выше речки Leusch; исток в 1 дне пути.

Agmyng-ja, впадает в то же озеро с северо-запада, в $\frac{1}{2}$ дня пути от предыдущей речки; исток в 1 дне пути. Оттуда в пределах видимости верхний конец озера, где в него впадает река Acht.

Choni-chuib-tuman, второе озеро, через которое протекает Acht, в 3 верстах от озера Leusch. Длинной в 6 верст и шириной приблизительно в 2 версты.

Leu-ja, впадает в предыдущее озеро с южной стороны, в его верхний конец; исток в 3 днях пути.

Racht-tuman, 3-е озеро, в 2 верстах от предыдущего. Длинной в 8–10 верст и шириной в 4 версты.

Chante-ja, впадает в реку Acht с южной стороны, в $\frac{1}{2}$ дня пути выше предыдущего озера; исток в 4 днях пути.

Paul-ja-tuman, 4-е озеро, немного выше предыдущей речки. Длинной в 4 версты и шириной примерно в 2 версты.

Paul-ja, впадает в предыдущее озеро с северной стороны, приблизительно в его середине или половине; исток в $1\frac{1}{2}$ днях пути.

Sachla-tuman, 5-е озеро, в 1 версте от предыдущего. Длинной в 3 версты и шириной примерно в 1 версту.

Wonter-twani-tuman, 6-е озеро, в 1 версте от предыдущего; имеет одинаковую с ним величину.

Charta-tuman, 7-е, и последнее, озеро, через которое протекает река Acht, в 2 верстах от предыдущего. Длинной в 5 верст и шириной в 2 версты. С ним кончается река Acht, поскольку, хотя это озеро и принимает в себя с другой стороны речки, которые могут быть приняты за исток реки Acht, они все же носят другие названия, а именно.

Charte-ja, впадает в Charta-tuman с северо-запада, недалеко от его верхнего конца, а возникает на расстоянии 1 дня пути. На этой речке имеется Благовещенской погост, на ее юго-западном берегу, недалеко от устья, с церковью Благовещенья Богородицы, поскольку здесь находится правление Большой Кондинской волости. От Леушинского погоста досюда 2 дня пути на лошадях.

Ieur-ja, впадает в озеро Charta-tuman с запада, в 3 верстах от предыдущей речки Charte-ja; возникает на расстоянии 2 дней пути. В нее впадает с южной стороны Usch-ja, в 1 дне пути от устья; исток в 1 дне пути. От истока Usch-ja 2 дня пути пешком или 1 день пути на лошадях напрямую по суше, не пересекая никаких речек, до города Пельма. Это же является обычной дорогой, которую используют от Пельма до Конды.

Досюда приведенные известия могут быть еще довольно полными и правильными, поскольку они происходят от людей, которые большей частью живут в этих местах или по крайней мере через многократные путешествия во все стороны имеют об этом достаточные знания. А поскольку здесь еще осталось описать верховья р. Конды выше по течению от реки Acht, жителей которых, как и людей, бывавших до истока Конды, я до сих пор не имел случая встретить, то предохраняю себя, если приведенные об этом сведения могут оказаться как недостаточными, так и в некоторых местах неверными.

Kasning-ja, впадает в Конду с юго-запада, в $\frac{1}{2}$ дня пути выше реки Acht; возникает на расстоянии 1 дня пути из сора.

Tар-ja, с севера, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 4 днях пути. В нее впадают:

Saprat-ja, с востока, в 1 дне пути от устья, исток в 1 дне пути из сора;

Muroch-ja, с востока, в 1 дне пути от предыдущей; исток в $1\frac{1}{2}$ днях пути из сора;

Using-ja, с юго-запада, в одном дне пути от Tар-ja; исток в $1\frac{1}{2}$ днях пути;

Teter-ja, с севера, в 4 верстах от предыдущей; исток в 2 днях пути;

Iani-teter-ja, с севера, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 2 днях пути,

Mulm-, или Mullom-ja, с севера, в 5 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии 5–6 дней пути. В нее впадают:

Murt-ja, с запада, в $1\frac{1}{2}$ днях пути от устья; исток в 2 днях пути;

Muroch-ja, с запада, в 2 днях пути от предыдущей; исток в 3 днях пути;

Tunk-ja, с северо-востока, а насколько выше предыдущей – неизвестно.

В описании путешествия в Березов по поводу реки Emder упомянута также речка Mullom и сказано, что в нее с северо-запада впадает речка Tunga. Хотя здесь, может быть, выясняется, что это Tunk-ja, только не согласуется местность, из которой описано ее течение.

Usch-ja, с юго-запада, в 1 дне пути от Mullom; исток в 1^{1/2} днях пути.

Schaim-ja, с юго-запада, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 2 днях пути.

Umut-tuman, озеро, через которое протекает Конда, в 1/2 дня пути от предыдущей речки. Длинной в один большой день пути и шириной в 1/2 дня пути.

Umut-ja, впадает в Конду с северной стороны, в 1 дне пути от предыдущего озера; возникает на расстоянии 2 дней пути.

Petscher-acht-ja, с севера, в 1 дне пути от предыдущей; исток в 2 днях пути. В этом месте р. Конда течет прямо с севера.

Ese-ja, впадает в Конду с западной стороны, в 1^{1/2} днях пути от Petscher-acht, а течет точно так же с севера. Исток находится на расстоянии 6 дней пути из сора. В описании р. Сосьвы по поводу Малой Сосьвы упомянуто о соседстве ее вод с речкой Ese.

От Ese-ja р. Конда еще проходима для лодок на расстояние в 3 дня пути вверх по течению, а дальше это невозможно из-за узости и мелководья реки, так как ее исток находится на расстоянии лишь около 2 дней пути пешком. Этот исток описывается вытекающим из болота.

Живущие по Конде выше реки Acht вогулы в старые времена все относились к Пельмскому уезду. Сейчас часть из них платит свои подати ясачным сборщикам, посланным из Тобольска, и причисляется к Тобольскому уезду. В ясачных книгах они приводятся под заголовком: «Кондинская волость Пельмского уезда», в обыденной речи они, однако, чаще называются Сотниковой волостью. Их 48 человек, которые определены поставлять в казну меха по оценке на 1 руб. 50 коп. [каждый]. Остальные относятся к Пельму под названием Малая Кондинская волость.

Название реки в вогульском и остяцком языках выговаривается одинаковым образом, а именно Chondang или Chondank. Отсюда возникло русское [название] Конда.

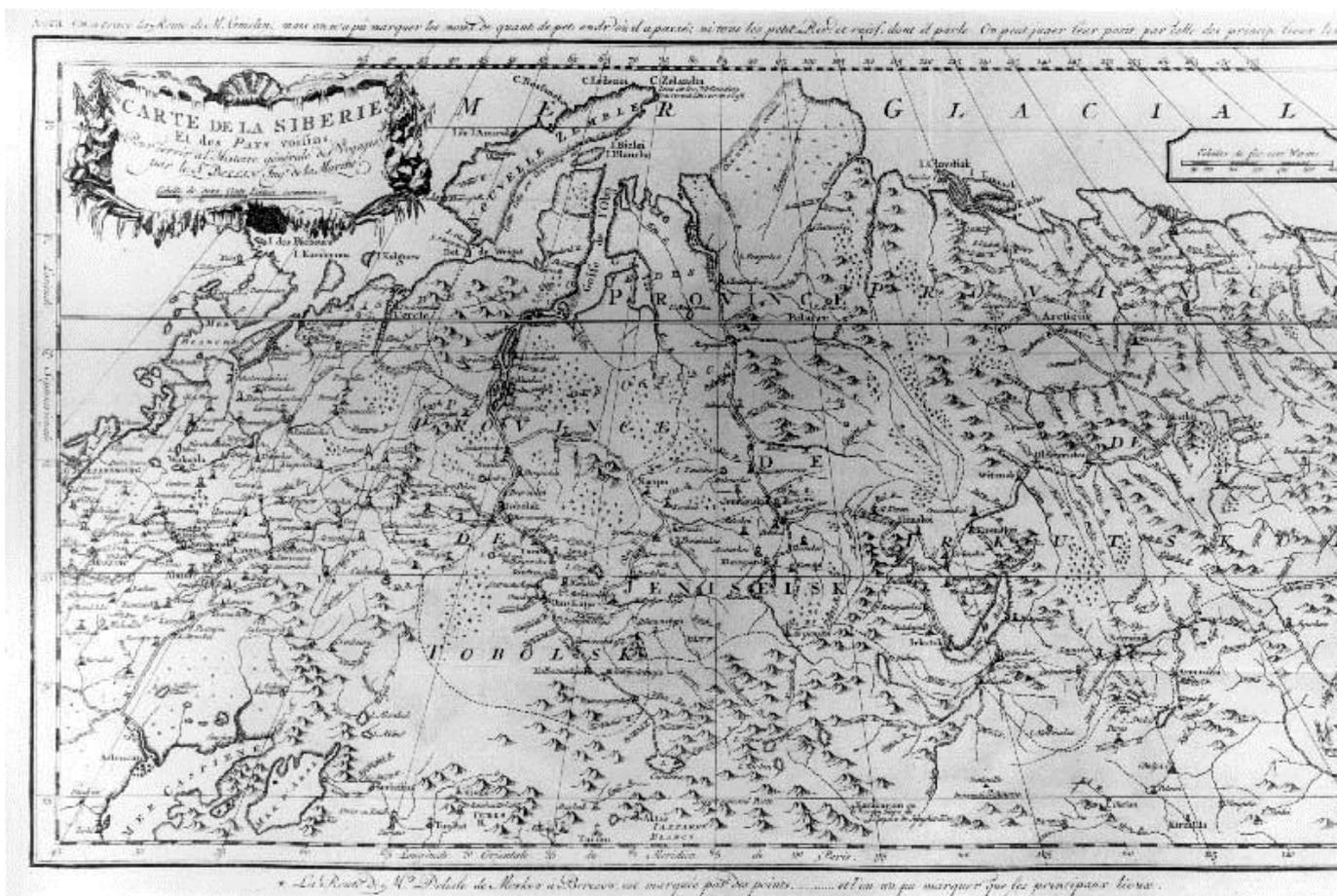
РГАДА Ф. 199. Портф. 517, ч. 3. Д. 1.

Опубл.: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 208–275, 284–288.

11740 г. – Иосиф-Николай Делиль, Кенигсфельд. Путешествие астронома Делиля и профессора Кенигсфельда из С.-Петербурга в Березов

Иосиф-Николай Делиль (1688–1768) – астроном, академик. В 1721 г. Петр I пригласил его на службу в Россию. После подписания контракта и избрания в действительные члены Петербургской Академии наук прибыл в Санкт-Петербург в 1726 г. В 1740 г. отправился в Обдорск для наблюдения «прохождения Меркурия через солнце». Однако из-за сложности пути Делиль вместе с сопровождавшей его группой из 18 человек добрался только до Березова. По дороге из Тобольска в Березов путешественники познакомились с неизвестным для них народом – остяками. Подробности путешествия Делиля стали известны зарубежной публике спустя сорок лет, когда извлечения из рукописи, поступившей вместе с его библиотекой во французский морской архив (Depot de la marine), появились на страницах амстердамского издания «Histoire generale de voyages». Рукопись включает в себя также дневник его ученика – академического студента Кенигсфельда и переписку, которую вел Делиль в период путешествия.

Текст публикуется по изданному в журнале «Новости литературы» краткому пересказу путешествия астронома из амстердамского издания.

Карта Сибири и соседних стран

Прохождение Меркурия чрез солнце, долженствовавшее случиться в апреле 1740-го года, обратило внимание многих академий на важное сие явление. С.-Петербургская Академия наук, желая также участвовать в наблюдении сем, представила план свой императрице Анне Иоанновне. Монархиня сия, царствование коей знаменито учеными предприятиями, изъявила на то свое согласие. Вследствие онаго, назначила Академия двух профессоров. Николай Делиль де ла Крауер, брат Людовика де ла Крауера, плававшего с капитаном Чириковым в 1741-м году, должен был заниматься астрономическими наблюдениями, а профессор Кенигсфельд – топографическим и историческим описанием мест.

Полагали, что прохождение Меркурия чрез солнце лучше наблюдать вблизи Северного полярного круга, а посему и предписали сим ученым ехать немедленно в Березов.

Как оба профессора знали мало по-русски, то дан был им в провожатые и охранители майор Солтанов с несколькими солдатами. Весь обоз их состоял из 8-ми кибиток; причем замечательно, что одна из оных нагружена была одним только кофе. Для избрания удобнейшей дороги и заготовления лошадей, определен был к ним гвардии офицер, имя коего не упомянуто.

Февраля 28-го отправились ученые сии из С.-Петербурга и прибыли без всяких приключений 3-го Марта в Москву.

«Здесь говорит астроном, – видели мы празднество по случаю мира со шведами и познакомились в древней столице сей с бароном Строгановым, который просил нас провести несколько дней в поместьях его и дал нам карту обширных владений своих. Хотя дорога до Кузьмодемьянска, – продолжает он, – и была довольно хороша, но по

слабому здоровью моему была для меня весьма тягостна русская пища. Поелику в сие время был Великий пост, то с трудом могли даже доставать молоко и яйца».

Марта 12-го прибыли они в Царево-Санчурск, и астроном говорит следующее: «Здесь видели мы весьма прекрасных женщин. Через два дни приехали мы в Хлынов, или Вятку, большой и прекрасный город, в коем есть много каменных зданий. Вызолоченный купол монастырской церкви придает оной весьма великолепный вид а ратуша и башня при въезде заслуживают также особенного внимания».

Выехав из Вятки, продолжали они путь без всяких приключений и прибыли 18-го марта в село Ильинское, принадлежавшее барону Строганову. Здесь нашли они иркутского вице-губернатора Ланга, известного по двоекратному путешествию его в Пекин, и студента Фишера, который сочинил «Сибирскую историю». Последний отправлен был Академиею в помощь к профессору Гмелину и ехал к нему в Иркутск с женою и детьми.

«Во всех поместьях барона Строганова,— говорят ученые путешественники,— были мы весьма хорошо приняты и угощаемы без всякой платы. Прикащики живут в весьма хороших домах и очень ласковы и гостеприимны. В селе Случиме подарили нам на дорогу несколько живых гусей, уток и индейских кур. Из Ильинска поехали мы в Новое Уголье и осматривали соляныя варницы. Здесь нашли мы несколько богатых и весьма учтивых людей».

Отсюда отправились они в Соликамск и поехали чрез Уральской хребет в Верхотурье. «Дорога сия,— говорит астроном,— весьма тягостна. Особенного замечания заслуживает высокая гора Кипат, сквозь которую прорезана дорога в Тобольск». На всем пути сем ехали они между гор и лесов и прибыли благополучно 22-го числа в Верхотурье. «Итак,— продолжает он,— чрез 3 недели по выезде из С.-Петербурга очутился я в Азии».

Не доезжая за несколько верст до Тобольска, встретили они почетную стражу, высланную для препровождения их в город. Когда они приблизились к оной, то офицер, отдав им честь, объявил, что он отряжен от воеводы Петра Ивановича Бутурлина поздравить их с приездом и указать отведенную квартиру. Едва только путешественники въехали в оную, как были посещены многими чиновниками и получили от градоначальника два медных кургана — один с медом, а другой с пивом.

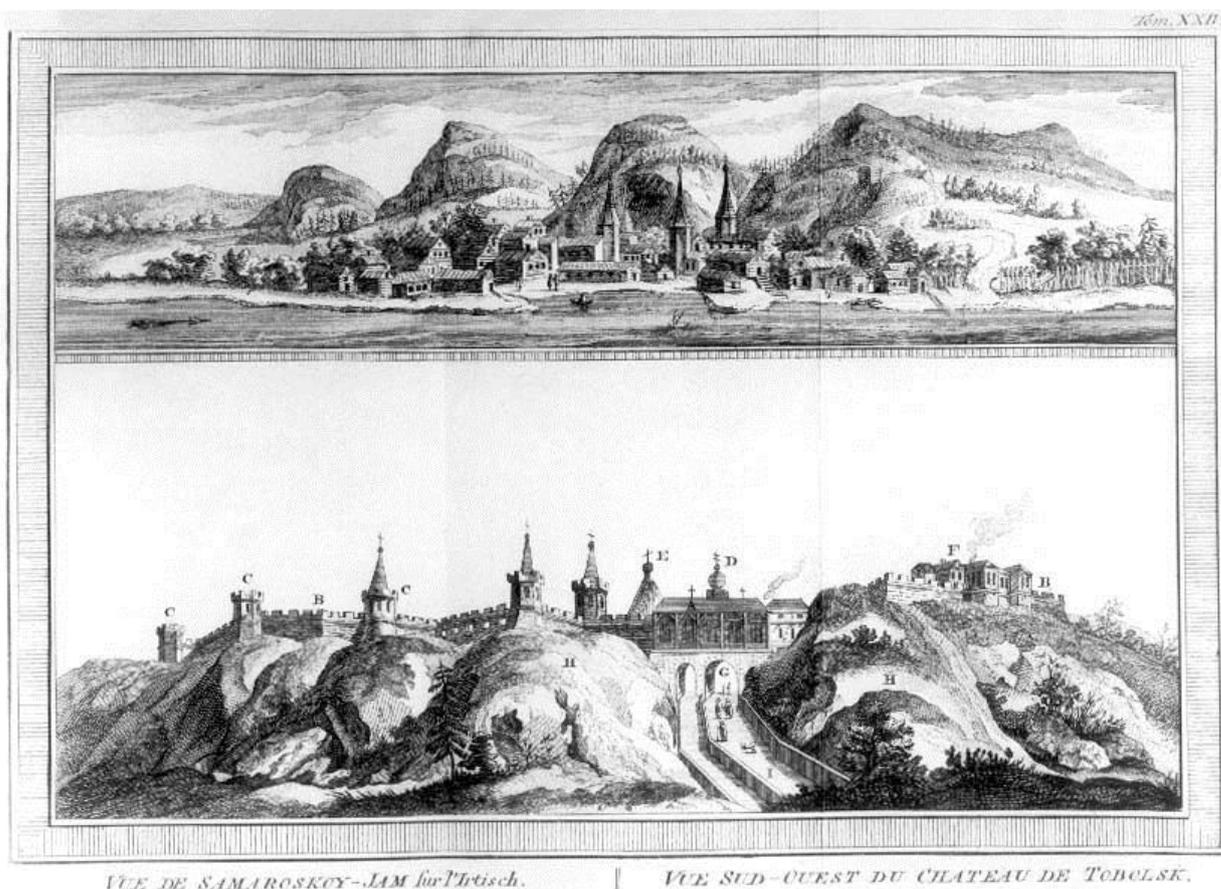
На другой день поутру отправился астроном Делиль со всею свитою к воеводе. «Здесь,— говорит он,— угощали нас кофеем, табаком и сухою рыбою, приготовленную в виде конфетов. Воевода оставлял нас обедать; но поелику я по болезни моей не мог употреблять рыбы, то и отказался от сего приглашения. На обратном пути посетили мы штаб-лекаря Гольца и отправились вместе с ним к графине Параскевии Петровне, урожденной Татариновой, супруге бывшего церемониймейстера графа Санти, который в царствование императрицы Екатерины I-й сослан был в Иргинской острог. Граф Санти был сначала отправлен в Москву и, не зная, что его пошлют далее, женился там. Супруге его не позволено было следовать за ним в острог Иргинской, ниже возвратиться в Москву, а посему и жила она весьма уединенно в Тобольске».

Вместе с графинею жила родная сестра ея, супруг которой окончил здесь жизнь в 1739-м году, 30-го июля. Графиня Санти была женщина умная, с большим вкусом и познаниями, а посему, услышав, что в Березов отправляются профессоры, просила их навестить ее. «Вот,— говорит гг. Кенигсфельд,— что было причиною нашего посещения. На другой день,— продолжает он,— прислала она нам два блюда — одно с булками, а другое с китайскими померанцами. Взамену послали мы ей несколько бутылок французского вина».

«Два дни по прибытии нашем в Тобольск,— продолжают ученые,— были мы утром удивлены, услышав весьма сильный колокольный звон. Вскоре узнали мы, что причиною онаго была кончина 76-тилетняго митрополита. Хотя император Петр I и упразднил сие звание в Тобольске, но из уважения к Сибирскому митрополиту Антонию Стаховскому позволил ему сохранить оное до смерти».

Почтенные господа профессора ошиблись: Антоний не был последний митрополит; после него пользовались еще титулом сим Никодим Сребрицкий, Арсений Мацкевич, Антоний Нарожницкий (основатель в Тобольске Латинской школы), Сильвестр Головацкий и Павел Конюшевич. На место сего последнего поступил в 1769-м году преосвященный епископ Варлаам.

Профессоры посещали также вместе с штаб-лекарем вдову татарскаго, или сибирскаго, царевича, которая их угощала чаем. Муж ея, скончавшийся за 4 года пред сим, именовался Сукеракович и происходил по прямой линии от царя Кучука. Вдова сия имела двух дочерей, кои весьма великолепно одеты были в штофныя платья, обшитыя серебряною бахромою и жемчугом. Пред отъездом прислала она им 8 байтеров, или крупчатых пирогов.

VUE DE SAMARSKOY-YAM sur l'Irtisch.

VUE SUD-OUEST DU CHATEAU DE TOBOLSK.

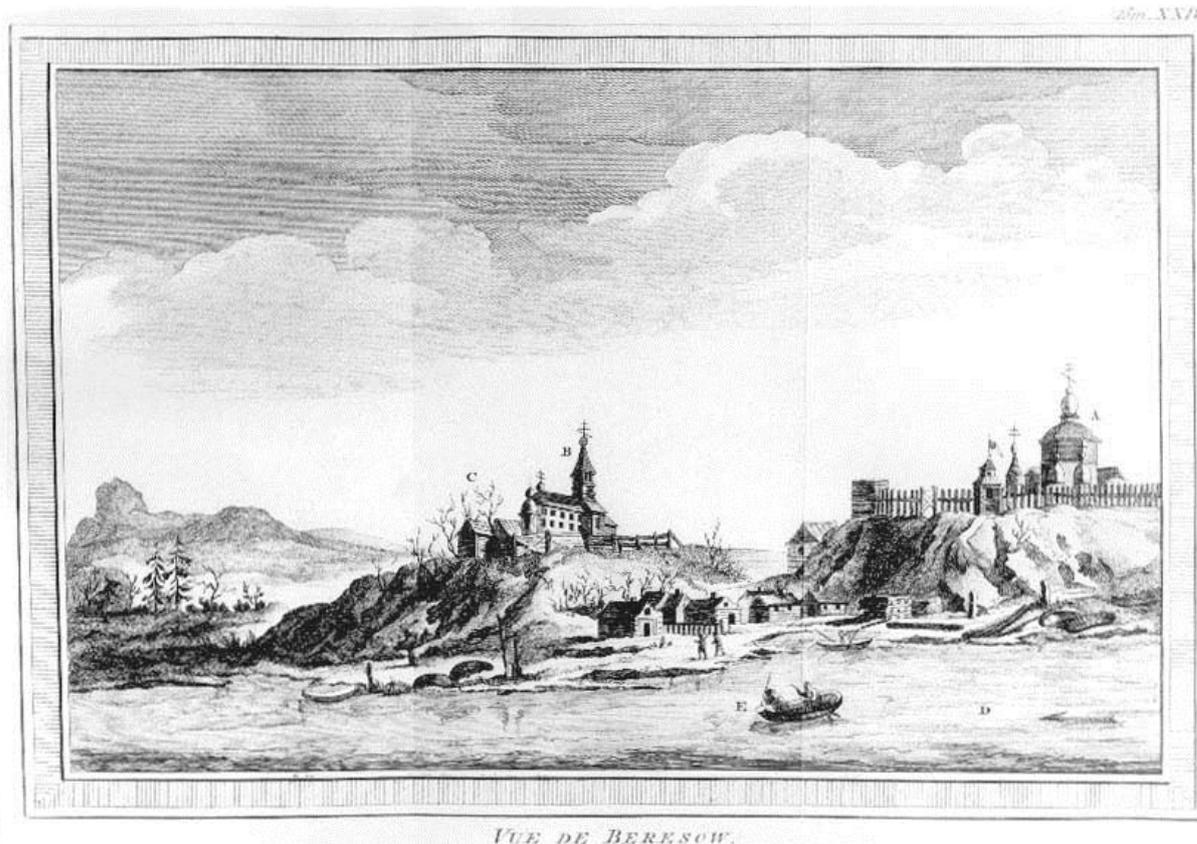
Вид Самарского яма на Иртыше
Вид Тобольской крепости с юго-запада

Путешественники, оставя Тобольск, миновали скоро Демьянской ям и прибыли в Самарской ям. В обоих сих местах приносили к ним в подарок лисьи и речных бобров шкуры и весьма были недовольны, когда они отказались принять оныя. Профессор Кенигсфельд говорит: «Мне сказывали, что при реке Конде, впадающей в Иртыш, медведи так смирны, что спят на поле вместе с коровами, а в Самарске, напротив, так жадны, что, вырывая из земли мертвых, пожирают тела их». Здесь нашли они шведскаго пленнаго лейтенанта Берха, который принял греко-кафолическую веру и остался здесь жить. Остяки, замечает он, не употребляют соли; и поелику рыбная пища производит в желудке мокроты, то они избавляются от оных следующим странным образом: взяв в рот немного воды, наполняют они остальное пространство табашным дымом и потом все

вдруг проглатывают. Прием сей служит им вместо сильного рвотного. Народ сей, замечает он, страстно привязан к курению табаку. Трубки их состоят из четырехугольного камня, а чубуки бывают деревянные, кожно обтянутые.

Апреля 5-го, в Страстную субботу, прибыли они в Хумгорской погост и остановились в доме у священника. В Светлое Христово Воскресение были они в церкви и видели в оной множество остяков. Жены их стояли в особом месте за холстинною занавескою. Каждая имела на голове большой платок или фату. По окончании литургии пригласил их священник к своему столу и сказывал, что он уже живет 12 лет между остяками. При отъезде хотели они заплатить за постой, но честный священник сказал им: «Избытки, дарованные мне Божию благодатию, разделяю я без всякой мзды».

Выехав из погоста сего, продолжали профессеры путь свой к Березову по весьма неудобной дороге и прибыли наконец туда 9-го апреля. Березовский воевода Федор Иванович Шульгин, отставной поручик гвардии Преображенскаго полку, принял гостей сих очень ласково и отвез их сам в приуготовленные квартиры. Делилю привелось жить в доме козачьяго сотника, коего он называет гетманом, а Кенигсфельду у пятидесятника. Оба превозносят гостеприимство и добродушие хозяев своих. «Едва мы только успели расположиться на квартирах наших,— говорит последний,— как прислали нам жители молока, масла, телятины, гусей и уток».

Вид Березова

Вероятно, предписано было сим ученым ехать еще далее, ибо они описывают невозможность продолжать путь на север, а потому и решились чинить наблюдения в Березове. «Мы,— говорят они,— нашли для сего весьма удобное место в 200 шагах от жилищ наших, и горизонтом служила нам река Сосва».

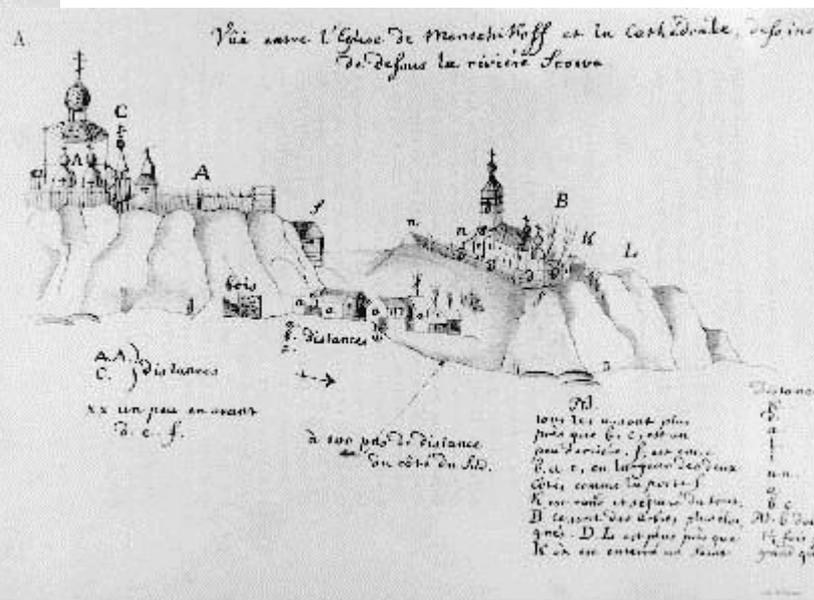
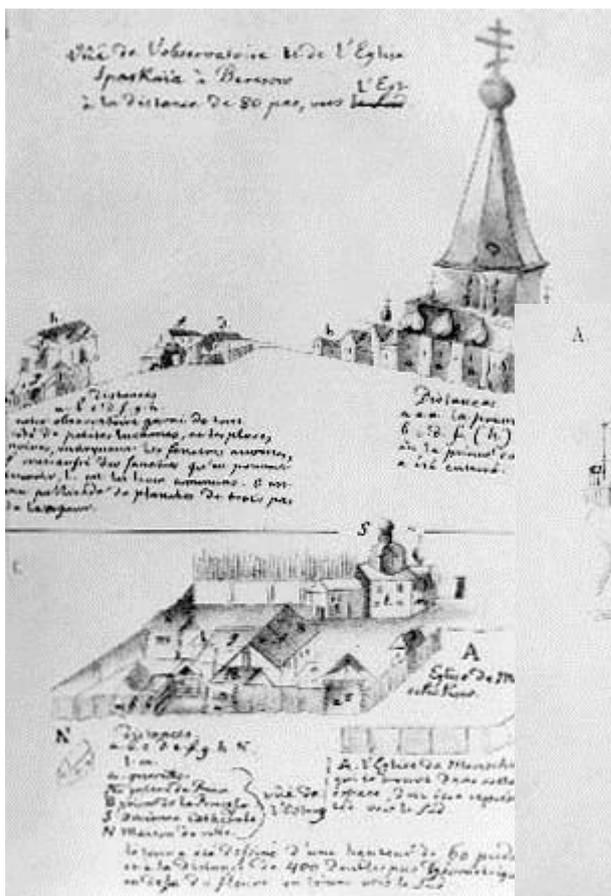
Путешественников сих посещал также нередко майор Андрей Иванович Карпов, прибывший незадолго пред ними из Тобольска с 50-ю солдатами для надзора за

ссылными. Он показывал им острог, в коем сии несчастные содержались, и рассказывал, что стражу переменяют ежегодно. С г. Карповым ходили они также смотреть церковь, построенную знаменитым князем Меншиковым, и видели могилу его, под олтарем находящуюся.

Приготовив все нужное к наблюдению и определя широту Березова $64^{\circ} 3' 39''$, занимались они обозрением города, окружностей онаго и катались на оленях. Хотя животные сии, по уверению г. Кенигсфельда, бегут весьма быстро, но скоро разгорячаются и устают.

Наконец наступило и 22-го апреля, тот день, для котораго они предприняли толь дальнее и тягостное путешествие. Можно легко представить отчаяние астронома Делиля: от самага утра была облачная погода и продолжалась еще час после прохождения Меркурия чрез солнце. «Впрочем,— говорит он,— если мне и не удалось наблюдать сие редкое явление, то взамену доставил я Академии многия другия астрономическия наблюдения».

Маия 12-го вскрылись реки и множество остяков проехало мимо Березова по реке Сосве. Лодки их очень малы: длиною 7, а в ширину 2 фута. Два человека могут удобно нести такую по земле лодку на большое разстояние. Остяки имеют всегда при себе собак, которыя иногда тянут лодку бичевою и вообще служат им вместо работников. Собаки сии волчьей породы и очень походят на волков видом и шерстью. Иногда попадаются между оными и черныя; но только оне не так крепки, как серыя. По ночам производят первыя ужасный вой.

Вид обсерватории и Спасской церкви в Березове на расстоянии 80 шагов к западу от реки Сосвы
 Вид между церковью А. Д. Меншикова и собором
 церкви в Березове на расстоянии 80 шагов к западу от реки Сосвы
 Церковь, построенная А. Д. Меншиковым

Знаменитейшее здание в Березове есть меховой анбар, принадлежащий казне. Городу сему подчиняются 6 остяцких волостей; в каждой бывает от 6 до 7 юрт, кои управляются князьями. Мая 13-го, после полудни, когда ученые заняты были наблюдениями, сделалась жесточайшая буря, каковых, по словам их, в Европе никогда не бывает. Поелику в городе сем весьма мало зданий, то и вредят бури сии, случающиеся большею частию в августе, только лесам.

Вид обсерватории и Спасской церкви в Березове с севера
Вид Демьянского яма

Вид воеводского острога в Березове
Вид тюрьмы князя А. Д. Меншикова

В Березовской округе находится очень много речных бобров, которые строят весьма искусственные здания при реках. Г. Кенигсфельд осматривал бобровый дом и нашел, что он состоял из 4-х отдельных покоев и имел два выхода в реку, среди коих находилась весьма прочно построенная плотина. Остяцкия собаки ловят очень искусно речных бобров; но поелику последние гораздо умнее первых, то и ставят они часовых при выходах, и, когда известятся, что собаки приступили к одному, тогда они чрез другой уходят в воду.

18-го числа, ночью, была жестокая буря с дождем от юга. Река Сосва выступила из берегов с лишком на 7 верст, и город Березов стал на острове. После сего наступила жестокая стужа и все воды покрылись столь твердым льдом, что можно было ходить по оному без всякой опасности. Поелику профессеры забыли термометры свои в Тобольске, то и не могли они определить степени сей стужи.

Ученые путешественники, окончив все астрономическия наблюдения, начали собираться в обратной путь и велели приготовить назначенные для сего дощеники, или род полубарок.

они,— взобрались мы на высокия горы сии, видели густые леса, множество кедровых деревьев; но, побоявшись медведей, возвратились опять на суда».

Безветрие, препятствовавшее ученым продолжать путь к Тобольску, поселило в них охоту посмотреть Торкорский погост, расположенный по восточному берегу реки Оби. «Отправившись к оному на большой лодке,— говорит г. Кенигсфельд,— увидели мы вдруг два ужасныя стада диких гусей и уток. Поелику при нас не было ружей, то мы и не могли выстрелить по ним. Впрочем, каждый выстрел стоит вдесятеро более самага большаго гуся. Остяки ловят их весьма искусно сетями и отдают дюжину за несколько листочков табаку».

Прибыв к погосту, не застали они священника Василия Левина дома: он отъехал на две недели в северныя остяцкия юрты для совершения треб. Жена его приняла путешественников очень ласково и угощала свежими гусиными яйцами, кислым молоком и шаньгами, или сибирскими ватрушками. Путешественники хвалят жену священников не за одно гостеприимство: «Она,— говорят они,— была женщина очень веселаго нраву и забавляла нас своими разговорами». После обеда прохаживались путешественники по горам и видели там множество темно-красных азиатских роз, то есть пионов, коих во всех северных местах растет множество. Корень сего растения называют марьин корень и пользуются оным от разных недугов. «Хотя мы возвращались домой в полночь,— говорит г. Кенигсфельд,— но было так светло, как днем».

Пустившись 26-го числа в путь, повстречали они купеческую барку, плывшую в Березов, и увидели скоро Кетский монастырь. Безветрие доставило ученым случай осмотреть и сие место. «Настоятель монастыря сего,— говорит г. Кенигсфельд,— принял нас очень ласково и проводил на своей лодке к судам нашим». От сего места плыли они рекою близ множества островов, из коих иные, быв совершенно покрыты зеленью, услаждали зрение путешествующих.

28-го числа толкнулся дощеник, на коем профессеры находились, о весьма крутой яр. «Хотя,— говорят они,— мы и весьма испугались, но проворство сибирских козаков удалило нас очень скоро от сего опаснаго места».

29-го числа миновали они устья широкой реки Валыма, текущей от севера. У сего места чувствовали они столь жестокою стужу, что едва могли отогреться, надев на себя все шубы.

30-го числа при весьма приятной погоде отправились ученые к Троицким остяцким юртам, лежащим на западном берегу реки. При юртах сих есть церковь, и священник принял путешественников очень ласково и потчивал их свежими стерледами. Г. Кенигсфельд говорит: «Здесь наслаждались мы столь приятным пением птиц, каковаго нам во всю жизнь слышать не случилось. Мне,— продолжает он,— удалось здесь застрелить такую красивую птицу, что подобныя едва ли бывают в свете: крылья и спина оной походили на темно-синюю эмаль, грудь имела она красную, головку синюю и от головы по шее серебро-видныя полосы». Из описания сего видно, что профессор сей не видал райских и прочих птиц, в теплых климатах обитающих.

Приближаясь к тому месту, где Иртыш соединяется с Обью, почувствовали весьма сильное стремление воды, ощутительное даже в разстоянии 25-ти верст. Поелику Иртыш с прохождением льда переменяет ежегодно логовище свое и стремится иногда на север, северо-восток и даже северо-запад, то и остановились они здесь на якорь, поджидая троицких остяков, которые по цвету воды узнают глубину оной. Сего вечера налетело такое множество оводов, что путешественники почли оных за темную тучу. С великим трудом разогнали их стрельбою.

Июня 1-го числа снялись с якоря и пошли в реку, соединяющуюся с Иртышем. Соединение последней с Обью осталось у них в левой руке. «Место сие,— говорит г. Кенигсфельд,— походит на море, однако ж в зрительную трубу можно было видеть восточный берег реки Оби и устье Иртыша». Сею рекою плыли недолго и взошли 2-го

числа в Иртыш. Вскоре увидели высокие Самарские горы и в полдень положили якорь у Самарского острога.

Здесь нашли они опять г. Фишера, отправлявшегося на Обь, к профессорам Миллеру и Гмелину. Ученые путешественники провели здесь 4 дни, в течении коих занимались астрономическими наблюдениями. Широту Самарского острога вычислили они $60^{\circ} 56' 15''$. Июня 6-го числа пустились они опять в путь и едва успели пройти несколько верст, как настала ужасная буря, сопровождаемая громом, молниею и проливным дождем. «Черное небо,— говорит г. Кенигсфельд,— покрылось темно-бурыми облаками и сообщило цвет свой воде. Временем казалось нам, что мы плывем по огненному морю, ибо подымавшиеся вверх волны, быв разсекаемы молниею, являли вид огненных светильников. Подобного явления,— продолжает он,— нельзя увидеть на берегу».

8-го числа вечером приблизились к калмыцким юртам. Поелику погода была в сие время очень хороша, то и решились ученые прогуляться по берегу и осмотреть юрты. Остяки приняли их очень хорошо, угощали и казались гораздо образованнее живущих при Оби. «Здесь,— говорит г. Кенигсфельд,— увидели мы очень достопамятное явление: серый полуденный орел кинулся на молодую совершенно желтую утку и, схватя ее в когти, поднялся на воздух. Увидев сие, начали мы кричать и хлопать руками; но он, невзирая на сие, продолжал полет свой и скрылся скоро из виду. Сия порода уток так смирна, что служители наши ловили их руками».

10-го числа после обеда прибыли профессеры к Семейковским юртам и увидели здесь два обрубленные и отесанные деревья, на коих нарезано было несколько имен. На вопрос: что это значит — отвечали им козаки, что в мае и июле 1739-го года погибло здесь два судна с людьми, в память коих начертаны имена их на сих полусрубленных деревьях. «Иртыш,— говорит гг. Кенигсфельд,— здесь так быстр, как будто бы он скатывался с высочайшего утеса».

12-го числа миновали профессеры Филинской погост, находящийся на одной параллели с С.-Петербургом. Прекрасной тальниковой лес, коим усеяны берега Иртыша, показался так приятен ученым, что они съехали прогуляться на берег. Там увидели они остяцкую юрту, жители коей показались им настоящими рускими. Остяки сии принесли профессорам живых стерледей и подарили шапочку, весьма искусно из мелких утиных перьев сделанную.

Ночью 13-го числа подошли к местечку, называемому Черный яр. Местоположение было здесь весьма приятно, и жители онаго начали сеять хлеб. «Хотя,— говорит г. Кенигсфельд,— они и пекут хлеб свой из одного ячменя, однако ж он показался нам очень вкусен». От сего места пришли дощеники очень скоро к Демьянскому яму, и священник Антоний, находившийся на оных, отслужил в здешней церкви благодарственный молебен. Место сие, говорят ученые, изобилует хлебом, скотом, дичиною и рыбою. На другой день миновали профессеры устье реки Демьянки. Вода оной много отличается от иртышской: первая имеет черный цвет и очень прозрачна, другая же, напротив, белесовата и мутна. В том месте, где реки сии соединяются, видна черта.

Проходя деревню Какуй, заметили по берегу множество ямочек, и козаки сказали ученым, что в оных живут маленькия птички, называемыя стрижами. Вскоре после сего заметили их около 700, над водою летающих. Они имеют совершенно серыя перья и вполнину менее ласточек. Подобно комарам, летают стрижи не прямо, а из стороны в сторону.

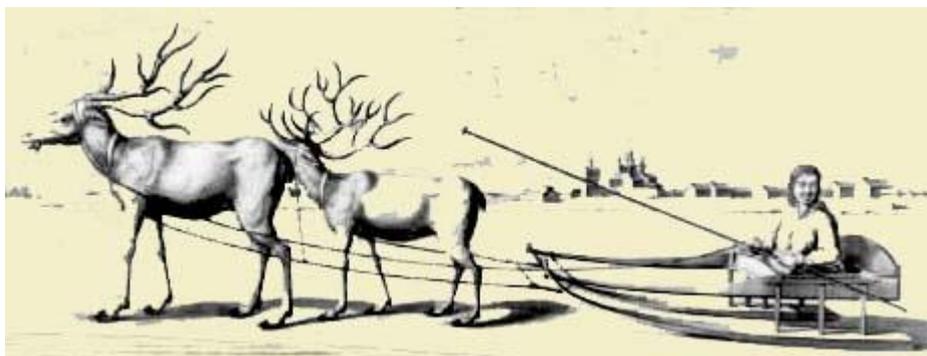
17-го числа поутру путешественники увидели с удивлением пловучий остров. Немедленно отправили они землемера обозреть оный и известились от него, что остров сей толщиной в полторы, а окружностию в 6 сажен. «Острова сии,— говорит г. Кенигсфельд,— образуются следующим образом: Иртыш, протекая с великою быстротою, подмывает выдавшиеся мысы и напоследок отделяет оные от матераго берега. Островов сих встречается на Иртыше немало, и они причиняют нередко вред судам». На другой день встретили еще два гораздо большие острова, на одном из коих было 6 больших деревьев, а

на другом множество цветов. 19-го числа миновали Ясаульские юрты, от коих начинается жилище татар.

Новости литературы. 1823. Ч. 4. № 14. С. 1–11; № 15. С. 17–23.

1771–1772 гг. – В. Ф. Зуев. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Василием Зуевым

В. Ф. Зуев (1754–1794), академик, профессор естественной истории, еще совсем молодым человеком, студентом Академии наук, находясь в экспедиции П.С. Палласа, в 1771–1772 гг. совершил по указанию последнего большую исследовательскую поездку по территориям, где жили остяки и самоеды. Итоги проведенных В. Ф. Зуевым непосредственных специальных наблюдений за жизнью этих людей он изложил в публикуемой этнографической работе, где подробно, красочно рассказывает об их повседневной жизни, занятиях, жилище, одежде, еде, обычаях, религии, влиянии на них связей с русским населением.

Глава 1
Обитание народов

Глава 2
О их языке

Глава 3
Границы

Глава 4
О _____ их происхождении и телосложении

Глава 5
О их платье и украшении

Глава 6
О их житии и экономии
О выделывании кож

Глава 7
О их промыслах

Глава 8
О пище и питии

Глава 9
О их болезнях

Глава 10
О их законе

Глава 11
О их тадыбах, или шаманах
О присягах самоедских

Глава 12
Об обычаях и поступках

Глава 13
О увеселениях

Глава 14
О сватанье и свадьбах

Глава 15
О _____ женских нуждах

Глава 16
О рождении

Глава 17
О погребении

Глава 18
О рыболовстве

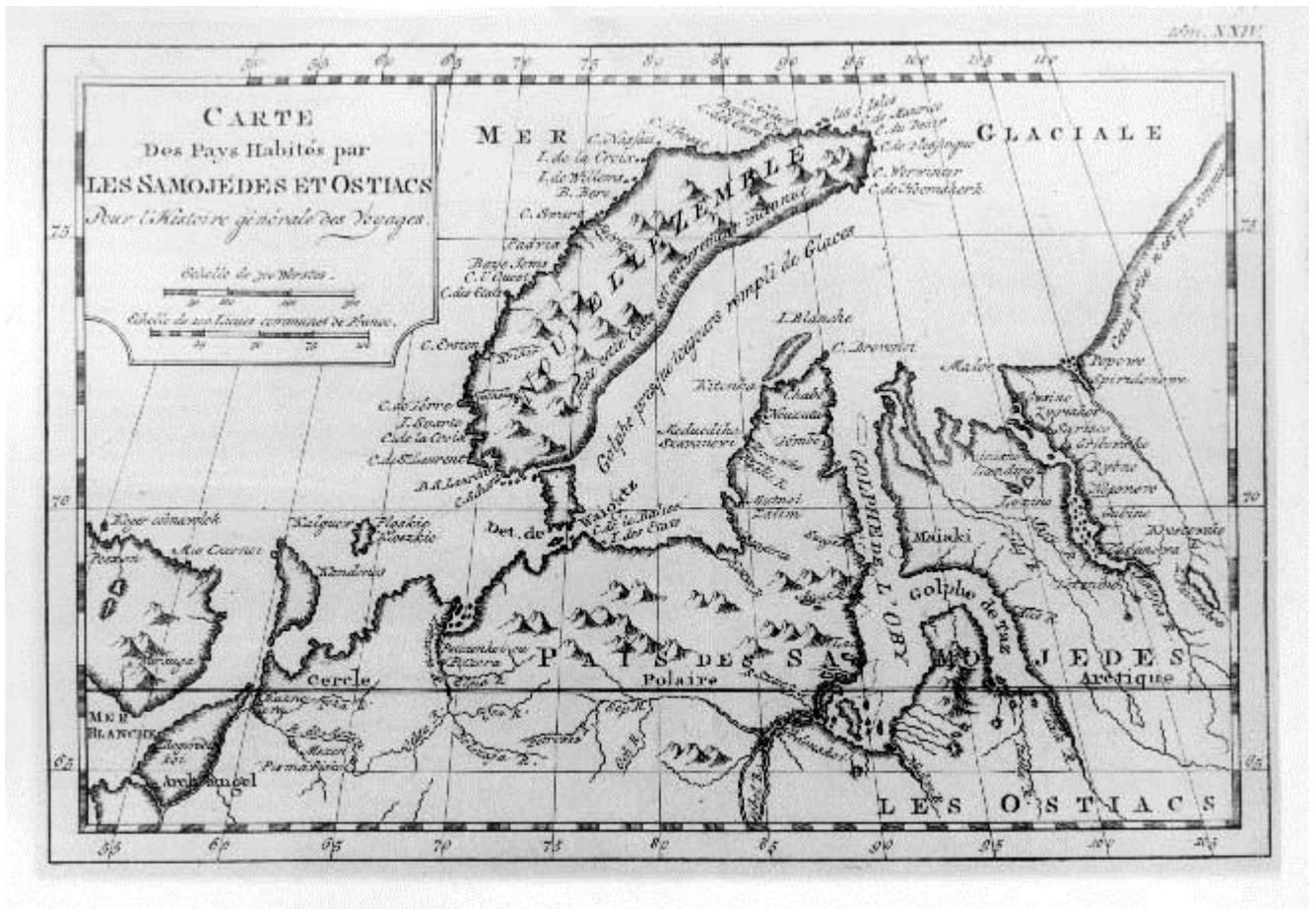
Глава 19
О звероловстве

Глава 20
О _____ птиц/еловстве

Глава 21
О состоянии всей тамошней страны, погоде, травах, северных сияниях и светлости

Глава 22
Об оленях

Глава 1
Обитание народов

Карта земель населенных самоедами и остяками. Вторая половина XVIII века

Самоедская земля, последняя часть к северу, сколь дикая в своем звании и состоянии, столь равным образом и дикими народами обитаема, из коих в Березовском уезде два рода почитаются, то есть остяки и самоедцы, но первые живут далее от берегу Северного моря и, располагась далеко вверх по берегам реки Оби, соединяются уже и с российскими народами; чем наперед можно узнать, что они, более обходясь с русскими, более приняли их обыкновений и поступок и не столь, напротив того, глупы и необходимы, как прочие. Оные хотя и имеют отчасти кочевное свое жилище, но от р. Оби мало отделяются, разве отходят в летнее время по другим речкам за промыслом рыбы, а в зимнее время в тундру за дикими зверьми. Однако все своего первого жилища не оставляют, где у их построены и избы деревянные на зиму, а летом живут в шалашах, по-тамошнему чумах. Напротив того, последние, ближайšie к северу самоедцы, коли можно назвать дикими зверьми, то в сходственности едва ошибиться можно, не имеют у себя узаконенного им жилища, к которому б по времени съезжались, как первые, но почти ежедневно на оленях перекочевывают с места на место, сколько для звериного промыслу и своего пропитания, столь зимою и для оленного своего скота на разные места переезжают, как о том ниже явствовать будет.

Глава 2

О их языке

Язык у всех диких самоедцев одно наречие имеет, которое произносится очень глухо и неясно; говорят в нос с большою ужимкою, так что и слова хорошенько выслушать не можно; однако в некоторых словах многое сходство имеют с остяцким языком, которой произносится более гортанными литерами и гораздо яснее, нежели последние. Но те самоедцы, которые отчасти около Обского устья за рыбным промыслом расположились, суть как междуумки сих двух народов, имеют почти совсем будто особый язык и особенное обхождение, которое описывать в особенностях, кажется, нет нужды, но можно и без того разуместь, что они, замешавшись между сих двух народов, обоим приняли обыкновения и поступки, ибо совсем сходны с самоедскими, сходны и с остяцкими; с самоедскою поступают по-самоедски, а с остяками по-остяцки; однако смещение их везде явствует, так что остяк мало разумеет речей его, равным образом и самоедин мало толкует и хотя они жен берут от остяков и самоедцев, но в том нет нимало затруднения, а понеже таковых немного имеется, то и совсем оставить можно¹. Впрочем, и те, кои далеко друг от дружки отделяются, однако, в рассуждении своей смежности в некоторых случаях не разнятся между собою.

¹ Зув, вероятно, имеет здесь в виду отдельные роды хантов, в той или иной мере ассимилированные ненцами.

Глава 3

Границы

Первых, т. е. остяков, уже не известно обитание и место по реке Оби и рекам, в нее впадающим, но самоедцы по всей тундре, подле берег[a] Северного океана лежащей, разъезжают и разделяются на две части Обскою губою: первая называется Закаменная, по левую сторону Обской губы лежащая, граничит с Пустозерским уездом, начав от вершины реки Соби чрез Камень до Карского залива, от которого по берегу Северного моря до самого устья Обской губы; Низовая же по правую оной сторону, от Тазовской губы по Туруханское ведомство границы свои расположила.

Глава 4

О их происхождении и телосложении

Что же касается до их происхождения, то едва можно верить самоедскому заблуждшему рассуждению. Напротив того, как и русские производят, будто бы произошли от татар, когда славной разбойник Ермак, разоряя Сибирь, рассеял весь род татарской по незнакомым сим местам, и, хотя за верное полагают, аки бы Ермак был и ниже Березова*, однако ж через толь немного время нельзя верить, чтоб произошло новое идолопоклонство и совсем новый язык, в коем нималого остатку и сходства с татарией найти бы нельзя было. И так хотя и совершенно за лучшее б их причесть к роду неведомых, прежде бывших в тех местах народов², однако не без основания истории можно положить и самые их речи, о которых, правда, немногие и толкуют.

Перво, когда еще земля им казалась быть пустая, были в том краю родные два брата, из которых большой назывался Ваги, а малой Хазова³, кои оба промышляли первое лето оленей, от чего и были довольны одеждою, на другой же год стали промышлять ежи, тогда были наги, что и принудило из их одному промышлять рыбу, а другому оленей, но когда по прошествии времени один другого звал к себе в товарищи, а обоим свое житье показалось мило, то в том друг дружке и отказывали, отчего, рассердясь, малой брат

назвал большого Ваги, от коего произошли вогуляки и сходственные остяки, а от того произошла самоедцы; однако каждой рассудить может, что сей хорошей вымысел, коему совершенно верить нельзя, а неотменно положить надо, что сии останки суть древних язычников. Впрочем, естли сравнить их с другими народами в рассуждении их отдаленности, то заподлинно можно почесть особливим, не только в языке и поступках несходным, но и самое их телосложение доказывает род отдельной, ибо пусть остяки по смежности с ими сходны, как и другие дикие в севере живущие идолопоклонники, однако и тут, рассмотря сих двух хорошенько, можно легко знать, которой остяк или самоедин. Между остяками немного найти можно с лица пригожих; напротив того, все росту малого, так что и средних редко найти можно, волосом же более светло-русые, а самоедцы по большей части волосом черные и черно-русые. Рот большой, губы толстые, нос к ноздрям широковатой, ноздри отворенные, обще же сходствуют между собою, что росту небольшого, лица смуглого, житья грубого; однако последне (самоедцы) гораздо пропорциональнее, красивее и здоровее (а особливо пол женской), мускуловаты, житьем гнусны, в обрядах очень сходственны.

«Самоед». – Из книги К. де Бруина «Женщина – самоедка». – Из книги К. де «Путешествие через Московию в Персию и Бруина «Путешествие через Московию в Индию» (1714) Персию и Индию» (1714)

Впрочем, как немногие о своем происхождении толкуют, так мало об их и разуметь можно, ибо я сам от некоторых слыхал, будто бы и русской был причтен в число третьего брата, коего и донине называют Луце (коли не вымыслен перевод, что значит воин⁴, а Луце нинзилие — воин сердитой), однако можно догадаться, что они тогда русских

назвали воинами, когда при покорении их угнетали. Напротив того, что самоедцы по своему имени называют себя умнее (Хазова войгутта — мужик умной), а остяков глупее, но в том совершенно они ошибаются, ибо во всех поступках и в речах можно остяков предпочесть самоедцам, а может быть, и потому, что сии ближе к русским и больше около их обращаются, нежели те, которые живут в отдаленности в неведомых тундряных местах.

Сей обузданной уже почти народ остяцкой почти всякие обиды сносит терпеливо, нежели те отдаленные, которые из малой вещицы по своему заблуждению рады драться, а в случае голодного времени и без причины на русского руки смело подымает. Впрочем же, хотя в своем звании дики и грубы, однако просты и милостивы, для себя скупы, в случае для русских щедры, к вину оба сии народа, не выключая баб, девок и малых ребят, столь лакомы, что если бы у них довольно его было, то б мало из малых младенцев на свет выросло. Сговорчивы, заведших бунт орудием не склонишь, кроме ласкою. В разных промыслах трудолюбивы и в трудах прилежны, а особливо пол женский, для честного честны и ласковы, с соседями согласны, легкомысленны, странноприимчивы, в спорах уступчивы и при их дикости верны и справедливы. Напротив того, об остяках нельзя того сказать, чтоб были столь дики и грубы, как самоедцы, но что просты, не ссорчивы, прилежны и согласны, в том ошибиться нельзя, и что смело с сим народом поступать можно, то докажет их обузданное снисходительство.

** Но в сем мнении много они ошибаются, хотя бы то и правда, что был там какой-нибудь рассыльщик из ермаковой шайки, которого и вероятно, что они по тогдашнему страху почли за настоящего Ермака. О чем смотри «Сибирскую историю» Г. Миллера.*

² *Гипотезы о происхождении ненцев, созданные в конце XVIII., касались лишь связей ненцев с южной Сибирью – Саянами. Позднее, в 40-х годах XIX в., Кастрен развил их. Все эти гипотезы совершенно упускали из виду то обстоятельство, что приполярная зона была населена еще до прихода туда предков ненцев. Зуев первый упомянул о «неведомых, прежде бывших в тех местах народах».*

³ *«Хазова», вернее, «хасива» — по-ненецки мужчина, ненец. «Хасава» является самоназванием у некоторых групп ненцев.*

⁴ *«Луца» — по-ненецки русский.*

Глава 5

О их платье и украшении

Платье, како у тех народов в употреблении, есть простое из разных ими промышленяемых зверей, а не от русских покупаемое, кроме одного холста, да и то редкие, разве богатые из остяков, имеют, а прочие по большей части ходят нагие, как и женщины, в одних только тулупах. Мужское зимнее состоит внизу из малицы, которая делается из вешних⁵ оленьих кож, с рукавицами, длиною до колена, и надевается мешком вниз шерстью, верхнее платье, гус называемое, из зимней оленины, или постели, шьется таким же образом, но с головою⁶, которой носят на малице. Внизу имеют штаны ровдужные и на ногах из тонкого неплюя⁷ вниз шерстью наподобие чулков чажи⁸, а на них надевают из оленьих лап сшитые сапоги, или пимы, у которых подошвы делают из оленьих щеток, или пяток, доказывая к лучшему, что грубая и непорядочная пятная шерсть не скользит под ногою и бывает гораздо прочнее, нежели из лбов оленьих. Летом ходят нагие в одних только малицах, которые иные щеголи делают из лоскутков разных сукон и опушивают кундами из собачьей белой шкуры или песцовыми хвостами. На ногах летом имеют легкие ровдужные, наподобие пимов неговай⁹, красною краскою и ржавою раскрашенные, у коих подошвы более из оленьих лбов бывают.

Еще ж у их бывает легкое платье, которое в случае и зимою и летом носят, называется парка и шьется тем же подобием из оленьей телячей кожи вверх шерстью, с рукавицами и

головую и опушивается как около подолу, так и около головы белою собачиною. Таковая носится по рассуждению холода и одинакая и по малице, но сию последнюю я видел только у одних остяков, а у самоедцов нету.

Напротив того, женщины остяцкие носят по голому телу долгие тулупы¹⁰, которые шьют по своему покрою пространные, но чтоб пола с полою сходились, которые завязывает завязками и притом везде строго наблюдает, чтоб пола не распахнулась, чему все русские дивуются, и совершенно за великого щастливца между проезжими россиянами тот признается, которой у присевшей в трудах остятки невзначай увидит стыд, заткнутой отлепом¹¹, которой делают из таловых стружек, мелко выстругенных и после мягко вымытых. Летом ходят босые¹², а зимой в неговаях.

Что же касается до головного их убора, то сему, не знаю, кто б не мог в их жизни дивоваться. Волосы их и без того грубые и жесткие, как щетины, а они к тому ж их никогда не чешут и не знают, что то есть чесать волосы на свете. Мущины ото лба вокруг головы подбревают, а верхушку же оставляют с густыми волосами¹³ просто, и, хотя они не пекутся о том, чтоб заплетать их в косы, однако волосы сами по косам сваливаются и на голове лежат, как крепкой войлошной парик, которой, рукою прокапывая, едва дощупывается тела. В таком состоянии возможно ли подумать, чтоб не было у их вшей множества, заподлинно я сам видал довольно между остяками и самоедцами, что бабы у мужиков ищут вшей не глазами, а ошупью, коих и едят без всякой брезгливости, но, хотя при русских им было и стыдно, однако в ответ без всякого зазору сказали, что оне-де нас кусают, то мы равным образом и их должны кусать без милости. Бабы же, напротив того, головы хотя и не чешут, но долгие свои волосы заплетают в косы, которых две назаде связывают вместе, а некоторые богатые имеют будто повязку¹⁴, у коей концы назаде долгие и расшиты разными медными фигурками, как коньками сделанными, рыбками и прочее, сверх которого обыкновенно все носят на голове покрывало, по-ихнему вокшем¹⁵, которое никогда ни у бабы, ни у девки с головы не сходит, и во время прихожих людей и своих сродных, кроме одной матери, будто от стыда им закрывается; из молодых же, коли что-нибудь делает, то и совсем от сторонних лицом в угол отворотится.

Впрочем, и сие у остяков за меньшее почитается украшение — выписывать наружность своего тела, из которых на руках я видел столь хитро выписанные фигуры, что дивиться тому надо, как они чрез то себя не могут испортить, ибо в местах около локтя опасных и на самых жилах видно столь глубоко тыкано иглою, что сажа, которою они после иглы ранку замазывают, внутри разопльвшись, немалое синево причинила, но сие хотя я и спрашивал, но никто, мне кажется, не отвечал справедливо, ибо иные говорили, будто бы сие у их вместо пускания крови служит. Можно бы тому и поверить, но у их вышивают и молодые равным образом, и те, кои в век свой болезни не ведали; напротив того, я почитаю, что каждому остяку более бы надобно было крови прибавить, нежели еще выпускать оной, притом же они, как скоро выколят те фигуры, то тотчас замазывают сажею, чтоб после уж пятно не стиралось, а что их у всех тот обычай писать на ногах и на руках, то совершенно должно почесть за украшение в своем роде¹⁶. Мущины же хотя и имеют, но немного, и то для одного знаку, которой у их записывают при ясаке вместо имени¹⁷. В ушах женщины носят серги долгие на ниточках, на которых навздеты многие разноколерные корольки, а мущины все также почти имеют маленькие нитяные колечки.

Самоедцы, напротив того, хотя народ отменной и далеко отделенной, однако в одеянии мало разнствуют мущины, ибо имеют то же самое платье, как и остяки летом и зимою. Но о голове, хотя и не брегут равным образом, однако из их более щоголей выбрать можно, нежели из других. Головы хотя не чешут и хотя она также свалилась войлоком, но убрана на разные косы, кои до смерти его не развиваются¹⁸. А пол женской часто оную чешут, убирают обыкновенно бабы на две косы, а девки на многие. Естли же вдова выйдет за другога, то на виске оставляет для третьей косы растрепанные волосы в знак печали по первом муже. Ходят всегда с непокрытой головою, разве в дороге зимою надевают шапки, русским чебакам подобные. Серги в ушах короткие корольковые, платье же совсем от

остяцкого отменное, а более, думаю, камчадальскому подобное. Хорошее, но одноманерное всегда, платье бывает из разных суконных лоскутков, на груди и на спине из неплюевой кожи. Сзади и спереди навешено несколько лоскутков из оленьих кож, также и сукон, кругом имеются по платью три кунды (опушки) из разных лучших зверей¹⁹, спереди не застегиваются, но подпоясываются ремнем, и на брюхе, вместо завязывания узлом, имеет большое железное кольцо, за которое другой конец ремня привязывает, впрочем, шуба сия не долгая и не пространныя, но чтоб полы только сходились, а длиной пониже колена, внизу носят штаны ровдужные, безо всякого затыкания¹¹, как у остяков, на ногах пимы либо неговаи.

Впрочем, зимой и летом носят шубы по голому телу. В шубе спит и в шубе от начала жизни даже до смерти пребывает. А мужчины спят всегда нагие, в одних только штанах.

⁵ Неточно. Малица шьется обычно из осенних оленьих шкур. Возможно, что автор под словом «вешние» подразумевает телят, родившихся весной данного года.

⁶ Согласно описанию Зуева, капюшон - «голову» имеет лишь верхняя одежда гус (совр. сев.-русс. «гусь»), а малица его не имеет. Ныне в районе, посещенном Зуевым, малицы шьются только с капюшоном. Очевидно, в XVIII в. покрой одежды у ненцев еще не вполне утратил черты южного происхождения: малица, будучи уже глухой полярной одеждой, еще не имела капюшона.

⁷ От ненцев. «нябллой» — оленья шкура, снятая осенью (в августе).

⁸ «Чажси», совр. сев.-русс. «чижи», «тяжи» (ненецк. «тобак»; хантыйское «кеш») — меховые чулки.

⁹ «Неговаи» — хантыйск. «нюкё вей» (нюкё — ровдуга, вей — обувь).

¹⁰ Хантыйск. «сах» — женская шуба из оленьего меха, двойная, с прямым разрезом спереди.

¹¹ Здесь идет речь о распространенном среди хантыйских женщин обычае вкладывать в вагина стружку — отлеп. Стружка эта заготавливалась зимою из мерзлого дерева и заменяла хантам полотенца, тряпки и т.п.

¹² Указание автора на то, что «летом ходят босые», следует, очевидно, отнести к женщинам, поскольку мужская летняя обувь описана выше. Однако известно, что хантыйские женщины круглый год ходили обутыми и считали большим стыдом показывать обнаженные ноги не только посторонним людям, но даже и членам своей семьи.

¹³ Стрижка в кружок у ненцев сохранилась в некоторых районах до наших дней.

¹⁴ Речь идет, по-видимому, о косниках (хантыйск. «сэв»), которые состояли из кусочка кожи овальной формы, украшенного бисером и медными пуговицами и прикреплявшегося на затылке. К концам этого украшения привязывались два длинных жгута, оканчивающиеся треугольниками из кожи. Жгуты соединялись между собою медными цепочками и имели большое количество фигурных подвесок из меди.

¹⁵ Вокшем — хантыйск. охиам. У хантов существовал обычай закрывания лица замужней женщиной в присутствии мужчин — старших родственником мужа. Этот обычай, по-видимому, может быть поставлен в связь с появлением брачного запрета внутри определенной группы лиц.

¹⁶ Татуировка, кроме отмеченных Зуевым двух значений (медицинского и эстетического), несомненно, имела еще и религиозный характер.

¹⁷ Так называемая тамга (хантыйск. «ёш пос») — буквально «руки знак».

¹⁸ У хантов и у некоторых групп ненцев мужчины расчесывали волосы на прямой пробор и пучки волос над ушами туго обматывали цветными шерстяными инурками.

¹⁹ Женская зимняя одежда с тройной опушкой по подолу ныне сохранилась у ненцев только в некоторых европейских тундрах. Во времена Зуева она была распространена и за Уралом.

Глава 6
О их житии и экономии

«Чумы самоедов». – Из книги К. де Бруина «Путешествие через Московию в Персию и Индию» (1714)

Сколь дикой сей народ и гнусной в своем житии, хотя того и не можно заключить из краткого сего описания, однако здесь мною поступаемо было так, чтоб верить одному только слову, а не пространному того описанию, в которое я нимало [не] не старался. Нельзя тому поверить, что остяки руки никогда не умывали, но всегда с их рук или около чищения рыбы грязь смывается, или мокрые о негодную спальную свою шубу обтираются, и хотя всякому брезгливому смотреть на такое житье будет странно, однако и принужден будет терпеть великодушно и удивляться их невежеству. В самых их жилищах нет никакой чистоты и порядку, нет никакой опрятности и, кажется, нет нималого к тому рачения, ибо и хорошие уже ребята редко из юрты на двор выходят, а большие, по крайней мере, около юрты нужду свою и оправлять должны, будто бы так надо по ихному закону. Сие свинское житие каждому покажется невероюно, однако кто на их жилища хотя издали посмотрит, тот в верности сего описания не усумнится.

Остяки, во-первых, избирают места свои на зимнее время обыкновенно подле воды, где на сухих местах строят деревянные избы, которые бывают без крыши, а только на потолок насыпают земли, на котором вырублено четверугольное окно небольшое, кое зимою для свету вместо слюды льдиною закрывается. Изба имеет совсем особое строение и строится по большей части четверугольно, за неимением толстого лесу, и из тонкого окладывается как надо, без переключивания между бревнами моху, а некоторые такие ж юрты имеют в земле как выходы, в коих пространство разделено на столько семей²⁰, сколько живут в юрте, и, хотя за множеством нешироко место достается, однако каждая остячка со всем своим экипажем и детьми должна в узком том отделенном месте жаться, при своем огне сидеть и работать.

Из сего видно, что у их нет никакого убору и опрятности, но где что как положено, на том и валяются. В таких избах бывает семей три, четыре и пять семей вместе²¹ и если случатся младенцы, то каждая в своей норе пред собою имеет зыбку, в коей насыпано для мягкости под младенца истолченного гнилого дерева, на которое кладут, и, одев малою шубою, увязывают крепко и качают, а другие ребята спят с отцом и матерью рядом. Посреди всей избы имеется огнище, над которым варят себе пищу, кто когда захочет, как для себя, так и для собак, кои со щенятами в тех же юртах гнезда свои имеют под их спальными лавами. Добрые собаки никогда из юрт не выпускаются, а езжалые на дворе всегда около юрты пребывают, но когда остяку куда ехать понадобится, то всех сгоняет в избу и, тут накормя, запрягши, выезжает. Впрочем, и все собаки обыкновенно в юртах трескаю, а из некоторых и спят тут же и касят без всякого после очищения, чего ради во

всех оных юртах такой дух мерзкой, что долго сидеть, верно, никто не согласится, ибо тут же сушат и рыбу, которую зимой напромышляют, и ежели думают, что для собак летнего корму не достанет, то кости тут и позымы жарят, отчего вся юрта вверху так закоптела, что на потолке и тенетах сажа висит сосульками.

Во всех юртах обыкновенно такая чистота бывает, что от мочи и сору никогда не очищается, разве в жаркие дни сама высохнет.

Что же касается до ихней прочей поклажи, как оленин кожи, постели и прочие зверевые шкуры, те кладут в лабазы, в лесу построенные, без всякого прибора и от воровства опасения, а оленин кожи около лабазу часто и так на весь год лежат на санках оставленные, иногда и в дальнем от юрт расстоянии.

Вся их экономия состоит в содержании оленного скота, но из остяков, кои живут около Обдорска, много таких найдется, которые ни одного оленя не имеют, а кои выше по Обе расселились, те об их и не думают, но по дороге от Березова до Тобольска содержат некоторые и лошадей, на которых подводы гоняют, а промыслов своих не оставляют.

Нужда их научает перенимать российские обычаи, но за что ни хватятся, то все видят от россиян дорого, а покупать не из чего, ибо все остяки которые живут в отдалении от русских, мало имеют и понятия об деньгах, разве те, которые около Березова и выше находятся.

Некоторые из богатых остяков имеют у себя мыло, коим моются, и, хотя за хорошее для выедания грязи признать можно, однако российское почитают за знатной гостинец. Ихнее мыло весьма едкое и совершенно их рукам сродное, потому давняя грязь в тело так въелась, что и ядовитыми зельями в бане едва отмыть можно, и, хотя оне не каждой день тем моются, однако новую грязь скоро отъедает. Они делают сами из золы и жиру таким образом: перво в котел положат золы немалое количество, к которому прибавляют несколько жиру, так, чтоб не жидко было, и варят по тех пор, пока сгустеет и на дно сядет, как кисель, которой, разрезав частицами, завертывают в тряпички; а когда мыться надо, то, помоча немного клубок с зольным мылом, сок из его выжимает, коим трется, и, хотя на первой случай оно марается, однако напоследок грязь так отъедает, что сие остяцкое изобретение должно почесть между лучшими вещами в их экономии. Но сие только богатые имеют или их князцы, а у которых немного жиру или, лучше сказать, которой не знает чистоту различить с нечистотою, тот истинно мало думает не только о мыле, но и о умывании рук не помышляет.

Платье обоих народов хотя гнусное, простое и никакого от праздничного не имеет отличия, но все одинакое, однако тем они себя щастливыми считают, что не имеют дальнего в том затруднения и бедности, но всякой бедной, коли никак промыслить не может, носит его до тех, пока все на нем истлеет. Все сие достают они легко между собою или меною с богатыми, или служением²², или самое легко находят средство обогатиться, коли есть где наняться в пастухи за оленями, однако таковым около своих мало удастся исправиться, потому что своего мирского суда боятся, но естли такой недоброй совести попадет в русское стадо, то скоро, не бояся нимало будущего обвинения, хозяина разорит, а сам разбогатеет, ибо стада русских оленей ходят в тех тундрах, где и иноверческие пасутся, и хозяин один раз в год приезжает пересчитать и перепятнать их, но пастух, куда б сколько не утратил, на все легко ответ сыскать может: или пропал без вести, или зверь изорвал, хотя и совершенно видно, что ушло на его собственные надобности, но уже того никоим образом отыскать нельзя, потому что там судьи и в важнейших делах русских с остяками не судят, а особливо с богатыми. Правда, хотя сему пастуху стадо пасти не без труда и не без беспокойствия достается, однако, в рассуждении уже их к тому привычки, бедности и за то заплаты, можно почесть за малое, но он, не рассуждая того, что уже и так доволен, еще хочет жить навсегда богато и получить ту честь, как у их богатых почитают. Трудолюбивый сей народ хотя ветренным своим умом и рассуждает, что там или инде место для его будет спокойнее, но истинно везде несносное их состояние, которое, однако, по привычке сносят нечувствительно. На месте хотя б всякой из их хотел быть

спокойным, но разные промыслы, которые одне в его уме пребывают, понуждают его вступать во вся тяжкая, и по привычке своей ко всем трудностям уже и не почитают себе оное тяжестью. Женщины же я не знаю, когда б они хотя час праздно сидели. Верно одервенелые руки труды их докажут, во всем дому живет не как жена, но как служанка, да так между ими и почитаются. На месте иль в дороге, не включая того, что мужу во всем помогает, расстанавливает она чум, колет дрова, раскладывает огонь, варит есть, и муж до тех пор с санков не слезет, покудова все в чуму не будет управлено; тут его обсушивает, там обшивает, а он, переодевшись, пойдет опять за промыслом, куда надобно.

Варварские их с женами поступки еще более грубое состояние увеличивают, ибо где б то ни было, не говорит он с ею никогда ни слова, а хотя что и понадобится, то жена должна из одного только слова понимать его надобность²³. С промыслов что привезет, жена все убирает, и он ни во что не вступается, так что сколько б он ни привез битых оленей или чего другого, ободравши кожи, дает сам жене выделывать, хотя б уже и без того на такую работу ей времени недоставало, но к таковой суровости еще прибавляет: «Скорее». И так во всем у их женской пол раболепствует и более, нежели у строгого господина рабу подлежало.

О выделывании кож

Выделывание кож обоих сих народов очень изрядно, тем наиболее, что мочи мало боится, которая в мех хотя и попадает, но по высушке кожу не коробит, а только требует вымять ее руками. Оное докажут тобольские купцы, которые невыделанные остоятками кожи мало так увозят, только тем недостаточно, что в подборании пушных мехов мало знают толку. Но какие бы ни были шкуры, выделывают одним образом двумя обыкновенными у них инструментами, из которых один сделан, как узкая коса, в длину дерева выставленная, по обоим концам дерева дырки, чрез кои продернута веревка, наперед привязывается к колу или надевается на ногу, а самой инструмент держит меж колен, острием от себя, об которое последнюю мездру стирает, но сим же отделяют кожу наготово. А перво, когда к выделке еще приступают, но есть у их другая узенькая поскребалка, поперег в дерево вставленная, у коей концы выточены и загнуты оба в разные стороны, сим при первом случае соскребавают толстую мездру, а потом разжеванною икрою или варкою прыщут на кожу, чтоб отсырела, и после, свернувши, кладут на сутки, чтоб отмякла, а потом уже начнут вышеупомянутою поскребалкою скрести дочиста, напоследок тут же в чуму сушат и мнут руками.

Но сие разумеется про те, коих кожа толста, как лосина или оленина, а коих кожа тонкая, те выскребаются ножом, а по смочке икрой или варкою мнутся они не на поскребалке, а руками, и поелику всякая кожа у их в чуму от начала даже до конца выделки вешается всегда в чуму, в котором всегда дым вверху бывает, а в погоду так и до полу, то и не дивно, что сии кожи, чрезвычайно напившись дымом, мало дожда боятся. Кроме варения мыла, сия работа у обоих народов общая, как у остяков, так и самоедцов, да и во всей оной главе нет у них разности между собою, но во всем сходны, чего ради о самоедцах и писать особливое не осталось, кроме того, что упомянуть, что каждой из самоедцов сколько-нибудь имеет своих собственных оленей, сам пасет, и разве богатые скудных к себе на помощь будто б в работные принимают, за чрезвычайным еже множеством оленей и притом коли у его детей взрослых нет, то таковых работников нанимает, ибо у их оленей бывает у скуднейшего от десяти, у богатого стадо до трех тысяч езжалых и ему самому каждой пошерстно известных, но, кроме сих, уже за множеством неизвестное ему число ненаезженных оленей по тундре в стадах просто шатаются²⁴.

«Внутренний вид чума самоедов». – Из книги К. де Бруина «Путешествие через Московию в Персию и Индию» (1714)

Живут все зимой и летом в чумах на тундре, а изб никогда не имеют. Женщины равным образом жалки при их трудностях, как и другие, а что сии по степи каждой день в свой век переезжают, то уже выше изъяснено довольно, что до их жития и экономии касается, то ни в чем не разнствуют, разве что самоедцы не имеют лабазов, где б класть свое зверевое богатство²⁵, то они за собою с места на место перевозить трудности не почитают. Итак, экономия сих народов наиболее состоит как в содержании оленей, так и в разных промыслах, о которых я намерен упомянуть каждое в особливом месте пространнее, а теперь приступаю к краткому изъяснению их промыслов, от коих они питаются.

²⁰ Вдоль стен юрты располагались земляные нары, которые делились перегородками на отдельные помещения для каждой семьи

²¹ Речь идет о так называемой «большой семье».

²² Уже в XVIII в. разложение первобытнообщинного строя у ненцев было достаточно оцутимо. Зуев вполне правильно отмечает имущественную дифференциацию и эксплуатацию чужого труда – «служение».

²³ Здесь, конечно, дело не в презрении к женищине, а в запрете говорить с женою, особенно молодой, в присутствии определенных лиц, запрет называть ее по имени и т.д.

²⁴ Столь резкое колебание размеров стад ясно указывает на значительную имущественную дифференциацию. То же для европейских тундр было отмечено в 70-х годах XVIII в. И.И. Лепехиным

²⁵ Если ненцы в XVIII в. даже и не имели лабазов, то отсюда не следует, что они круглый год возили с собою все имущество. Лишние вещи и различные припасы складывали в особые нарты, которые оставляли на пути сезонной кочевки и, при возвращении (например, с летовок), снова брали с собой.

Глава 7

О их промыслах

С молодых еще лет малые ребята давно привыкают нести всякую трудность, как видно из грубого их житья, которое их нимало ни в каком случае не приводит в сожаление. Верно можно сказать, что сей народ рожден к понесению трудов несносных, и, действительно, если бы они сызмала к тому не привыкали, то бы отцам мало бы было надежды видеть сыновей больших себе помощников и к понесению трудов удивительных охотников. Лишь мальчик начнет мало иметь понятия, то мать или нянька не иным чем тешит, как бряцанием лушной тетивы, а когда ходить начнет, уже отец ему и лук готовит. Я, в проезд мой чрез остяцкие юрты, мало видел таких ребят, кои бы в простое вечернее [время] между игрою без лука шатались, но обыкновенно или по деревьям, или во что-нибудь по земле стреляют. Там городят езы²⁶ около своей юрты, там запоры, и кажется, будто бы их игрушки уже будущую жизнь предвещали. И совершенно если посмотреть на ез, чрез какую-нибудь реку сделанной, то нельзя видеть, чтоб когда-нибудь тут старики с важанами²⁷ сидели, кроме малых ребят, а большие сами плавают по рекам или с неводами, или с кылыданами и переметами, где уж малого, или не в силах, или не разумеет, посадить нельзя.

Во все лето остяки рыбу промышляют разными средствами и никуда не отлучаются, которую на весь год как про себя, так и для собак запасают довольно. Запас их состоит в обыкновенной всем пище. Поземы, варка, порс, ютта, рыбы кости и проч., из которых последние запасают для корму собак. Но весь свой запас сырьем никогда не оставляют и, чтоб не загнил, то оной или на ветру сушат, или на огне поджаривают, как например, поземы поджаренные едят во всю зиму, вместо хорошего кушанья с варкою, тем же гостей потчуют и все летнее время, когда остяк сыт, хотя и не столь к оному лаком, однако, напротив того, зимою и русские охотно вместо даров от их принимают. Летом же остяки потому сего зимнего запаса гнушаются, что видит сам себя уже довольно, и действительно каждой из их тогда как будто переменится, потому что русские беспрестанно тогда к им приезжают за рыбою, и вместо торгу, или на вино, или на что иное меняют, того ради нередко и пьяны бывают, а при промыслах почти ежечасно едят сырую рыбу, еще лишь только из воды вытащенную, трепещущую с кровью трескают, отчего в тогдашнее время едва с им заговориться можно, ибо рыбой сырой дух как из рота, так и от его самого принуждает в разговорах от его или стоять далее, или и совсем отворотиться.

В то же самое время семейные мужики отходят иногда в тундру за диким оленем вместо гулянки, но сие, правда, редко случается, а особливо если рыбы привал бывает хорошей, а по большей части все отходят за разным зверем осенью, по первому насту, гонят лосей и оленей, от коих промыслу осень также провождают без малейшей скуки, ибо когда убьют оленя или сохатого, тотчас пойдут вести от промышленников о множестве или недовольстве того зверя, однако хотя один зверь попадаетея промышленному, то он со всею роднею тотчас сделает праздник. Разнявши его, в юртах едят перво внутренние его части: почки, легкое и тому подобное, сырые, в теплую кровь обмакивая, потом остальное или варит, или завяливает на зиму и в дыму закапчивает, дарит своим приятелям сию новость и сам ест с великим удовольствием, нередко и при жертвоприношении, о чем показано будет ниже. В зимнее же время хотя рыбной промысел из-подо льду и не оставляет, но о зверях тогда более думают, ибо рыбная ловля по большей части тогда бывает мордами²⁸, то сие осматривать могут и малые ребята, а большие и старики здоровые уходят иногда столь далеко в тундру на лыжах, что до самой глубокой зимы не возвращаются. По рекам промышляют соболей и белок, в чистых тундрах песцов и лисиц и что ему попадет, но больших зверей тогда хотя и не упускает, но целого вести с собою тяжело, то, сняв с его кожу, мясо закапывает в глубокой снег, за которым после на оленях приезжает.

Горестно сие кажется состояние приводит иногда в сожаление и в большее удивление, когда, начав смотреть на такого промышленника, на котором платье чуть трепещется, на голых ногах чажи с пимами, идет на лыжах по снегу в сильную погоду, тянет за собой с

добычей или пустую с запасом нарточку, ничего при себе не имеет, кроме кремня и огнива; лук, стрелы, табак курить и нюхать суть настоящие его дорожные припасы, и без коих ему обойтись не можно, а особливо табак, на котором вся его лежит надежда. Однако никогда еще не слыхано, чтоб кто-нибудь из их замерзал и в сильные зимние морозы, разве познобит что на лице, то хотя и неудивительно, потому что ходят всегда лицом открытым, но и оное приключается разве тому, которой, вышед первой раз на промысел, морозу испужался и начал лице кутать, тем его и испортил. И хотя совершенно признаться можно, что такому дорожному, всегда на стуже и лишней одежды не имеющему сумнительно, чтоб огонь так много под деревом сидящему остяку мог подать помощи, и хотя они все случай изыскивают к разгорячению своей крови, много курят в себя табаку, много нюхают и после ноздри отлепом затыкают, но при всей свирепости тамошнего климата сие всяк сочтет за маловажное, а верно сказать могу, что они в самой крови имеют большую особливость, как сырое и притом парное, зимою мерзлое, в довольствии хотя каждой час употребляемое вместо лакомства кушанье докажет, а притом ихные труды и суета наибольшим тому служат средством, как выше показано, что и самые богачи лености вовсе не ненавидят.

Всегдашнее упражнение делает их во всем проворными, но крови в их, за верное полагаю, немного количество, так что ни сухость тела и крепком сложении, ни бессилие, но скрытые силы тому свидетели, и редкие в их век болезни, кроме подагры, с цынгою смешанной, и расслабления от прелестной охотки ясные суть доказательства. Мне самому случилось пробовать их пульсы, которые под рукою столь сильно бились, что если б положить на напрягшуюся жилу нечувствительную тяжесть хлопчатной бумаги, то б легко то глазом приметить можно было, несмотря на то, сколь их кожа в самом существе толстая и жесткая.

И хотя оне нимало не стараются о применении своего гнусного жития и беспокойствия, однако самую натурою в здравии больше пребывают, нежели российские служивые.

При таковых зимних и летних упражнениях обские сии идолопоклонники не думают много о большем запасе, но, сколько ему в год изловить чего удастся, на большее не негодует, ибо знает, что ему в голодное время не привыкать есть всякого зверя, не выключая и падины, а когда им и случится оное, то он не почитает впредь наукою, чтоб лучше исправлялся, но думает, что в его жизни это в последний раз случилось, несмотря на то, что у русских много задолжает, а платить чем, на будущее уповаает. Правда, им всегда удастся заплатить долг чисто, ежели только ему хочется, потому что рыбы летом так много промышляют, что больших налимов около юрт валяются ужасные кучи, на которых сытые собаки и не смотрят, но гниет сия рыба около юрт, видно, для одного им приятного благоволия.

С начала первой весны прилетает туда великое множество разной птицы, которую они днем и ночью промышляют кысканами и перевесами, из коих в щастливой год хорошей промышленник одних уток тысяч до двух напромышляет, выключая других гусей и лебедей и проч. Однако всю оную отдает русским или за долг или на муку меняет.

Итак, видя таковое довольство той страны, возможно ли подумать, чтоб остяк когда был голоден, но ветреное их состояние не допускает до того, чтоб он когда-нибудь о житии своем подумал или чтоб установил порядок своей экономии, которая есть совсем прерывна.

Самоедцы, на голых тундрах живущие, как хищные звери, дивно уже ни о чем не думают, как только о своих промыслах зверевых, коих там более находится, нежели рыбы, ибо, переезжая с места на место, или диких оленей ловят и стреляют, или где кляпцы²⁹ для песцов настораживает, или около речек некогда и рыбу промышляет, а в летнее время и ленную птицу или неводами, или с собакой промышляют, которое все служит ему пищею без запасения на дальнее время, но, на сколько дней ему с фамилиею достанет, без скупости довольствуется, ибо ему кажется, что надежда его не обманет, да и правда, что каждодневные разезды не оголаживают и тех, кои на пустом месте около самого

окианского берегу случатся, потому что всегда на берегу находит какую-нибудь падину, из моря выкинутую, а притом находят и белых медведей и прочих зверей, коих никогда бить не оставляют. Самые богатые самоедцы некогда стоят на одном месте и считают за спокойствие, что несколько времени проведет в рыбных промыслах, а стада оленей и зверевые промыслы препоручит сыновьям, в довольное же зверями время не только сам выходит, но и баб и малых ребят песцов из нор выкапывать заставляет, о чем ниже показано будет.

Впрочем, и сие упомянуть здесь не непристойно, что все богатые у их люди, чем богаче, тем скупее, так что хоть у народа и в особливом почтении находится, однако стороннему человеку никоим образом такого узнать нельзя, ибо вся его гнусная позитурка и презренная важность доказывают его недостойным такого богатства и чести, которое иногда состоит из бесчисленного множества оленей.

Вся их экономия более зависит от оленного скота, и, хотя при таком он довольстве и чрезмерно скуп сам с собою и прочими поступает, не жалуется на свое изобилие, а что гнусно ходит и живет, тем веселит сам себя.

²⁶ *Ез* – приспособление для рыбной ловли. Состоит из деревянного забора, перегораживающего реку и имеющего просветы для установки различных ловушек («морда», «фитилей» и т.д.).

²⁷ *Важан* – сетное орудие. Ставится в езах.

²⁸ «*Морда*» – рыболовный снаряд корзиночного типа. Устанавливается в езах и запорах.

²⁹ *Кляцца* – ловушка. Состоит из планки с железными зубьями и деревянного цилиндра, в котором укреплен горизонтальный пружина, скрученная из веревок или сухожилий. Когда зверь трогает насторожку, пружина раскручивается, и планка с силой бьет вниз. В настоящее время кляццы почти совсем вышли из употребления.

Глава 8

О пище и питии

Уже сил моих недостает к уверению читателя порочить вовсе гнусное сих диких народов состояние, которое не в одном их житии состоит, но и в самой пище, от которой вся жизнь человеческая зависит; мне нельзя того изобразить довольно, здорова ли им употребляемая обыкновенная их пища, или последовать той пословице, что «привычка рождает новую натуру». Привычка хотя и сделала их совсем особливой людей родом, однако редкие между ими болезни доказывают, что ихняя пища им здорова, разве сия грубость другими самой природы предохранительными средствами награждается, как-то: всегдашнее упражнение, труды, разные движения и притом всегдашней открытой воздух, их ни к каким здравия переменам не допускает.

Всю их пищу можно видеть из нижеследующего описания, которая сколь ни груба, однако не только у остяков и самоедцев, но и у дорожных русских в знатном употреблении. Состоит по большей части из рыбы, которая на разные манеры приготавливается и разные от того имяна получает, во-первых, поземы делаются из боков рыбьих, не захватывая брюшка и спинки, срезаются кожи с телом без костей, кои после рассекаются поперег на рубешки и потом на шестах вывешивают и сушат, а когда высохнут, то поджаривают на огне, чтоб не сгнили и не заплесневали, и наконец связывают в связки, называемые беремья, в каких до двадцати десятков поземов обыкновенно бывает. Сие есть то же самое, что камчадалы и по реке Енисею называют юколою. Брюшка же и спинки рыбы, в коих больше жиру имеется, по отделении от костей немного на ветру подсушивают и притом, чтоб призакисло, потом прячут в котлах, размешивая лопаткой, покуда закраснеет, и как испряжется, то, простудя, складывают в берестяные лукошка или оленьи брюшины³⁰, и сие называется варка.

Делают также позымы и из мелких рыбок таким же образом, как и первые, но их толкут в нарочно сошитые из осетровых кож кули, что и называется ютта.

Порсу делают из чебаков и мелких сорог, коих распластывают совсем надвое и, высуша, толкут с костями так мелко, как муку. От первых же припасов кости равным образом без употребления остаются, но их также сушат и зажаривают, как и позымы, для себя и для собак.

Из прочих же внутренних частей рыбьих, как из кишек всякой белой рыбы, варят остяки жир таким образом: перво, вынув из рыбы все черева, кладут в котел, водою наполненный, которой непокрытой стоит у их в чуму до тех пор, пока кишки, протухнув, жир из себя выпустят, которой поверх воды и плавает, а кишки на дне остаются, после снимают на воде плавающей жир кеулем, или мелким уполовником, и кладут в другой котел, потом варят на огне до тех пор, пока начнет хлопать и стрелять, что значит поспело. Около Тобольска так хорошо жир варить не умеют от незнания времени, когда ему поспеть надо, потому всегда бывает горек.

Из красной же рыбы везигу хотя и достают, однако варят редко, которая также стрельбою своею поспелою узнается, но по большей части едят сырую, не касаясь до ее ножом, иначе худой промысел той рыбы по своему суеверию заключают. Головной хрящ не за последнее кушанье у их почитается, варят его и сырой едят, только при всяком разнимании прямо ножом по голове не разрезают, но накось; иначе несчастливой промысел заключают.

Клей из осетров варят карлуками в котле до тех пор, пока всплывет наверх, а после горячей в холодной воде закалывают, оной уже совсем за готовой почитается, и им все легкое клеить можно; но другой есть такой, которой по вынятии распяливают и на ветру сушат и которой, в случае надобности, еще варить должно.

Напротив того, самоедцы, кроме сего клею, еще делают из рогов оленьих, кои, растолча, кладут в котел и наливают воды неполон, которой кипит до тех пор, что останется только одна гуща, на которую еще наливают, что выкипело, и так до трех и четырех раз варят так, что останется на дне один густой кисель, наподобие крахмалу, коим и клеят, по сказкам, еще крепче, нежели осетровым клеем.

Во время недостатка прочих клеев варят также и из оленьей крови, которая, кипев долгое время, загустеет.

Теперь осталось изъяснить, из каких рыб позымы и варка бывают, то всякая крупная белая рыба на позымы и варку употребляют, но самые лучшие из муксунов бывают. Позымы часто едят одне охотно, но для гостей вместе с варкою поставляют, потому что первые, сухие, — вместо хлеба, последняя же, жирная, вместо масла употребляется, а в случае недостатка в позымах и ютта случается. Порсу едят просто сухую. Горячего употребляют мало, а рыбу свежую варят иногда летом и зимою, и то для приезжих, где остатки уже достаются хозяевам, между тем нередко оне употребляют бурдук, которой состоит из одной воды, к коей прикладывают для навары варки немного или костей рыбьих, и как начнет кипеть, то подмешивают муки и хлебают большими ложками, или по-тамошнему кеулями.

Напротив того, большее их употребление сырой рыбы едва позволяет лишние изготавлять кушанья, да и правда, что их состояние не требует учиться ни варить, ни стряпать, ибо летом и зимою, коли есть рыба, то едят с удивительною жадностью летом трепещущую, обрезывая до костей большими ремнями, обмачивая в кровь, взяв один конец в зубы, а ножом из-под низу отрезают наотмашь подле губ самых, зимою ж мерзлую стружат ломтями и так трескают с великим аппетитом. А когда им рыбы сварить случится, то оную откладывают на особливой лоток, где, разведши немного рассолу, берут руками и, обмочив кусок с рукою в рассол, ест и облизывает пальцы, и сие можно почесть у их за каждодневное умывание, потому что в горячем рассоле грязь от рук скорей отогревает, и он языком обтирает.

Уху же хлебают теми большими кеулями или уполовниками, столь крепко прижимая зубами, что такие толстые ложки едва им достают на год, ибо каждой ложку свою так скоблет, что от употребления у новой через неделю морщины появятся.

Когда бьют оленей, то ни одна часть сего зверя даром не пропадает, ибо самые рога, весною мохнатые, у оленя отбивают и, ободрав с их кожу, опалив на огне шерсть, едят сырую вместо студени. Кости ножные разламывают тут же и мозг теплой достают с приятностию. Напротив того, и на прочих костях самой тонкой перепонки не оставляют, голову же никогда не варят, а всегда мозг сырой едят³¹. Прочие части мясные варят в котлах, и хотя из одного котла наливают в ночовки, однако все не едят вместе, а каждая семья на особливой, и притом жена с мужем никогда вместе есть не смеет, а всегда после что останется.

Кроме сего, едят также охотно и всякого зверя, не выключая падину звереву и птичью, не только свежую, но в голодное время и у червей отнимают. Медведей, волков³², лисиц, песцов, белок и проч. никогда не отметаают, почему совершенно их можно почесть жадными, ибо и самые богатые, у коих есть что есть, однако сию редкую диковинку вместо лакомства употребляют.

Питья иного, кроме воды, не знают, но удивления достойно, что оне, разъезжая по тундрам, пьют всякую, где б какая не случилась, воду без брезгливости и без всякой в здравии перемены.

Но часто случается и то, что оне, стоя зимою на безводных местах для оленного корму, тают снег для питья и пищи, которой, однако, с равною же пользою употребляют.

³⁰ *Оленьи желудки.*

³¹ *Запрет варить оленью голову имел широкое распространение и сохранялся до недавнего времени.*

³² *По более поздним сведениям, ненцы не ели мяса волка, считавшегося одним из воплощений злого духа. Волка вообще избегали убивать.*

Глава 9

О их болезнях

Сие общее у обоих народов пищи употребление, уже более мне не дозволяет касаться ихным разностям, но, какие б от таковой пищи болезни происходили, можно верить, что молодые у их люди никогда почти не немогут, а разве под старость приключается расслабление во всем теле, то можно почесть от лишних его в молодости трудов, а не от пищи, и потому кажется, что в сем случае каждой остяк избегает болезни; в противном случае от малой немощи, естли он оставит труды и телодвижение и дастся постели, то наитягчайшие приключаются припадки, которые обыкновенно во гроб их вгоняют. Я не слыхивал, чтоб между сими народами кто умер без долговременной немощи, а о скоропостижной смерти, которая больше между березовскими жителями бывает, и не ведают. Обыкновенные у их болезни всем известны: в молодых детях оспа с горячкою, которая хотя и редко случается, однако когда попадет к им в юрты, то по неосторожности редко и старики от оной освобождаются, но многие есть такие, которые до смерти сей болезни не знают. Лихорадке равным образом более малые ребята подвержены, нежели пожилые. Старикам и ленивцам досталось расслабление, коей сопричастны подагра и цынготная. Напротив того, и французская болезнь им нередко бывает знакома, и, хотя ото всех болезней они никаких средств к излечению не ведают и не изыскивают, однако те, кои сею последнею щегольскою любуются, по довольном уже страдании издыхают спокойно с тем больше удивлением, что от их к другим она не переходит, хотя и без всякой осторожности с такими здоровые поступают.

Впрочем, и все болезни или, прервав жизнь болящего, оканчиваются, или сами собою отстают. Сему можно поверить, что остяки и самоедцы, презирающие мысли

болезненные, более спасаются, нежели русские, которые о всякой болезни с опасностью много думать привыкли.

Одно у них есть мучительное лекарство или от лому, или от некоторой напухлой инфляммации — прижигать болящее место чагою, или березовою накипью, которую, зажегши, кладут на здоровое тело (по-остяцки называется вошь)³³. Она везде там кладется, пережженная в золу, в табак для крепости, но через то табак получает дух не очень приятной, но поелику начало, или корень, как сказать, той болезни горящею чагою нескоро найти можно, то иное изыскивают таким образом: кладут оной уголь на больное место и естли жжет, то не в том месте и начало, от которого болезнь происходит. Таким образом перекалывают с места на место до тех пор, покудова найдут, где телу жару сильного не будет слышно, тут оставляют уголь на теле долгое время, и, хотя ему чувствительно, однако терпит, а чага горит на том месте до тех пор, покудова прожжет кожу и, догорев до здорового мяса, отпрыгнет, тогда больной получает здравие³⁴.

Напоследок во всяких опасных случаях от обжорства чилибухою невзначай или и от случайного запору пьют жир рыбой ковшами, отчего у их служит в оба конца вместо рвотного и проносного.

Но сие лекарство более бывает между русскими березовскими жителями, где лекаря совсем нету, в прочих же болезнях остяки слушают наставления также и от русских баб, которые сами наутре не помнят, что вчера предписывали.

³³ Хантыйск. вёш.

³⁴ Широко распространенный способ лечения, практиковавшийся до недавнего времени.

Глава 10

О их законе

Закон у всякого народа свой есть, но между всеми прочими разным образом дикими народами более имеется порядку, нежели заблуждения, какое между сими беспутными остяками и самоедью происходит, ибо, естли можно сказать, то у всякого человека почти свой закон в его чуму особливой. Заблуждению их и беззаконству довольно надивиться нельзя, хотя они и по примеру предков своих поступают, однако не искореняется глупость прежних установлений, но умножается дурачество; сие в пример представить можно без всякой опасности, что предки их от идолопоклонников ли произошли или от каких чуждых народов, разные веры имеющих, неведомо. Но идолопоклонники в своей вере всегда порядок имеют непрерывной, а сии, хотя и таким же столбам поклоняются и бесчувственным вещам, однако вдобавок пусчего их заблуждения, кланяются и тому, что у их было прежде во употреблении, чего прежде гнушались, тому напоследок умильные отдают почтения. Просто сказать, что у их закону нету, а имеют только остатки идолопоклонства, которые напоследок и вовсе искоренятся. Почитают и хвалят заблудшее о столбовых своих богах разсуждение. Греху и добродетели, не знаю, что б они приписывали. Идолу своему, инно мало-мало человеку подобному, инно и совсем не сообразующему, кланяются, почитают и в случае нужды просят его со умилением. Хорошо, коли так делается, естли же не по вкусу просящего, то чем бедной болван провинился пред хозяином, что стоял в углу, молчал, смотрел и смеялся его дурачеству, чрез что получил себе наказание, что он его рубит, бьет, увечит и всячески мучит за то, что не подал ему помощи.

Часто такие вещи, которые оне у русских недешевою ценою покупают, как коробки, ящички, ножи и прочие мелочи, имеют быть в числе богов ихних. Я сам знаю, что коробка, железом обложенная, которая несколько лет была в держке у хозяина, та ему крепостью своею полюбилась, и он ее обоготворил за то: обвесил ее разными лоскутками, перепоясал многими поясами, снабдил многими кольцами, перстнями и разными снарядами украсил, поставя в передний угол, содержит в божеском почтении³⁵. Щастлив тот столяр, которой

коробкою своею бога сделал. Щастлив и продавец, что продажею угодил шайтану, взяв хорошие за то деньги.

Иначе поклоняются горам, коих или ужасаются, или какую отменность видят от прочих, таким отдают почтение из луков стрельбою в какое-нибудь также особенное дерево, равным образом и деревьям также служат. Однако вящее богослужение приказывает им иметь каких-нибудь болванов, коих они делают не только в образ богов, но и после умерших некаких славных ворожеев или богатых, или какими особенными делами прославившихся, поставляют в знак памяти и просят каждого о том же, в чем его ходатаем почитают, и таковых они полагают себе за заступников.

В каждом чуму имеется рукотворенной бог в образ человека, маленькой, сделанной инде коробка, инде палочка или дубинка, а инде и кляпышек или клин деревянной. Всех их богов описывать много, да и притом же они имени не имеют, так и нужды в том мало.

Домашней бог, или болван, имеет большую себе почесть, ибо стоит в переднем углу, пред собою имеет ящик, куда обещанные ему кладут подарки; каждой день от кушанья помазываются его губы, а между прочим имеет при себе большой рог с табаком, чтоб нюхал и отлеп (таловые мягкие стружки), чтоб затыкал ноздри и утирался. Оной табак, какая бы нужда ни приспела, хозяин не смеет взять, ниже напойки, боясь, чтоб не раздражить своего заступника. Русские, приехав к им в чум, часто делают, что у шайтана, высыпав ночью, когда все спят, табак, тихонько оставляют рог пустой, что служит у их поутру к немалому в суеверии подкреплению и удивлению, как, дескать, шайтан нынешнюю ночью так много табаку вынюхал, – конечно, куда-нибудь за промыслом отлучался.

Все в чуму, не выключая баб и девок, каждой имеет своего собственного болвана, а иногда два и три, коих каждодневно, по обычаю своему, тешат.

Впрочем, хотя они никаких священных чинов и не имеют и праздников не знают, но при всяком жертвоприношении служат только шаманы или ворожеи, которые хитростью своею глупой сей народ обманывают; они по большей части и уставщики их веры и закона, другие – богатые люди, ибо во всяких случаях, что один начнет делать из ихних почтенных, то и все прочие ему последуют.

Божков своих происшествие полагают от предков и, хотя их обожают, однако власти над светом никакой не приписывают, а изображают одного вышшего над оными таким же болваном, как и прочие.

Почитаемый во всем роде остяцком бог и славной изо всех идол установлен в Воксарковых юртах, около семидесяти верст ниже Обдорска. Стоит в лесу, куда от русских и дорога скрыта, опасаясь, чтоб не обокрали, тут ему наибольшее почтение и жертвоприношение бывает ото всех, некогда и нарочно приезжающих. Имеются два болвана в образ человека, один мужчина, другой женщина, сколько возможно, по остяцкому обыкновению, великолепно убраны со всем остяцким одеянием. Стоят в лесу, в маленьких, нарочно сделанных теремках, одеты в суконные малицы, всякими литыми оловянными, медными, железными фигурками снабженные, в пимах и на голове венцы серебряные, вокруг их наложено довольно всяких домовых вещей, как чашек, ложек, ножей, рог с табаком безотлучно бывает и прочее.

Примечено, что мужчины мужскому болвану, а женщины женскому кланяются, служат и всеми силами равным образом украшают, и в особенное время жертву без мужского полу приносят, где также и служит ворожейка, а не мужчина. Вокруг их развешены на лесинах олени постели, которые после жертвоприношения ему в подарок на деревьях оставляют; дерево же, к которому болван приставлен, обвешивают разными сукнами, китайками и другими материями, а наверху обвивают жестью и привязывают маленькой колокольчик, которой в время ветру позванивает, по лесине же развешены инде небольшие лука со стрелами и прочее.

Сие болваново место остяки несказанно берегут, чтоб проезжие как бы не покрали, ибо прежде у их бывало и во многих местах такие богатые идола, по лесам расставленные и

многими богатыми вещами одаренные, бывали и деревья стоящие, равным образом обогащенные и в лесу оставляемые, но, узнав, что русские до таких вещей, напрасно тлеющих, лакомы, то ныне делают иначе. Из того дерева сделают большой чурбан, которой нарядят хорошими сукнами и однорядками, снабдят всякою посудою и так привозят на то место и по принесении жертвы опять увозят обратно.

Болваны, после умерших, не незнатных в своем роде стариков, имеют также себе почтение, ибо, где он жил, сыновья его сажают вместе обедать, откладывают ему особливо и просят, чтоб покушал. Сие продолжается чрез целый год. Напротив того, и жена, естли мужа любила, а он умер, то сделает себе в знак памяти болвана, потчует его и всячески довольствует и с собою на постелю спать кладет, но сие показано будет ниже.

Напротив того, все места, кои в лесу богам отведены, как дачи, или по протокам, или урочищам и горам, в таком святом у их почтении пребывают, что не только ничего не берут, но и травки сорвать не смеют, ибо, по их мнению, надо неотменно того шайтана озлобить, если чему-нибудь в его дачах коснуться, чего ради ниже дерева рубят, ниже из реки воды против того места пьют по тех пор, пока пределы его границ проедут с такою осторожностью, чтоб и близко под берег не подъехать и веслом до земли не коснуться. Оное столь крепко наблюдают, что как бы ни захотел пить и что ему ни сули, однако пить не будет. Часто бывает, естли у шайтана пределы проезжать далеко, то запасают с собою воду и как бы его нужда ни приспичела, однако не выйдет на берег, разве проплыв шайтанские границы.

Все места, где такие славные шаманства производились, долго между потомками еще почитаются, но разве уже совсем знаки того места уничтожатся, нередко у их и места также переменяются при жизни еще славного тадыба, что бывает по некоторым особливым примечаниям, ибо случается, что в некоторых хороших местах увидят много птиц и зверей, такое почитают богам приятным, напротив того, естли увидят орла, несколько лет на одном дереве гнездо вьющего, такое дерево, равным образом и место, своим шайтанам посвящают, а орла так берегут что за великую себе обиду почитают, естли узнают, кто отважился разорить гнездо его.

Часто бывает, что весь остяцкой народ в великой страх и печаль предается, а особливо тогда, когда какой-нибудь полномочной проедет и против их установлений что-нибудь сделает, тогда они долгое время будто бы вне себя ходят, не зная, как умиловить своих шайтанов, ибо оне все единодушно думают, что русской от их оплошности узнал о их законе и то сделал, то неотменно и полагают, что какое-нибудь отмщение от богов им воспоследует. Сие натурально рассудить можно, что и просвещенные люди от многой думы довольной вред себе получают, а сии в то время так бесятся, что истинно ни о чем не мыслят, как только опасность себе представляют, а особливо их богомерзкие шаманы в тогдашнее время то и дело им сны свои толкуют. Иногда жертву приносить и шаманить советуют, иногда разные происки изыскивают к их большему утеснению думы, ведая, что ему за каждое жертвоприношение и шаманство каждой должен платить по возможности, и знает, что ему последний из остяков не даст меньше одного оленя.

Таким образом, в таковое время немалая погибель бывает оленям и немалая корысть помянутым обманщикам случается, ибо богатой, будучи со всех сторон такими плутами уверен, уже вдался в печаль большую, чего ради не рад уже становится всему своему имению, не жалеет целого стада оленей поставить пред шайтана на разные мучительные кары, не жалеет поднести наилучших зверей своему шайтану на умиловление, не щадит себя, также и дарит ворожея, желая от его выслушать доброго предвестия, однако по тех пор желаемого не получает, покудова не исполнится шаманская ненасытная утроба.

³⁵ По-видимому, шкатулка была использована для хранения изображений домашних божеств, которые обычно и содержались в переднем углу.

О их тадыбах, или шаманах

Теперь приступаю я к их шаманам, или ворожеям, по-самоедски — тадыбам, кои у остяков в такой тайности содержатся, что хотя и спросишь у его про шамана, но он не только имени его не скажет, но и от искусства его отпирается. Сии обманщики хитростью своею заслуживают у их некоторое почтение, а каким образом они в шаманы производятся, того совершенно сказать не умею, слышал только, будто бы от частого толкования снов они признаются от народа, однако сего недоволюсь, ибо без какой-нибудь науки от прежних ворожеев и без употребления бубна не может он к такому страшному по их делу приступить на первой случай и предсказаниями своими отвечать на вопрос при шаманстве стоящего народа, но должно думать, что отец или мать, не, хотя открыть своих обманов пред глупым народом, обучают сыновей своих, утверждая их в истинную; однако мы хотя и почитаем их невежество обманом, но они, верно, не от хитрости, но от заблуждения это делают и сами тому ж не неверят. Они ни малой отмены ни в житии, ни в поведении ни в чем не имеют и не разнствуют от простого остяка, а только что титул носят шамана, которой все народы издревле почитают. Напротив того, все шаманы одними только мнениями отличны, потому что завсегда на лице своем носят удивительную важность, чрезвычайно много думают обо всем, почему и кажутся они будто холерики; обо всем толкуют с великим уважением, и, напротив того, сие знак вящего его достоинства — бешенство и пугливость, которыми они так одарены, что нельзя думать, чтоб сие была правда. Я не знаю, чему ето между ими приписать надо: слабости ли их состояния, или легковерию, или вовсе глупости. Правда, за лучшее признаю причислить оное к роду болезни, но тем невероятно кажется, что вдруг в здоровом человеке делается такая перемена, которая нередко до худых следствий доводит; и хотя весь народ, как видно, от природы пуглив, но сии шаманы уже неудоверимо пугаются самой маленькой безделки, а особливо тогда, когда его рассердишь, тогда он несказанно бесится, скачет, валяется, ухает, бьет и что б ему в руки не попало, все готов уязвить предстоящего. Самое начало их пугливости, когда дразнить начинают. Свист лишь только услышит, тотчас из лица выступит, побледнеет и начнет мешаться; потом естли на его дунешь, то же последует, а после, ежели ему хотя чурку покажешь, то ему неведомо чем покажется, которой он со всяким поспешением убегает, обороняется и всячески страшится. Я знаю одну бабу, которая не бесславная колдовка и во многом правду угадывает, только у их не шаманит за старостию. Она столь пуглива, что не только дальнего свисту, но и ветру, в щель со свистом дующего, боится. Сие, неотменно должно почесть, происходит от отягощенных их разными мнительными идеями голов, которые иначе были бы пусты, естли бы разными страшилищами не были наполнены.

Ворожит она, смотря на огонь, на воздух, на солнце и прочее, но, каким образом, того ниже самым цельным вином и спросить невозможно. Другого видел я на р. Енисее самоедина молодого, в Селякине зимовье, которой больше показал страсти своего помешательства, ибо когда ему покажут палец, то он боится, представляя, будто бы его палкой бить хотят. Сие из того разуметь можно было, что он хватается за его обеими руками и после сам укрывался, потом по долговременном чрез толмача уговоре, чтоб ничего не боялся, надел я на его руку черную замшеную перчатку и сам уговаривал. Он перво смотрел на ее пристально, а потом так взбесился, что естли б подле лежащей топор попался ему в руки, то б, верно, не спастись бы нам было: он ревел изо всего горла, бросался во все стороны, искал, чем бы оборониться, трясет всю рукою, чтоб сама перчатка свалилась, а другою рукою и прикоснуться не смеет, представляя себе, что ето не моя рука, а медвежья лапа, чего ради с страхом принуждены его схватать и перчатку сдернуть, тогда он мало-помалу образумелся³⁶.

Таким образом, весь оной род людей по своему малоумию так пуглив, что в сем одном имеет немалую отличность от прочих диких народов, однако простые еще несколько

отважнее, кроме богатых и пужливейших шаманов. Русские, а особливо не знающие в шутках от своей братьи, подбиваются испужать какого остяка или самоедина, нередко такую веселость с большим уроном терпят, так что, естли не успеют разбежаться или его схватать, многие от его ножа горестно погибают. Напротив того, и испужавшемуся, естли противники не попались, то он, тайно, с злобою взошед в юрту, позабыв своих сродников, отца, мать, жену или кто попался, всех бьет или колет, ежели вскорости не схватают. В таком случае, коли схватают, образумлевают его опять палениною, то есть тотчас отрежут лоскут от оленьей постели с шерстью, зажгут и дадут ему понюхать, тем он здрав становится.

Равным образом их шаманства происходят с великим бешенством, скачкою, ломанием и со всем, кажется, мучительным образом.

Оные их шаманства бывают более от видения снов особливых, когда ворожей во сне видит что-нибудь страшное или удивительное, тогда созовет соседей из ближних юрт на предсказание, или и из простых также кто что увидит во сне, то и спрашивает своего шамана. Таковым вопрошающим волхования отправляют таким образом: ворожей, или волхв, связавшись, бросается на землю и делает разные своей харей чудобразия, ломается и, при великом в чуму огне, коверкается с плачевным разговором и ожидает пришествия дьявола, которой будто бы на вопросы от его отвечает о предбудущем и будто показывает ему место, где лучшей зверей промысел будет, также и во враждебных делах подает способы к избежанию напастей, а между тем ожидающие нетерпеливо ответов стоят с непрестанным криком, стуком в котлы и в доски и прочим шумом около его до тех пор, пока над им синей туман или дым явится и обстоящих разгонит (но он действительно и без того весь в дыму стоит, потому что, где он ломается, тут во все время огонь дымом курится), а шаман, подымаясь, то и дело бросается во все стороны, будто угорелой, через что они больше часа без памяти и без чувства бывают, а очнувшись, вопрошающим держат хитрые ответы, что только вздумает, то и бредит, рассказывает им все, как он видел дьявола и что с им происходило, и совершенно, что его пустая голова и в спокойствии мало о добром помышляет, а в таких беспокойствах может быть какими мечтаниями и заражается, но сие всякой благоразумной человек рассудить может, что сущей обман и самое заблуждение и что оные плуты, шаманы, для бездельного приобретения сами себя ломают и мечутся так, что после ослабеет и приходит в беспмятство, но, чтобы дьявол мог ему что-нибудь сказать о предбудущем, не токмо закону христианскому, но и разуму человеческому противно, так никто не токмо верит, да и за истину поставлять не может; только то подлинно, что оные шаманы, как хитрые и догадливые люди, и в обстоятельствах дела о многом догадаться и некоторые следствия предсказать могут одними только догадками, но, опасаясь, чтоб оне в врялях не остались, то ответы свои сказывают так, что из их надобно только заключать, а естли что неточно сделается, то они свои слова толкуют в иную сторону и бедных людей верить заставляют. Я в мою ездю между простыми остяками и самоедцами никого не находил столь любопытных, столь к вопросам прилежащих, как сих шаманов, которые обо всем выспрашивали меня, что до их, кажется, и не касалось, а сами о своем ничего не рассказывают, а хотя что и скажет, да и то нехотя, а от больших вопросов всячески убегает.

Самоедское тадыбство не имеет узаконенного времени, когда б оному праздновать надлежало, но оне, согласясь, как вздумают, так и позовут своего шамана. Уже небезизвестно, что помянутым шаманам каждой день снится, по которым снам они и толкуют, как ему захочется. Иногда же и один, кто вздумает, зовет, один за посещение и отдаривает, а естли все звали, то все и дарят по возможности. И так званой такой тадыб, или ворожей, приходит в чум богатого самоедина в обыкновенном самоедском платье, гусе и малице, а между тем с собой приносит бубен и платье, которое он в действии надевает, садится, пришед, посереде чума на одной стороне. Между тем знающие будущую ворожбу, смотреть кто хочет, сходятся вокруг его по обеим сторонам чума, в то

самое время раскладывают в чуму большой огонь и сушат бубен, чтоб был звончае, а он, между прочим, одевается в платье суконное или ровдужное, к коему вокруг пришиты разные лоскутки суконные или кожаные, к рукавам и на спине привешаны железные цепи, чтоб был гром, когда он ломаться будет, и так, когда он оденется, то все самоедцы, кои тут есть, закричат сильно в один голос с протяжкою: «Гой!», а потом долгое время перекликаются между собою порознь: «Гой!.. Гой!.. Гой!.. Гой!.. Гой!..» Тогда ворожей, сидя на своем месте, перво озирается диким образом, поглядывая на все стороны, поводит глазами, вверх и вниз смотрит, потом берет бубен в руки и перво колотит тихо сделанную нарочно к тому палкою, обшитою оленьей лапой, или по тамошнему кысом, сидя на том же месте, где сидел и прежде, потом колотит шибчае, а напоследок изо всей силы и, вскоча с своего места, скачет по чуму и ломается, брося бубен на сторону, долгое время так бесится при большем огне в дыму, отчего такая в нем делается перемена, что иной, обессилевши, падает на землю и так рассказывает, пев то, что ему во сне снилось и что он из того заключает к уверению председателей.

Другие же есть такие, которые в таких случаях делают невероятные действия, и, хотя совсем непонятные человеческому разуму, однако же, уверясь словам и самых самоедцов, и русских людей, кои некогда слышали и видали, осмеливаюсь предложить не к возмущению гисторию, но к слову слышанное, неудобовверимое и совсем непонятное дело, но во всей тамошней стране за правду полагаемое и несомнительное: среди самого шаманства и шаманов бешенства некоторые только из шаманов просят нож, коим колются сами или другому дают себя колоть, которой немалой величины, впусая по самой черен, вытаскивает без всякого кровавого знаку на ноже. Знаю я сам, что шаманы в то время нетолсто одеваются, но, каким образом избегает ножевой язвы, держа нож против самого брюха, очень сомнительно. Другие ж**, перевязав шею веревкой, концы дают двум посторонним человекам, чтобы тянули изо всей силы и голову б оттерли, которая, по сказкам самоедцов, и отвалится в котел, нарочно подставленной, но по прошествии несколько времени тадыб здрав встает и с головою³⁷. Невозможное дело.

Правда, хотя сие без знания обмана кажется и невозможно, но должно почесть, что неотменно в сем деле есть какое-нибудь их искусство или и сущей глупым зрителям обман. Недаром все оные шаманы таятся русских людей, чтоб не усмотрели их хитрости. Правда, что сие и не все шаманы представляют, но я слышал про многих и ведаю, что у меня в провожатых от Обдорска до Северного окиана такой самоедской шаман был, который всему етому был искусен, но прочими самоедцами так утаен был, что по отпуск его не мог ни от кого наведаться, кроме сторонних, про его искусство, однако хотя б и во время его у меня бытия спознал про его шаманство, но прочие б все о незнании свои головы за его положить поручились.

Но мы возвратимся к прежнему своему делу о продолжении их шаманства. Когда он, очнувшись, поет при великом жаре, в дыму, испущая страшной из себя пот, то другой, подле его сидящий, повторяя его речи, подпевает тут же, и так далее продолжается без всякого особенного окончания. Но когда петь перестанет, то все по своим чумам расходятся, подаря своего тадыба по возможности. Из говоренных речей всяк свое мнение в заключение будущего прилагает.

Сие у их употребляется во всяком особенном случае, но богослужение их, хотя и соответствует разным образом безумию, однако производится иным образом, но нередко и с шаманством.

При жертвоприношении употребляют оне все, что им мило, то своему болвану и посвящают, иногда живые рыбы приносят и, положи пред мнимым своим богом на землю, кланяются (подобным образом, как приходит и к воеводам) и просят о неоставлении, а потом, тут же сваря, сами съедят, а ему жиром помажут губы, либо дадут ему в подарок какую-нибудь новую завеску, коею его обернут.

Другие приводят оленей и, поставя живого пред болвана, свяжут ему ноги. Тогда жрец или шаман кричит во всю голову, объявляя желание жертву приносящего, а прочие поют.

Между тем один, зашед наперед, натянув лук со стрелою, держит напротив зверя до тех пор, пока жрец не даст ему знать ударом палкою в голову того зверя, а третьей рогатиной уткнет в брюхо, и когда убьют, то, взявши за хвост, обтащат три раза около того болвана, коему олень в жертву приносится. После того, выжав кровь из оленьего сердца в особливую посуду, покропляют свои шалаши, а остатками мажут губы своему болвану. Кожу одного зверя с головою, ногами и хвостом для украшения повесят на дерево, подле божка стоящее, а мясо, тут же сваря, съедят с великою радостью и непрестанным пением дьявольских*** песен. Напоследок опять от вареного кушанья жиром болвановы губы помажут, а что не съедят, то возьмут домой и раздадут по часточке своим приятелям и потчивают жен, от коего жертвоприношения иногда и домашней болван остальным жиром губы свои улучит помазать. По окончании обеда все начнут махать палками и кричать во все горло, что кому на ум взошло, а сие значит провожание того божишка, где и кланяются ему вслед и благодарят, что благоволит к им на обед пожаловать.

При таких провожаниях делают оне разные действия: инде стреляют по три стрелы каждой, инно далее пение свое продолжают, но зачинщики всего — их шаманы и богатые люди, ибо, что он только начнет делать, то и все подхватят.

Славное когда бывает у их жертвоприношение при многолюдном отовсюду съехавшихся собрании, тогда удивительное и жалостное бывает скотское падение, ибо при такой их ревности к болвану один другого превзойти старается, желая пред всеми доказать свою усердность к проклятому изображению. Жалости более достойной, сей зверь, олень, не ведущей будущего мучения, смиренно идет на жертву бесчувственному болвану, отдавая жизнь свою глупости хозяйской, и, действительно, удивления достойно, что свет еще таких кар не ведает, каковыя глупые сии народы над животными умнейшими себя производят, ибо в бешенстве своем пред божишком не знает уж он, что делает: колет оленей всех в задоре, сколько ни пригнал с собой, и разве только под себя в санках оставит двух или трех. Желая перещеголять свою братью и доказать ревность к мнимому своему богу, всякие изыскивает кары и мучение: бьет, стреляет из лука отовсюду; колет же не так, как добрые люди, но со всех четырех сторон обвостренными колыями пропинают. Сие у их наивящше почитается, потому что олень, и сзади, и спереди пропнутый, смирно преклоняет в изнеможении пред болваном колена, к их пушному заблудшему мнению, что, дескать, нашему болвану и оленю покорны.

Других приводят к такому реки месту, где б был или омут, или бык, или какое б быстротою особое место. Тут, навязав на шею оленю большой камень, кидают в воду и тем жертву свершают.

При частых таких многолюдных жертвоприношениях можно сказать, что не столько в ясах рухляди собирается, сколько на приклад и пагубное действие пропадает, ибо, я думаю, каждый бедняк должен хотя раз по своей вере чем-нибудь жертвовать своему болвану, а сие верно знаю, что в ясак он лучше худых два зверя положит, нежели одного доброго, которого своему богу посвящает, а богатым одного или двух зверей убить очень постыдно; того ради по крайне[й] мере должен убить десяток или, при таком множестве народа, не стыдно будет и два или три заколоть. Между тем каждый, кроме того, дарит болвана самыми лучшими зверевыми шкурами, как добрыми лисицами, песцами, росомахами, соболями, бобрами и прочее, не рассуждая того, что лисица стоит многого числа денег, но бессмысленно на ветер отдается; и совершенно давно бы все тамошние ниже Березова леса белели б чистейшими оленинами, естли б русскими хищниками число их не умалялось и ветром и дождем не изгарали.

Ежели убьют они медведя, то бывает опять особое действие; перво, сняв с его кожу, повесят подле болвана — мнимого своего бога — на высоком дереве, творят ей великое почтение, просят прощения в убийстве, принося извинение и разные выговоры, что они в том не виноваты, ибо-де железо, коим ты убит, мы не ковали, но стрелу оперили, и не их, а чужих птиц перье, которое в стреле так быстрое летение причинило, а просим прощение

в том только, что стрелу, натянув, пустили. Понеже боятся, думая, что душа одного медведя им великий вред учинит, ежели с ею заблаговременно не помирятся.

Из сего видно, что оне во всех зверях душам быть почитают, но, есть ли подлинно, по их мнению, и в прочих мелких животных, о том речи заводить не случилось. Медведя же боятся и отдают ему душа, столь усердное почтение потому, что дерет их нередко³⁹. Но естли б в их стране слоны водились, то б они всех их за богов почитали.

В болезнях же равным образом поступают с оленями: смотря на долготу немощи, столько и убивают, но нередко при опасности болезни богатые и по десяти вдруг в жертву приносят. Приведенного оленя поставят перед чумовыми дверьми, сквозь которые протянут веревку, одним концом за ногу оленя привязанную, другим же за руку больного. Между тем больной, лежа в чуму, а прочие вне чума просят своего заступника — болвана, часто указывая на небо, чтоб он вылечил в немощи находящегося. Но как больной, в чуму лежащей, нарочно или невзначай лишь только дернет за веревку, тотчас и давят оленя, а после варят и едят, кожу себе берут, голову, одну кость с рогами, на кол втыкают, а больному болящее место помазывают кровью и жиром и между тем обыкновенно лоб. Но естли больной нечаянно за веревку дернет, то сие наивящше почитают, думая, что в тот час убить оленя самому богу так изволилось.

О присягах самоедских

Теперь при ихном заблуждении не непристойно кажется объявить и самые их клятвы и присягу, каким образом и с какими притом договорами они присягают, но чтоб клятву отличить от присяги, то упомяну здесь, что они, хотя и всем, что только глазами видят, клянутся, однако их, так сказать, божбе не очень верить можно, ибо нередко при крайностях не оставляет он ни самого огня, ни неба, ни воды, ни воздуха, ничего иного, чем ни побожился, но еще обманет, и сие случается только в долгах или торгу с русскими, а в важных делах, как в воровстве, в верности и в прочем, заведены у их присяги, которые при сем прилагаются и на ихном диалекте и на русской язык переведенные, а хотя они некогда и против присяги бунтовать думают, то оное не должно почитать нарушением, а, верно, по какой-нибудь причине, либо увидят какую обиду от русских, коей давно избежать не могут, то от нетерпеливости и бунт заводят, который ни самым оружием утолить нельзя, кроме одной ласки⁴⁰, либо от какой-нибудь ложной вести, для их неспособной, которую пронесет между ими какой-нибудь бездельник. Однако напоследок более тому и достается, кто оное между ими выдумал, ибо оне уже тогда не стоят за своего товарища, когда узнают, что он ложь им предсказывал.

Когда они пред воеводою государю должны учинить присягу, то сведут их в одно место, а за множеством делят их на разные круги, положат пред ими топор, коим рубили медведя, и дают каждому с ножа съесть кусок хлеба и при том должны говорить сими словами:

S'hu malhana mam Parawadan elibjud jambana sowa sjunsena ni – jengu charent siek epsu, sowa ir madangu mang joltjchewy aiwamir ni saldangu, apsananda chunjo chaepschu nibyna ani amhari serkana serta sjum taiwapsu, tjuki emnja hylowy worga sjum taaptai, tjuki howurta njanju sjo ernja hulgei, tjuki tupka aiwami soppat, char sjum mottidengu³⁸.

Перевод

Естли я моему государю до конца жизни моей верен не буду, но волею отступлю и верность нарушу, надлежащего ясака не заплачу, сам куда уйду или иным образом винно себя учиню, то да растерзает меня сей медведь, сим хлебом, которой ем, да подавлюся и чтоб мне сей топор голову отсек, а ножом мне бы зарезаться.

Другой род присяги почти сему подобен, но разве для некоторого отличия в словах упомянуть здесь не непристойно, ибо сие зависит от толмача, которой им при присяге что велит говорить или делать, то они и слушают, но перед началом второй сей присяги расстилают медвежьей кожу, а их около ее поставят всех на колени, и посланной за присягою человек над головами их держит обнаженную саблю, а другой на ноже держит пред ими кусок хлеба, а сам говорит речи, которые они должны повторять каждой, а

проговоря, каждому дает с ножа есть кусок хлеба, зубами велит кусать медведя, и между тем в знак сущей верности, каждой ущипывает шерсти. Речи же говорят следующие:

Teda tjuki emnja Parawada budyri chaipjaidi sjan mjan serkana sitte jinzeleide, amgari tabadanguda, mibyna chna chud aidaptanguda sainortschi ebta ijndykana nisi sjantsch, sertaidi, parawada aiwamir pongana saldaide, budyri pongana sowanser jileidi, teda mamy manw dat, amhari mandanguda nibyna ni ensele ngun, tjuki palyna aiwa saptanguda char sit motridenguda, njan sjona nichaidangu, piunsida worga sidy omtada.

Перевод

Теперь в том государыне вы присягаете, во всяком деле будете ей послушны, что повелит или куда пошлет, хотя и на войну, живота своего не щадя, исправляйте, государев ясак каждогодно платите, между собою живите согласно, теперь из говоренных мною речей что преступное учините или не будете послушны, етою шпагою вам головы отсекут, ножом себя заколете, хлебом подавитесь, страшной медведь вас съест.

Естьли же между ими сделается какая ссора, то выбирают посредственников и, буде по сказкам обоих еще решить нельзя, то велят одному из их учинить следующую присягу: перво поведут его к божку и от неправой клятвы увещевают, представляя ему страшные примеры, потом дадут нож, коим он болвану нос отрезать, и топор, коим он божка порубить должен, говоря:

Chu mahana man tjuki purdorpybsyna sjakan chai pjangu, taibi joltjchemboj man pyleu jodam, tupkana ajami jandana taaptangu, worga poderana sjum omtai, sjan mjan ja'bsida ser man nja'nda tutta.

Перевод

Естьли я в сем споре неправо клянся, то хочу равномерно нос мой потерять и топором изрублен быть, и чтоб меня медведь съел в лесу, и всяко бы несчастье на меня пришло⁴¹.

Сию же клятву употребляют и свидетели, чему крепко и верят, и естьли кто неправо оным клялся, то, конечно, какое-нибудь наказание вскоре последует. И действительно, сей народ в таких случаях столь справедлив, что при ихной дикости можно их в сем почесть вернейшими, ибо он после такой присяги и во время оной весьма всего боится, почему и надежно, что несчастье воспоследует от угрызения неправой совести, и он неправо присягнуть не смеет. Впрочем, в небольших ссорах и обидах разбирательство имеют их князцы, а о других важных делах просят выше.

Что ж касается до князцов их, то оные никакого ни оклада, ни особливого почтения не имеют, кроме тех, которые жалованные грамотами от государей, да и те один только титул князца на себе имеют, а питаются всяк своими промыслами, по смерти же оных правление жалованных достается по наследству сыновьям тем, кои ясашными усмотрены будут и удостоены к тому способными, а у которого наследников не осталось, то выбирают между собою лучших и умных людей; но богатые по большей части у их в особливом пребывают почтении, почему и можно всех их назвать как старшинами, ибо всегда его множеством народа всячески встречают, многим числом, будто холопы, за им ходят, а пьяного водят под руки и носят за им, что подарочное или оставленное.

*** В числе провожатых чрез тундру до Северного океана я имел такого тадыба, который сему был искусен, и, хотя я знал, что они русским таких фокусов не открывают, однако и он, спознав, что я единственно за таким делом послан, поскорей от меня отпросился назад, а я, не зная про его искусство, отпустил обратно. Он назывался Локо.*

**** Песен никаких они не имеют, а кому на ум пришло, то и лепечут³⁸.*

³⁶ Очевидно, случай эмиряченья – форма истерии, встречавшаяся, в частности, в Сибири.

³⁷ «Отрезание» головы широко практиковалось на специальных сеансах ненецкими шаманами высшей категории. Такое «отрезание» зафиксировано еще в середине XVI в. у

европейских ненцев английским икипером Ричардом Джонсоном и демонстрировалось также якутскими, эвенкийскими и другими шаманами.

³⁸ Это не соответствует действительности. Песни-импровизации были, конечно, распространены, но имелись и вполне определенные песни, известные многим лицам. По сие время многие былины и повести, являющиеся наиболее распространенными жанрами ненецкого фольклора, не рассказываются, а поются.

³⁹ Культ медведя и медвежий праздник у хантов были связаны с почитанием медведя как тотемного животного.

⁴⁰ «Обид от русских», вернее, от торговцев, сборщиков ясака и чиновников ненцы терпели немало и не раз поднимались с оружием в руках против своих притеснителей.

⁴¹ Приведенный выше ненецкий текст, как и два помещенные далее, в оригинале написаны недостаточно разборчиво. Само качество записи также позволяет понять содержание каждого предложения лишь в общих чертах. Тем не менее записи Зуева являются, пожалуй, первым опытом фиксации связанного текста на ненецком языке, а не отдельных слов, и качество этих записей не ниже самоедских глоссариев XVIII в. составленных Штраленбергом, Шлецером и Витвенном.

Глава 12

Об обычаях и поступках

Что касается до их обычаев и поступков, то нельзя сказать, чтоб у обоих народов не были одинакие, ибо как всегда пребывают и остяки, и самоедцы между собою в согласии и всегда почти друг друга посещают, а особливо в зимнее время, и мену между собою производят⁴², как самоедцы меняют оленей и рухлядь на съестные припасы, то из одного заключить можно, что во всем у них сходственность немалая, кроме самых вероломных поведений, да и то не в лишнем отличестве. Обычаем, что они грубы, в поступках приемчивы и просты, сие обоим народам сходственное, а что оне для хорошего человека с подобострастием не жалеют лучшего, обоим сродно. Одним словом сказать, что из их ни один не имеет пред другими преимущества и исполняют по своему поведению с большею только искренностию, ибо когда к ему из хороших людей кто приедет, то желает его угостить ревностно и для того велит тотчас убить хорошего оленя и сварить только для его язык, мозг и грудинку и несколько кусков сала, что почитается у их за лучшее кушанье и знак достойного гостя. После же обеда дарит его по возможности, желая доказать свою услугу и благодарность за посещение.

Но бабы остяцкие или девки никогда почти не кажутся и никогда почти видеть их невозможно, потому что, лишь только появится новой в чуму человек, то тотчас, закрыв лице вокшемом, отворачивается лицом к стене и что надо делает, а нередко случается, что и из чума совсем в другой чум уходят, и остается одна старуха, но сие у их не значит ревность мужнюю, но самой стыд женского пола, которой у обоих народов ни за что почти в свете не почитается.

Напротив того, о самоедках того сказать нельзя, ибо те никогда голов своих не покрывают и хотя в таком же презрении у мужчин пребывают, однако как мало проезжих у себя видят, так мало и стыдятся. Между собою они равным образом ни малого приятства, ни учтивства ни знают, да и не сродны к тому, не знают оне, как шапки скидываются. Приехав к другому в чум, ни как не здороваются, а садится прямо, где нашел место пусто. Хозяин же, зная своего друга, уже знает, что его потчивать надо, но потчивание их уже известно. Зимой поставят варку с поземами или мерзлой рыбы, летом свежей сырой или, что сварит в котле, тем и потчует. Недавно еще, как они приняли от русских снимать шапки пред хорошими людьми и говорить по-остяцки – «визя» (здорово и прощай – все одно)⁴³, по-самоедски – «дорово»⁴⁴, которое слово, видно, совершенно русское, и они его при свидании и провожании гостя также употребляют, но понеже своего собственного не имеют, то между собою и не здороваются, а только с русскими так поступают.

⁴² Упомянутый Зуевым обмен практиковался весьма широко. В основе этого обмена лежало прежде всего общественное разделение труда между жителями тундры – ненцами, у которых имелись продукты оленеводства, шкуры морского зверя, мамонтовая кость, и хантами – жителями лесов и рыбаками, имевшими рыбу, рыбий жир, изделия из дерева и т.д.

⁴³ Хантыйск. «вузя» употреблялось лишь как приветствие при встрече.

⁴⁴ «Дорово», вернее «торова» (от русск. «здорово»). Употреблялось ненцами лишь как приветствие при встрече.

Глава 13

О увеселениях

Увеселений имеют между собой очень мало, а особливо самоедцы, и я почти совсем не слыхивал, может быть, потому, что они, как народ кочевой, редко во множестве бывают, но, будучи на Енисее, слышал, что самоедские увеселения точно как и некоторые камчадалские, но в сем не могу ручаться; имеет ли по правую сторону Тазовской губы к реке Енисею живущая самоедь некоторую отличность от обских самоедцов или нет, верно не знаю, того ради и увеселения здесь упоминаются не обских, а енисейских самоедцов, которые, стоя когда-нибудь во множестве при одном урочище, производят разные веселости или, просто сказать, кто что вздумает, тем и веселятся; иногда зачастую имеют увеселение в скачке, разбежавшись от меты по три раза, кто скакнет далее, также и борются, но сие и у обских остяков в моде.

Пляшут хотя и особливим образом от остяков, но с ураками⁴⁵ и тавгами очень сходственно. Пляска их состоит не во многих разностях телодвижения, но, каково одна пара делает, таким же образом пляшут и последние, хотя б какое множество их ни было. Самоедин, взяв бабу левою рукою за правую, ноги свои одна за другой наперед высовывает. Сам выговаривая полным ртом громко «Гой!», а потом с ужимкою сквозь зубы в нос «Ги» протяжено, потом опять громко «Гой!», а напоследок, забирая в себя дух, всхрапывает и так далее. Сие не значит у их вместо песни, но будто бы для показания такты; баба же, напротив того, подле его стоящая, стоя на одном месте, с приседанием выворачивает ноги и сама только всхрапывает при окончании каждого колена. И так за одну парю собирается и множество; тогда бегают кругом, держась руками друг за дружку иногда чрез целой день, желая одна пара переплясать другую****.

Напротив того, березовских остяков пляска гораздо удивительнее, мучительнее и смешнее, которые сими своими веселостями желают только представить самое дело, а не вымышленное, или пересмеять кого стараются, как видно из ихних песен, о коих ниже упомянуто будет.

Пляска ихняя⁴⁶ не до иного чего касается, как или до самых ихних промыслов, как они на оных поступают, или что увидят странное и смешное, то в пляске изобразить стараются с некоторыми лишними удивительными телодвижениями, коих словами и изобразить нельзя. Перво представляют пляскою, как промышляют лося. Пляшут по инструменту, домброю называемому, она же называется и шангальтоп и нарысьюг⁴⁷; игрок старается изобразить самое качество и действие зверя, т. е. как он бежит, рысью или скаком, как стоит и прочее, а плясок тщится представить своим телодвижением, киванием головою, ломается, стоя на одном месте, руками, и ногами, и головою стараться должен изобразить живо. И так мне самому случилось видеть то изображение на домбре и пляске, когда промышленник намеряется гонить лося. Перво игрок играет по всем пяти струнам, изображая, как он бежит рысью, а плясок по такте топает для ясного изображения, потом по игре плясок изображает, как лось, остановясь, оглядывается на все стороны и смотрит, далеко ли от его человек, за ним гонящийся, находится, и так, несколько представляя бегов и оглядов назад, играет игрок с представлением плясока, как его из лука убить хочет

и как уйдет, то промышленник возвращается назад по веселой песни с радостью и веселою песнею, пляскою, но когда же зверь у его уйдет, то ясно изображает возвращение свое с великою печалию и гневом.

Еще видел я игру на домбре и пляску, представляющую промышленника, идущего на соболиные промыслы, тащущего за собою нарточку, и так, идучи он через лес, представляет вышеписанными движениями, как у его нарточка за пень задела, как, отворотя, опять идет, и напоследок, нашед следы соболиные, как щупает пальцем, узнавая следы оногo, свежие ли они или старые, и, увидя, что свежие, как доходит до самого соболя, и каким образом добывает, из дупла выгоняет, стреляет и прочее, получа же за труды соболя, с радостью, а не получа, с горестию представляя, возвращается⁴⁸.

Сие говорено было о зверях, до их веселых промыслов касающихся, но которые промыслы у их со страхом и отчаянием бывают, тех они не представляют. Я сколько их плясок ни видывал, однако нигде не случилось видеть, ниже слышать, кто б выиграл или б представил промысел медведей.

Есть у их равным образом и птичьи пляски, которые таким же подобием представлять стараются, чтоб трафить в самую живность, так например, журавля изображает, согнувшись и надев на себя долгое платье или полог, взяв в руки костыль, сделанной наподобие головы журавлиной с носом и долгою шею, делает, повертывая ее на все стороны, т. е. как он оглядывается, как спит, как сидит сгорбясь, чешется, клюет, ходит, поет и прочее. Так, другую пляску представляет в образе мышелова, или ястреба, изущего мыши, и перво представляет руками и головою, как он летает по полям плавно, потом как вверх и вниз подымается и опускается, когда же найдет мышь, как трепещет над ею, с немалым пискom протянув ноги, бодростию своею сложения оказывая охоту схватить оную, но, когда мышь укроется, как он около того места летает и опять следит, а напоследок плясок вдруг падает на землю, распустя руки, представляя, как мышелов пымал мышь, распустя крылья, и она под им пищит, потом изображает полет мышелова с мышью и как станет оную трескать.

Хотя уже довольно примеров показано их пляски, однако нельзя не упомянуть и на смешные, и такие увеселения, которые или касаются до своей братьи — остяков другого роду, или до русских, но я здесь приложу только одну, касающуюся до русских баб, коих они пересмевают, как оне на реке рубашки полощут, ибо оне в своем житии и не знают, что такое есть на свете мытье рубахи, потому им сие и кажется не за малое удивление; и так, лишь только игра началась, плясок, тотчас взяв палку и навеся на нее всяких тряпок или что попало, кладет себе на плечо, будто бы коромысло, приходит на реку, разбирает рубахи, стирает, колотит другой палкой наместо валька, выживает, потом вдруг останавливается и слушает: где-то, дескать, на гудке играют (зная, что русские бабы до музыки охотницы). Нет, ослушалась. Опять мыть начинает, потом, вдруг орედь услышавши, любитесь и тотчас тут же будто запляшет и так поскорее. Наконец, платье вымыть торопится, чтоб поспеть, дескать, по голосу, где так хорошо играют. Таким образом и бежит туда скоро и на дороге, будто по нестерпеливости, остановится и попляшет и так далее; тем оканчивают.

И так все их роды плясок за смешные почесть можно. Хотя оне и не выдуманные, а, можно сказать, натуральные, однако, не без трудности производятся. Ломание членов [в] таковых представлениях, можно сказать мучительное, однако они не только болезнию сею не скучают, но еще кроме сносных ломовых позитур, и лишне отваживаются ломать свой стан так, что от лишнего истечения поту напоследок в слабость все члены приходят.

Ломаются, кажется, для того, чтоб его удалство и искусство, смеючись, похвалили; и действительно, в то одно и стараются, чтоб, изобразив, как можно живее, не отставая от такты, привести зрителей в смех и некоторое удивление.

Бабьих плясок я не видывал, но слыхал, что оне таким же образом веселятся.

Что ж касается до песен, то правда, что они, видно, к выкладкам оных или не склонны, или не умеют, а часто слыхал у пьяных остяков и самоедцов, которые все поют то, что ему

на ум узбредет, или что ему случилось, или что говорить хочет. Много я видал пьяных, которые, сошедшись, друг с другом песнями переговаривали все, что им надобно, а когда один в степи едет, то поет про степь, или про воздух, или про погоду, или что ему вздумается, без всякого склада, только голосом, куда хочет, поваживает, но и насмешства также в песнях у их или над своим братом, или и над соседями не не бывает.

В весенние свободные часы имеют они также и сказки, про которых я слышал только мало, однако заключить можно, что их сказки явное в себе хвастовство и невозможность заключают, ибо естли они в своих баснях коснутся до другого кого, то не иное стараются, как опорочить и тем самым примером себя превозвысить наиневозможнейше. Дикому и трусливому сему народу не иное что к ободрению себя служит, как небывалая победа в ссорах и драках, как рассказывают оне в своих сказках: «Один-де был остяк собою весьма сильной, которой поехал свататься, и по несогласию мнимого своего тестя сделалась у их ссора, он один тут побил несколько тысяч человек, но, еще будучи тем недоволен, улетел в другое место и там побил столько же».

И так далее рассказывают по большей части о побоищах, разве несколько прикрася гисторическими словами, но что до второго моего предложения касается, то, кажется, нельзя не верить, потому что в городе Березове я слышал и от многих русских, которые не к сказке, но к самой правде причисляли. Мнимая невозможность принудила меня сие повествование написать между сказками, хотя бы ему здесь и не должно иметь места. Вся невозможность состоит в расстоянии места, которое остяк, как сказывают, будто б переезжал от Обдорска, еще прежде их покорения, до самого Кондийского монастыря в одне сутки, на одних оленях, кажется, невероятное дело, ибо от Обдорска до Березова, хотя немерные версты, однако неотменно триста положить надо, а от Березова до монастыря – сто девяносто, то легко в сей правде усумниться можно, чтоб одне олени так много в сутки могли выбежать; однако верить можно потому, что я сам знаю такой особенной род оленей, которые немного и весьма редко в больших стадах случаются, притом же небезизвестно, что сей зверь, кроме всего, весьма легок, и я сам на переменных от Обдорска до Березова немного более суток выбежал.

Они же рассказывают таким образом: сие небезизвестно, что все дикие народы прежде покорения ни в чем ином, как в одних женах наиболее ссорились и воевали, то и вероятно, что у их прежде ужасные, как слышно, были кровопролития между собою, как и ныне есть остатки тех мест, где славные побоища бывали или на котором месте что особенное в тогдашнее время сделалось; те места собственные себе имена и поныне имеют. Тогда не было ни монастыря, ни Березова, а были одне чумы, которых стояло в местах по коленам инде множество, и так сей низовой остяк поехал вверх за невестой и, к монастырскому месту приехав, украл надобную себе девку и выехал обратно с девкой на одних оленях в одне сутки. Сие повествование носится между ими и поныне, и бывшее по сему тогда кровопролитие доказывает, что оное было справедливо, а я потому написал в сказках, что они сами между сказками употребляют.

Между прочим, в проезде самоеды меня уверяли и сказывали за самую истину, будто бы праотцам их около Чукоцкого носу попадались особенные люди, которых они (пыегоурта) носоедами называют, и говорят, будто бы они ловили живых людей и, разбив нос, кровь сосали и прочее, однако сему верить невозможно⁴⁸.

**** Как сама натура научает любовным хитростям. то и сии дикие народы знают, как к любви приступать должно. Говорят, что во время пляски, когда пожмет у ее руку, то и увидит свое щастие.*

⁴⁵ *С юраками, т.е. с ненцами. Из сказанного выше ясно, что Зуев описывает танцы на основании сведений, полученных им во время своей поездки в низовья Енисея в 1772 г. Поскольку там он мог слышать о ненцах только как о «юраках», то речь идет, следовательно, не о них и не о «тавгах» (нганасанах), с танцами которых описанные Зуевым лишь «сходственны». Несомненно, что «енисейские самоедцы» – это энцы. Таким*

образом, Зуеву принадлежат первые сведения (по частному, правда, вопросу), касающиеся этнографии энцев.

⁴⁶ Описываемые пляски-пантомимы обычно исполнялись мужчинами во время медвежьего праздника

⁴⁷ «Шангальтон» – мансийское производное от глагола «звенеть». «Нарысюг», вернее «нарсюк» (хантыйск.) – от «нарс» – основы глагола «играть на музыкальном инструменте», «юх» – дерево. Этими названиями именуют музыкальный инструмент типа финского кантеле в виде полого ящичка длиной около 1 м лодкообразной формы, без грифа. Струны – из оленьих сухожилий, колки – из птичьих костей.

⁴⁸ В данном случае интересно не распространенное в общем предание о «дивьих людях», а упоминание о связях ненцев с крайним северо-востоком, т. е. с областями, заселенными палеоазиатскими народностями, с которыми самоедские племена, уже при продвижении к северу из прежних мест своего обитания, вступили в тесный контакт.

Глава 14

О сватанье и свадьбах

Сколь в презрении женской пол у остяков и самоедцов пребывает, того довольно изобразить невозможно, а смею сказать, что у их женщины живут не как люди, но как надобной скот, без коего он обойтись не может. Бедные бабы весь свой век в беспрестанных трудах препровождают, не зная ни отдыха, ни праздника, всячески ему угождает, все его состояние лежит на ей одной, а он с ей и говорить никогда не хочет. Грубость их поступок с женами довольно меня уверила, когда я находился около двух месяцев между самоедцами (смешное примечание: не знают оне никогда с женами целоваться⁴⁹, не знает никаких лобзаний и ничего не ведают, как лучше в свете с прелестным полом обходятся). В дороге или на месте в чуму мужик сидит, лежит или что делает, она ему во всем служить должна, не как жена, но как купленная служанка. Пускай сего оспорить нельзя по их дикости, но в таких обстоятельствах хотя бы он ей говорил поласковее, а то нет у их любезнее слова по-остяцки или по-самоедски «нейру» (баба). Приятнее бы было женке служить из сего имени, когда бы от его хотя б это часче слыхала, а то, не сказав ничего, сам смотрит на небо или на землю, а сам говорит о своей надобности, и она должна догадываться, что ей говорит о том-то. Правда, хотя вообще у сих народов женский пол по век имян себе не имеет, но, однако, за щастие себе почитает, естли б он ее называл хотя полчеловеком, а человеком они только себя называют, как по-остяцки, Таhe⁵⁰, по-самоедски Chazowa, что значит мужик или человек, и они хотя все имена имеют, однако поимянно друг дружку не кличут, а все оным именем. Так, напротив того, и бабы не называют мужиков именем, а по большей части вышеписанным названием⁵¹.

В общем их житии мало стыда найдется, и почти совсем нету. Мужчины обыкновенно сидят у огня нагие. Бабы остяцкие равным образом, часто при чужих людях, садятся вприсядку у огня и, подняв подол за колено, без зазору греется, которое бесстыдное житие только выше Березова водится, но и у татарок не в моде. Тем сей народ похвален, что любви мало разумеют, не избирают они жен себе красавиц, не смотрят на женские нежности, которых нету, а берут всяк по рассуждению своего состояния. Правда, хотя оне не охотники, да и не ревнивы, одну жену иметь ему стыдно, и не почитает себя довольным, того ради берут многих, естли только его состояние дозволит; но я мало видал таких, кои бы обыкновенно больше трех или четырех имели; на каждой должен он свататься, за каждую платить калым, не выключая ближней родни своей, ибо остяку или самоедину вольно брать братнюю жену, мачеху⁵², сноху и прочее. В Войкарских юртах есть остяк, который двух сестер в супружестве имеет, и я не знаю, кто бы в остяцком роде был его на промыслах щастливее. Так свататься не только между ими, кажется, сходно, но и не бесприбыльно; только немногие так имеют, может быть, потому, что немногие

столько приданого отдать могут, сколько за двух дочерей отдать надобно, хотя у их и то обыкновение, что, естли за первую отдал калыму столько-то, за другую сестру уже половину платить должен.

Итак, рассматривая обоих сих народов, мало можно найти разности, а особливо в том, что я верно знаю, кажется, немного между собою различествуют, разве есть некоторая отмена в прочих порядках, кои мне неведомы. Здесь намерен я описать ихние сватовства и свадьбы, и, хотя бы можно мне было по ихному между собою сходству написать в одном месте, однако я предложу и ту, и другую порознь, через что могу уверить читателя, сколько они в обыкновениях своих между собою разнствуют.

У остяков за грех почитается взять себе в жены из того же роду, коего фамилиею сам прозывается⁵³, которая по мужчинам у их счисляется, а не по женщинам, а естли женщина вышла в другой род, родила дочь, а в первом роде родился парень, то уже законные супружники и так, не касаясь до племени своей фамилии, выбирает себе невесту из другога роду, хотя б двоюродную сестру свою, но когда иначе прозывается, то свататься и жениться на ей нет запрещення, того ради, собрав к себе равных молодцов в поезд из ближней родни и выбрав сватчегго, приезжает в те чумы, где живет отец избранной его невесты, входит прямо в юрту со всеми поезжанами; между тем хозяин, видя такое собрание и зная у себя дочь, уже должен догадаться, зачем приехали, чего ради, не спрашивая причины их приезда, что случилось, тем потчует; когда же приехавшие наелись, выходят в другую избу и оттуда посылают сватчегго о требовании согласия и о договоре о калыме, тут довольные труды сватчегму бывают, ибо, подобно торгу, тесть требует много, зять дает мало, и так сватчей то и дело из чума в чум переходит. Наконец, когда договорятся, жених, по прошествии несколько времени, отдает часть своего калыма (редкие есть такие, кои бы вдруг весь отдали, потому что между богатыми много и на ту, и на другую сторону добра переходит, и редкая богатая девка уходит за калым, кроме прочей рухлядя, во ста оленях) и наказывает ему, чтоб на следующую ночь и место, где спать, и невеста б была готова. Когда согласятся, то в ту ночь и приходит зять к тестю и ложится тут, где ему укажут; после же приходит к нему и невеста, с коєю перво для стыда лежат под разными шубами, а когда все уснут, то под одну переходят и так спят во всю ночь; а поутру смотрит мать, какова пришла дочка ее, естли благополучная, то сейчас просит с зятя однорядку и оленя, он отказать не должен; естли же не благополучна, то зять с матери требует то же.

Для славы благополучной невесты мать постелю, на которой молодые спали, изрезывает в мелкие части и разбрасывает во все стороны. После сего, покудова жених не заплатит полного калыма, по тех пор не может увести невесту в чум свой; однако, по милости отцовою бывает, что увозит ее со всем приданым и не заплативши всего, то отец, пождав несколько годов, приехавшую случаем в гости дочь свою удерживает у себя, чрез что принуждает зятя, чтоб он весь отдал.

Вышедшая такая невеста в век свой стыдится тестя, а жених тещи, чего ради в первые годы после свадьбы ходит при теще в шапке до тех пор, покудова не сделает ребенка, и естли она попадетса на дороге, то, отворотясь, нахлобучивает шапку, чтоб он ее и она его не видела⁵⁴.

Взятую за калым невесту остяк не смеет ни за какую большую вину бить без соизволения своего тестя, ибо злобная жена тотчас уйдет к отцу своему и там нажалуетса, говоря, что более с им жить не желаю, того ради раздраженной отец, естли есть что, то тотчас бросает зятю своему взятый калым, а дочь берет к себе и отдает за другого.

Самоедин, напротив того, задумав жениться, выбирает ровную себе во всем невесту, не по красоте лица или славе, но по достатку, коим он с ей и она с им ровняться могут, и так приискивает свата, коему уже известная за труды награда — дать оленя. Собрав несколько человек из ближней своей родни, наряжается ехать в те чумы, где живет избранная его невеста. Приехав, останавливаются у чумов, не входя в избу; поставя все санки рядом, сидят каждой на своих санях, а жених посылает сватчегго к будущему своему тестю о

требовании совета в отдаче своей дочери за приехавшего самоедина, на что вскорости либо отказ, либо благоволение получает. Если отказ, то с неудовольствием уезжают, что бывает немалою причиною их недружества, но сие редко случается. Если же невестин отец согласится, то тотчас имеет сват с им уговариваться и о калыме, что очень долго продолжается к немалой на дворе сидящим скуке, ибо отец невестин требует много, а жениху столько жаль отдать, и так сватчей перехаживает то и дело от одного к другому, перенося вести или договоры. Договоры у их обыкновенно бывают в том, чего у тестя мало или и совсем нету, того от зятя и требует, как обыкновенно разные цветные однорядки, котлы медные и железные, сети, зипуны и олени. Уговорясь же, определяют время, когда все оное тестю получить, а невесту отдать должно. В сем случае сколь скучно бывает зятю отдавать будущему своему тестю то, что он требовал, столь равным образом будет весело обирать тестя во время приданого с двойною себе прибылью, потому что тестю взятое от зятя одному завладеть невозможно, но он, отложив себе большую часть, прочее по всей родне разделить должен⁵⁵.

Пришло уже то время, чтоб калым заплатить зятю, которой отдавши, приезжает в гости, где и потчует его тесть оленным мясом и между тем перепеваются друг с другом. Тесть припеваает зятю, чтоб любил дочь его, а зять припеваает тестю, чтоб содержал его в милости и было б между ими согласие. Между тем говорят и о приданом; как скоро тесть исправится, ибо обыкновенно тесть должен и жениху, и невесте сшить по паре, и когда исправится, то жених приезжает с какою-нибудь чужою бабою по невесту; получает в то время отдарки от тех, кои в его калыме участие имели, что получа, берет свою невесту, сажает на санки, кои привязывает к санкам приезжей бабы, а прочие с приданым, сколько б их ни было, привязывает к саням невесты, из коих первые трои или четверы с разною кладью должен тесть покрыть сукном хорошим, а прочие хорошими и чистыми постелями. Сам жених едет назаде, а по приезде домой невеста должна послать постелю для мужа и для себя, и, хотя муж с женою ложатся на одну постелю, однако не совокупаются иногда по месяцу и по два, а когда сойдутся, то уже девство наблюдать жениху осталось, и если придет чувственная, то должен дать тестю оленя или два, а в противном случае столько же требует с тестя.

По прошествии несколько времени невеста приезжает к отцу своему в гости и живет у его сколько времени пожелает, а муж также к ей каждую ночь ездит и спит вместе, легши при свете под разные шубы и на разные постели, а когда все уснут, то и под одну сбиваются. Поживши у отца довольное время, уезжает домой и между тем получает от его новые подарки, и так сколько бы раз в году она у отца ни побывала, отец всегда дарить ей должен, чего ради мало от мужа и занимает, разве как только живет с им, а пьет, ест и носит отцовское, а не мужнее.

В противном случае, когда развод бывает, тогда оне считаются, что с которой стороны истрачено, так и расплачиваются друг с другом, или ежели жена умрет вскорости после свадьбы, то так же поступают между собою, а если муж жену любил крепко, то и по скорой ее смерти калым с тестя взыскивать не вникается.

Впрочем, все сие говорено про богатых, а бедной с бедным о бедности в калыме и рассуждают, чего ради один с другого лишнего и требовать боится.

В житии своем самоедка живет замужем, как невольница, не видит себе от мужа большой ласки, ниже какой приятности, кроме любовной той ночи, пред которой он жене своей днем всячески угождать старается. Ночью же, обыкновенно на боку лежа, Венере жертву приносят. Из таковых жрецов многие есть молодцы такие, что почту, скорее кобеля гоняют, как и между остяками слыхал, и не про немногих. По возвращении из венерина храма жертвенные сосуды не очищают, но во время обыкновенных женских нужд окуриваются дымом, перешагивая чрез огонь несколько раз или положив на горящее уголье струи бобровой или шерсти, тем очищаются, отчего хорошенькие самоедки все почти издрябли.

⁴⁹ Проявление какой-либо интимности при посторонних было строго запрещено. Поцелуй в губы отсутствовал, но существовал поцелуй в нос и в щеки.

⁵⁰ «Таха» – хантыйское междометие, примерно русское «эй!». Местное русское население употребляет его при обращении к хантам в значении «друг», «приятель», причем оно склоняется – таха, тахи, тахам и т.п.

⁵¹ Существовал запрет произносить вслух имя человека в его присутствии. Младшие не называли по имени старших, жены – мужей, мужья – жен. Поэтому жена обычно называла мужа «хасава» – муж, мужчина или «вэсака» – старик, а муж обращался к жене в безличной форме, или именовал ее «ня» – товарищ, «не» – женщина, или, наконец, по имени ребенка.

⁵² Существование отцовского рода у ненцев обуславливало наличие левирата и не ограничивало браков с мачехой, снохой и другими женщинами, не принадлежавшими к данному роду, т. е. роду мужчины, имевшего право на них жениться.

⁵³ Весьма ценные замечания, впервые отмечающие институт экзогамии у хантов.

⁵⁴ Очень интересный факт, никем не отмеченный в позднейшей литературе.

⁵⁵ Здесь явный пережиток прав рода на своего члена. Дочь данного человека принадлежит не только ему, но и его роду, поэтому часть калыма распределяется среди других членов рода (во времена Зуева – уже только среди близкой родни).

Глава 15

О женских нуждах

Женские нужды, я разумею натуральное месячное кровотечение, которое, я слышал, у их мало бывает и непорядочно, ибо иногда в четвертую и прежде, и в пятую, и в шестую неделю происходят. Рубах из их мало носят, а по большей части ходят нагие в тулупах, того ради неотменно должно тулупу замараться; но остряки выдумали изрядное средство носить пояс, по-ихному вороп называемой, которой, закупорив перво свое сокровище отлепом, или таловыми мелкими вымятыми стружками, подвязывает с исподу и вокруг поясницы. Когда же почувствует, что довольно накопилось, то тотчас на стороне ототкнет и выпустит, но помянутые отлеповые стружки никогда не бывают, хотя бы не было и кровотечения, но оне от природы так уже всегда имеют привыкли.

Напротив того, самоедки, хотя также ходят нагие, и как сшито платье, так его не скидывает, покудова на ей не истлеет, носят штаны ровдужные, в коих и родят, и во время сих нужд накладывают отлепу, которой после выкидывают, естли замарался, и кладут свежей, но затыкать не знают.

От сих кровей откуриваются они вышеупомянутым образом. Окуривают также и платье, которое в то время на себе имеют. Мущина же не только после родов с ей два месяца не спит, но и во время кровей не пьет, не ест с ею, ниже что в руки от ее принимает. Она же в таком состоянии не должна ничего есть от вновь промышленного, но довольствуется прежним запасом. Никогда также взрослые девки и бабы не должны есть от оленьей головы, кроме малых девушек, которые месячного кровотечения не имеют.

Сего недовольно, что женской пол натуральные сии нужды сносит великодушно, но у их, кроме сего, еще она должна стыдиться, будучи обязана их заблуждением. Народ не только не уважает сии женские трудности, но еще и за поганой, так сказать, род считают. Бедная самоедка не только каждой день сама себя, но и все, что в руках имела или на чем сидела, должна окуривать. В дороге, перво лишь только приедет на место, расстановя чум, прежде всего должна сама окуриться, потом за вещи принимается, которые в чум внести надо. Каждую вещь должна окурить особливо, должна окурить санки, на которых ехала, напоследок — что у саношных передков было привязано (обыкновенно мужская и женская обувь привязывается), не должна отвязывать сверху, но из-под потягу, за что олени тянут. Также не должна чум кругом обходить, но только до половины ходить смеет,

равным образом с одной стороны на другую, коли иттить понадобится, то или весь обоз обойти должна или проползти под потяг.

Остяки и самоедцы, равным образом как и прочие дикие народы, сколько ни охотники к делам любовным, однако родится между ими немного. Редко я видел таких остяков, кои бы больше трех или четырех человек у себя в живе имели, а в жизни много, что десять и очень редко бывает. Сему самая истинная та причина, что оне живут очень гнусно и не разделяют от старика нежного младенца, кормят его почти тем же и тою же самую пищею, какую сами употребляют. От молока же матери до пяти лет и далее не отнимают, покуда сам не отстанет.

Глава 16 *О рождении*

«Женщина – самоедка». –
Из книги аббата Ж. Шапп д'
Отроша «Путешествие в
Сибирь» (1769)

Родов сих народов хотя и не видывал, однако слышал довольно, что оне, дивиться надо, как легко родить могут. Самоедки обыкновенно в штаны выпускают, место закапывают в землю в глухом месте, где б ни зверю, ни человеку ходить нельзя было. Остячки, напротив того, место с отлепом, которым обтираются, кладут в коробок и притом прикладывают тут звено какой-нибудь рыбы или мяса и так подвешивают на дерево. Удивления достойное, но неудобоверимое почти дело я слышал про одного енисейского остяка⁵⁶, скитающегося везде за пищею по тундрам с женою. Бедной остяк, но варвар, не имеет у себя оленей, шатается по тундре, которой день что промыслит, тот день и сыт бывает. Имеет при себе нарточку с разною мелочью; жена оную тянет, он сзади мало-мало пособляет; жена брюхатая, пришло время родить, надо остяку остановиться на одном месте, дожидаться того времени, как женская болезнь окончится, следовательно, терпеть голод, потому что запаса никакого нету, как выше сказано; хотя, может быть, у его имелось столько жалости не как для жены, как для новорожденного дитяти остановиться, но голод его гонит следовать неотменно далее и промышлять себе пищи. Бедная остятка лишь только родила,

в нарте запряженная, взяла дитя свое, окутав шубою, положила на нарту; остяк же, видя изнеможение жены своей, сварил клею и немалой величины дал ей выпить с тем намерением, чтоб удержать известное после родов течение крови, и так тот же почти час опять поехали далее.

Нельзя же, напротив того, почесть сей случай у их вовсе нечувствительным и им бесстрашным, как видно из ихнего исповедывания грехов, которые родильница должна при всех рассказывать пред родами. Баба, которая в тогдашнем времени при самоедке ходит, хотя всячески страшает, чтоб пристрастнее во всем призналась, одного нельзя думать, чтоб, кроме угрозных ее речей, не было и таких примеров, коих бы она совершенно боялась, чего ради самоедка во всем при всех, предстоящих на родах, кается и притом, естли с кем блядовала, должна сказать имянно, естли же из ближайшей родни, то имя умалчивает, чрез что дает знать, что тот был ближней свойственник. Лишь только младенец родился, какая бы баба ни приблизилась, взяла тотчас нож, нарочно к тому случаю получше изготовленной, отрезала пупок, отдавши оной с местом другой бабе спрятать в укромное место, а младенца, перевязав пупок жилой, отдает его мужу, которой, потрепавши до полюбовавшись, отдает другому сродичу и так далее все таким новорожденным любуются, не зная во всем самоедском роде уроков.

После сего делают ему люльку наподобие коробки, у которой по бокам есть петли, к голове сделано повыше вместо сголовья, а в ногах ровно, как в ящике. В люльку насыпают гнилого толченого дерева для мягкости, на которое кладут младенца, а после, закутав его маленькою шубою, увязывают ремнем сквозь помянутые боковые петли и так его носят или под пазухой, или за плечами.

Новорожденному младенцу не дают никакого имени до пяти лет его возраста, а когда пять лет свершится, то дают ему ребячье имя, коим он до пятнадцати лет называется, а по прошествии сих пятнадцати лет родители дают уже ему настоящее имя или по сходству какого-нибудь давно умершего сродника, или по силе, или по сложению, сходству с животными, проворству, прилежанию к промыслам, трудолюбию, щастию и прочее, как из следующих самоедских имен видеть можно, кои переведены на российский язык.

Chan – чагу – Сани листовянищные; Nerme – Пролубь; Laatscha – Кочка земляная; Lacug – Неровная земля или кочковатая; Naimale – Ломаная нога; Paluma – Шпайной обух; Chalyna Mal – оба – Рукавица глухая без напалка; Peettama – Ладонная спина metacarpus; M o – Сук; Wana – Корень у дерева; Chalewuhai – Маршышечья нога; Chaidju – Дикой; Waiprti – Бешеной; Hulpad – Исподней мешек; Pazu – Женское естество; Ertuhai – Гусиная нога; Maja – Косноязычной; Enhysche – Кривинькой; Pany tabai – Изодранная шуба; Udasi – Безрукой; Haisi – Безногой; Podora – Лес; Lana – Говори; Lambai – Широкая лыжа; Mottju – Тупой; Worgoma – Обделенной; Saiwyzi – Безглазой; Sjautta – Нельма; Myrtschi – Ветреной; Poju – Ольха.

Такие имена дают родители пятнадцатилетним своим сыновьям, но богатые, в дружестве между собою, занимают также имена друг у дружки после умерших сродников; в противном же случае, естли без соизволения друга своего даст сыну своему чужого сродника имя, то не только бывает великая ссора, но и до смертоубийства нередко доходит⁵⁷.

Впрочем, женской пол, уже прежде сказано, что имен по век своей не имеет, того ради более об их и распространяться не для чего⁵⁸.

Младенческих похорон не видывал, но русские и самоедцы многожды меня уверяли, что похороняются так же, как и большие, выключая только лишние обряды, которые над большим покойником со излишеством производятся.

⁵⁶ Речь идет несомненно, о кетах, о которых Зуев мог слышать во время своей поездки в Туруханск в 1772 г.

⁵⁷ *Имя умершего давали вновь родившемуся лишь через 1–2 поколения. Явление, описываемое Зуевым, возможно, относится к фонду имен рода, откуда другой род не мог заимствовать имена.*

⁵⁸ *Женщины, разумеется, имели имена, но пользование ими было ограничено рядом запретов. См. примечание ²³ и ⁵¹.*

Глава 17

О погребении

Мертвые тела тамошних народов есть первой и надежной корм тамошних зверей, потому что по всей тундре похороняются, и самоедцы не имеют определенного нарочного к тому кладбища; и в дороге, если умер при просторном болоте, то вывозят его на сухое место, а если на способном умер месте, то далее не отвозят, а тут же и оставляют⁵⁹.

Остяки, напротив того, как уже народ, опоселившейся на одних границах, имеют нарочные кладбища, кои халасями называют, и хоть также мало пекутся о телах умерших, чтоб схоронить их от зверей, гробы вырывающих, однако кладут бережливее самоедцов. Могу ли сказать, что оне головами кладут на северную сторону, верно не знаю, но, которые гробы я видал, те все мне так казались.

Остяки и самоедцы мертвых тел долго не держат, и так, если остяк умер поутру, то в полдни его и похоронят, сделают тотчас могилу неглубокую, меньше аршина, может быть, потому, что мерзлая земля далее рыть не позволяет. Мертвого одевают в лучшее его платье, как летом в однорядки, парку, малицу и неговаи, а зимою в известное также зимнее платье; подле его кладут все то, что ему на сем свете в жизни было надобно, в дорогу отправляющемуся, как постелю, нож, топор, рог с табаком и прочее, все, кроме кремня и огнивы, кои делают деревянные. Покудова все оное исправляют, мертвой лежит в чуму своем, куда сходятся мушины и женщины, оплакивая его с великим воплем и терзанием. Женщины с женщинами сидят в своем месте, закрыв лице обыкновенно вокшемом, а мушины ходят около его и плачут, между тем делают ему гроб из лодки; обрубив нос и корму, кладут его и несут на руках все, сколько бы их не случилось. Принесли на обыкновенное свое кладбище, которое бывает на пригорке, кладут его с большим воплем, быв при том одне только мушины, а если умерла женщина, то одне женщины и бывают, кроме одного или двух мужчин, которые выкапывают могилу. За упокойным ведут самых лучших и любимейших его оленей с санями и во всем убранстве, коих, приведши на могилу, лишь только закопают мертвого, тотчас привяжут у каждого оленя на заднюю ногу по веревке, за которую один или двое тянут, а четверо, обостря большие кольца, оленей со всех четырех сторон насквозь протыкают, что служит вместо поминок и жертвы по покойном. По богатом бьют еще более оленей; надев петли на шею и на ноги, растягивают и, приведши его в слабость, ударяют стягом вдоль спины по хребту и тем умерщвляют. Всех убитых оленей над могилой оставляют, убор с их и с санков кладут в теремок, сделанной над мертвым из прутьев, а санки сверху опрокидают. Между тем для поминовения в стороне от могилы варят есть и, наевшись, остатки, принесши домой, разносят по чумам, чтоб поминали, не употребляя при том имени умершего.

После сего всегда почти бывают поминки, когда кто из родников его помянуть захочет, кои отправляются таким же образом, как и выше сего сказано.

Самоедцы, напротив того, умершего своего, как и остяки, не обмыв, одевают во все платье, сколько на его надеть можно, а что не полезет, то вокруг его окладывают просто. Кладут его, протянув руки, надевши на голову котел, обвертывают постелями или чумовою крышкою и обвязывают веревками. После сего, опасаясь дверьми вынести мертвого (думая, что если дверьми вынесешь, то он вскорости уведет других за собой), вытаскивают из-под чума, подняв крышку, за голову и, положив на санки, отвозят или в то

место, где похороняют, или где лучше сами изберут, или где сам при жизни наказывал. Привезши на такое место, естли летом, то копают неглубокую могилу, так, чтоб мертвец с землею мог сравняться, которую, после заложив дощечками или прутьем, засыпают землею; естли же зимою, то делают на том месте небольшой обрубец в длину человека, в которой, положи мертвого, закладывают прутнягом. Тут же кладут и все, что он имел в жизни, рассуждая, что на том свете оное ему будет надобно; того ради кладут лук, стрелы, нож, топор, табак, трубку, котел, чашки, ложки, и прочее⁶⁰. Оленей же тех, на коих привезли мертвого, задавливают над могилой и во всем их снаряде оставляют. Между тем, у богатых приводят и тех, на которых мертвой в жизни своей промышлял диких зверей, коих всех, задавленных, зимою в снег закапывают, а летом мохом и прутьем окладывают, будучи в том мнении, что ему на том свете было б на чем промышлять и ездить.

Между тем старают, где б поскорей сыскать поближе ворожея для отпеву, и естли в близости нету, то ездят и далеко нарочно, которой, приехав, начинает перво колотить в бубен и между тем припевает, чтоб на каких он был промыслах, те были б сродникам его счастливее; потом поет, уговаривая его, чтоб оставшихся после сродников оставил с покоем и за собою б не уводил вскорости.

После чего делают ему обыкновенные поминки, но оставшийся муж или жена не должна есть с другими поминающими из одной посуды, покудова не окурится бобровою струею или шерстью и не обмоется водою.

Сродникам его, естли случится обозом ехать хоть чрез десять лет мимо того места, где положен его родни покойник, то, естли вспомнит, должен, убив оленя, помянуть его, т.е. сварить и съесть со всею своею артелью, а голову с рогами, воткнув на кол, поставить на то место.

Имена умерших купно с телами пропадают, потому, когда кто умрет, то другой и в разговорах его имени поминать не должен, а говорить об нем околицею, иначе у их знак великого недруга, кто помянет имя покойного. Не забывается же оно потому, что оно дается уже дальним сродникам — правнукам и другого колена.

Сродник умершего человека, желая оказать печаль свою не только по смерти, но и при его болезни, не подвязывает ног и не подпоясывается, чем пред всеми жалость свою доказывает по больном своем сроднике. Сие и у остяков также в обыкновении.

⁵⁹ *Здесь, вероятно, неточность. Поскольку род владел определенной территорией, он старался именно на ней хоронить своих покойников. Обычай этот сохранялся до самого недавнего времени. Род имел одно или несколько кладбищ. Разумеется, при далеких перекочевках приходилось иногда хоронить людей данного рода на чужой территории. Это, по-видимому, и ввело Зуева в заблуждение.*

⁶⁰ *Все эти предметы ломали, продырявливали и т.д.*

Глава 18

О рыболовстве

Рыболовство — первое у остяков и самоедцов пропитание — заключает в себе большую часть их жития и экономии, потому что он, сызмала уже привыкнув к сим промыслам, под старость и отстать не хочет, и совершенно, что великое множество зверей, хотя в их жилищах шатающееся, так их не оголодит и не приведет в нужду, как один недостаток рыбы. Оленные мужики, которые стадам своим не знают щету, равным образом жалуются на голод во время недостатка рыбы, как и бедные, кои и рады бы убить оленя, да нету. А богатой сносит тот же голод, претерпевает нужду, жалуется на недостаток, а оленей своих бить жалеет. Богатые там те и называются, у коих оленей множество. Они совершенно особого рода, потому что в их обитает особый род скупости. И так экономии их можно раздели[ть] так, что рыболовство их пропитание⁶¹, а олени богатство заключают.

Начало одного рыболовства происходит в июне месяце; как река Обь вскрыется, тогда всякая рыба идет вверх по Оби из морских губ и заливов и заходит во всякие речки, уже в Оби впадающие, и совершенно, что в полоую воду; когда Обь великое пространство понимает, нельзя на ей промышлять никакими образами, кроме малых речек, проток и озер, но, где таковых способных мест нету, там выдумали остяки особое средство, т.е. под осень, выбрав такое место, где на прок рыбу ловить можно, хотя бы оно было и каменное, но лишь бы высокое, то накосом между лежащими на понятых берегах камнями вколачивают гладкие небольшие кольца, чтоб тащущаяся по дну сеть за камения не задевала, а по кольям катилася; таким образом вытаскивают сеть в целости с рыбою⁶².

Летом же и зимою рыболовство производят по всем рыбным рекам, как по Оби, Сосве (над которою стоит город Березов), Казенне, Сыгае, Полую (над коим стоит Обдорский острог), Собе, Щучьей, Хайе, Надыму, Тазу, Пуру, Войкарской и прочим малым речкам и озерам разными, издревле употребляемыми к тому хитростями.

Рыба, какая в той стране имеется, значит ниже сего с самоедским, остяцким и вогульским названием:

<i>По-русски</i>		<i>По-самоедски</i>	<i>По-остяцки</i>	<i>По-вогульски</i>	
Осетр		Epa	Joch	Schuby	
Стерлядь		Chyre	Kyr	Karai	
Муксун		Sjumbunga	muchsun	—	
Щокур		Hidrtsaha	tcchohor	—	
Пыжьян		Polkur	Pydzschjan	Porcul	—
Сырок		Pai	Ioroch	—	
Таймень		Роды	Nehai	akn	—
Хариюз		лосося	Tuju	—	—
Омыль			Sjaugchalle	—	—
Кунжа			как и таймень	называется	—
Чир			Ihychalle	Kegehull	—
Селдь			—	—	Eny Schem
Нельма			Sjaudt	Unsch	—
Налим			Njuje	Panne	—
Щука			Pyre	Sort	—
Язь ⁶³			Lyzu	Neide	—
Сорага			—	—	—
Ерш			—	Lar	—
Окунь ⁶³		—	Chondzcchonhull	Symir	
Карась ⁶³		Touchalle	Mylemchull	—	

Вся вышепомянутая рыба всходит вверх очень далеко, кроме сих трех: омуля, чира и кунжи, кои при море в реках и озерах остаются. Плавают обыкновенно стадами; подымаясь вверх, приплывают в Березов в июне, а в сентябре назад с веру возвращаются в те же морские губы и заливы, покуда некоторые из помянутых рек замирать не станут. Причины, отчего реки замирают, из тамошних жителей еще никто не разумеет; только известно, что замирают по большей части такие, кои некаменистые, как и самая река Обь, которая с около лежащими реками замирает с половины генваря месяца, а Полуй, Надым, Таз и Пур в ноябре. Прочие же: Собе, Щучья и Хайя – не замирают, потому что, я сам известен, реки каменные, из которых в Хайе вода столь светла, что в омулах, думаю,

сажень около двух малых рыбок можно видеть, как оне гуляют. В Щучьей же, напротив того, вода очень мутна, но среди самого лета столь холодна, что человеку четверти часа посидеть в ей невозможно.

В первых, то есть в Оби с около лежащими реками, вода мертва бывает по тех пор, покуда весною с гор не будет стекать свежая, в какое время вся стая рыбы, которая на низ уйтить не успела, пребывает у самых берегов и устьев малых речек и ключей, кои живостью из гор наполнены. В таковых местах тогда удивительное рыбы множество бывает, так что на малой воде друг дружку давит, а рыболовы ни чем иным, как сетками, будто готовую, загребают. Что ж касается до икры помянутых рыб, то примечено, что щуки выметывают оную в мае и июня в начале, выбрав за способные места в небыстрых реках, озерах и заливах; щокур и пыжьян осенью, в ноябре, в способнейших для себя местах рек, довольной каменья имеющих. Икра же небезизвестно, что в осетре и стерляди бывает черная, в щокуре и налиме — желтая, в пыжьяне, язе и щуке — красная.

Теперь не неприлично, кажется, объявить и самую величину тамошних рыб, как осетры бывают от трех до десяти четвертей, стерляди в три четверти и менее, налим от одной до пяти, муксун от двух до трех, щокур также, пыжьян от одной до двух, щука и налим от одной до пяти, омыль от трех вершков до трех четвертей, кунжа от двух до четырех четвертей, чир от двух до трех четвертей, сырок от двух до восьми вершков, язь также, ерш от одного до пяти вершков.

Всю оную рыбу здешний народ с пользою употребляет, в пищу изготовляя; русские как самую рыбу, так и икру солением, а везигу сушением, зимою же сырую едят охотно, так, как и летом. А ясашные народы, остяки и самоедцы, по неимению соли, следуют застарелому своему обычаю: из тела рыбьего, снятого с боков, делают поземы, из спинок и брюшков варят варку, кости же сушат, а напоследок изтолкши, в случае голода сами, а не то вареные со щербой дают есть собакам.

Налимы, напротив того, на низу в таком множестве ловятся, что народы их за презренную рыбу считают, того ради никак их не заготавливают, а берут только из их одну максу для варения жиру, а прочее кидают собакам, да и собаки их не едят. Я видел налимов превеликие кучи, около юрт набросанные, которые в жаркие дни гнили, отчего далеко от юрт воздух смрадом наполнили.

Клей вынимают из осетра и стерляди. Распоров брюхо и ополоскав его в воде, немного подсушив, снимают с верху жирную перепонку, а после варят в котле до тех пор, покуда наверх сплывет, что значит поспелой, и закаливают в холодной воде, а потом сушат карлуками и лепешками, но самой лучшей бывает осетровой, а из других рыб не вынимают.

Что же касается до жиру, то у здешних обывателей можно почесть за самую нужнейшую вещь по всей стране к северу, ибо не только употреблением его в пищу довольствуются, но и в варении мыла очень пригоден, в делании из лосиных и оленьих кож юфтей, замши и белой ровдуги, да и в домах, за неимением свеч и сала, для свету пользуются оным. Вынимается из осетровых и стерляжьих брюшков и молоко, налимьей максы, из муксуновых, щокуровых, сырковых, нелемчих, язевых, омылевых, и чировых кишок, но самой лучшей бывает налимий и всем прочим предпочитается.

Неизлишнее почитаю предложить читателям и о цене в Березове на продажу обыкновенной: осетрины пуд 40 копеек и дешевле, муксун, нельма, пыжьян, щокур и сырок по 25 коп. пуд и менее, а временем, за малым промыслом, неотменно и дороже быть должно; клею фунт от 15 до 28 коп.; везига из одного осетра — по копейке, жиру от 50 коп. до одного рубля пуд.

Теперь приступаю я к самому рыболовству, как какую рыбу, каким образом и какими притом средствами промышляют, из коих первой обыкновенной и всем известной невод у всех почти остяков и самоедей в употреблении, от июня до сентября ходит непрерывно, как и кылыдан — сеть, сделанная наподобие мешка, шириною сажени в полторы, более и менее, длиною же в сажень, у которой нижнее основание жердь, к коей отверстие сети

пришито, и для тяжести на половине жерди привязан камень, чтоб жердь шла по дну; к камню привязана веревка и продета сквозь кольцо, у верхней половины отверстия имеющееся, коею (веревкою) он, едуци в лодке, всю сеть за собою тянет. Вверху у сети, на четверть от кольца, привязывается другая тоненькая веревочка, которую он в руке держит меж пальцев на слабке, чтоб все ему было чувствительно, и так, когда рыба, взошед в кылыдан, торнется в сеть, то промышленник, помощью маленькой веревочки, почувствует, что в сеть взошла рыба, тотчас опускает из рук оную, а к жерди привязанную толстую веревку вытаскивает из воды с сетью, чего ради опущенная тоненькая веревочка не препятствует сети тяжестью воды опуститься кольцом по толстой веревке до самой жерди, чем сеть сверху рыбу прикрывает и не пускает вон выйти. И так сими двумя средствами промышляют осетров, нелем, налимов, муксунов и шокуров.

Летние бережники делаются обыкновенно запором; когда рыба вверх идет, от берегу сажени на три и более, у коего на стороне вглубь привязана морда, отверстием своим в низ реки стоящая, от оной морды вниз по реке делаются небольшие прясла, коих при конце стоит другая морда, и так, естли рыба, идучи вверх, в запор упрется, то по стене сходит на глубь реки и ежели не попадет в первую морду, то, обошед, в другую неотменно попасть должна, в той надежде, что тут пройти можно. Промышляют летними бережниками в июле, августе и сентябре, а зимними, таким же образом сделанными, от октября чрез всю зиму даже до апреля месяца.

Когда же рыба зайдет в соры, или протоки, для своей пищи, то делают запоры, у коих хозяин сколько хочет делает воротец, куда проходить рыбе, но в самых воротах становит или морду, или важан для осетров, сети так называемые, сделанные мешком таким же образом, как кылыдан, только с тою разностию, что с оным сидит на одном месте, которое он заране изготовляет над воротцами, чтоб ему сидя ловить было ловчее, а прочее совсем на то похожее, ибо основание важна также на палке, к коей к середине привязан для тяжести камень, к той же палке к середине привязана другая, которую промышленник держит в руках, уперши нижним концом в землю, чтоб важан не снесло водою, а верхняя половина важна к сему колу привязана веревочкой, а нить, по которой взошедшую рыбу узнать бы было можно, привязана к пупику важна; и так лишь только взойдет рыба, то нить зашевелится, и рыболов помощью шеста вытаскивает нить с рыбой. Сие происходит, когда рыба из соров назад возвращается, т. е. в августе, сентябре и октябре месяцах. В таких же запорах у воротец становят также пуши, такие же, как морды, у коих жерло очень широко, а там что дале, то уже, и длиною бывает иногда сажени около двух печатных. И так, зашедши рыба в воротцы, водою уже забивается в узкой рукав, которой концом привязан к воткнутому большому колу, коим после и вытаскивается. Оными по большей части в полуую воду промышляют.

Вары называются запоры, которые городятся чрез всю реку, чтоб рыбе нигде проходу не было, кроме одного окна на запоре, к коему привязывается также морда или помянутый пуш.

Обской ез делается чрез всю реку стоячим лесом, какой делают на заливах и других реках. Оной хозяин также, на сколько хочет, на столько разделяет прясел. И так всякая рыба, не имея проходу, пойдет по оному искать места, где б пройти ей было можно; однако, пришед обратно к пряслу, видя, что вода туда протекает свободно, проходит и она в ворота и напоследок в морду попадает, откуда рыбак уже вытаскивает чрез нарочно сделанное на боку окошечко. Оное бывает от октября до генваря месяца. Земляные, напротив того, запоры делаются с самого начала весны таким же образом и стоят с полою водою, которою запирают в поле и выпускают в октябре и ноябре месяцах.

Переметами промышляют одних только осетров в июле, в августе и сентябре месяцах, хотя, правда, и налимы и большие нельмы попадают. Сие недивно, что всякая рыба во всякие снасти за своим множеством попадает, хотя бы были и осетровые, но часто и малой муксун за то же уду хватает. Простая сия снасть, перемет, остякам столь много приносит прибыли, что можно почесть лучше всех промыслов прочих мог бы остяк

обогатиться, естли б оная рыба по настоящей цене там продавалась. В сорок копеек и менее пуд осетрины продается уже от русских березовских жителей, которые от остяков целыми осетрами или за долг, или за несколько листов табаку, или за несколько чарок вина получают. Из сего всяк заключить может, сколь велико в Оби рыбы множество и что тамошние народы в довольное время самым лучшим кусом гнушаются, а в голодное время и костей не покидают.

Гладкое бревешко, к коему навязаны друг подле дружки на долгиных веревочках удочки, коих и по 12 бывает, а каждую удочку наживляют для приманки из мелких рыбок маленькими кусочками, за которые осетр схватя, на уду попадает, а промышленник переметы раза по четыре и по пяти осматривает и для того инде осетров снимает, инде наживу иль новую накладывает, иль стару оправляет. Нередко случается, что на каждой уде по осетру вынимают, но редко, что пуст возвращается. Язевые и стерляжи бывают переметы, только те с начала весны стоят вплоть до осени.

В реках около Березова: Сосве, Казенне, Сыгве – и по другим местам осенью, в сентябре месяце, ездит по одному и по два человека в небольших и легких лодках и зажигают бересту на долгих шестах, которые держат перед носом той лодки. Рыба тогда к берегам обыкновенно на мелких местах между каменщиком становится, то по светлости того огня колют острогами налимов, щокуров и пыжьянов.

Сосва река такая, в коей красной рыбы не бывает или, по крайней мере, редко заходит и в самую водополь, хотя она также в Обь впадает. Того ради по всей оной реке простыми средствами промышленяют и легкими, как например маленькими запорами, в коих также становятся морды; но поелику тут по большей части бывает белая рыба, то летом более сетями и добывают; но во время мертвой в реках воды, когда рыба у свежунов, с гор текущих, прибавляется, как выше показано, то делают досченые запоры два ряда против свежуна, меж коими насыпают земли и крепко утаптывают, а по сторонам привязывают морды, куда рыба попадает. Сие случается в марте, по большей части в то самое время, когда уже вода начнет освеживаться и рыба от берегов в реку отходить станет.

По рекам же, речкам и озерам ниже Обдорска и около моря, как в реках Войкарской, Щучьей и Хайе, по укреплении льдов делают небольшие шалаши над пролубками, в кои опускают нарочно сделанные для приманы деревянные рыбки, маленькие на тоненьких веревочках с камешками, и как к оным манщикам подойдет рыба, то колют острогами щук и прочее. А у небольших запоров опускают на дно с камнем белые доски, и кои на те доски всплывут, тех колют острогами ж.

Самоедцы в летнее время в реках Тазу и Пуру также и в околележащих при море озерах и других малых речках промышленяют неводами; и у кого нет сетей конопляных, то делают из талового лыка, а веревки плетут из мелкого колотаго талу и таким образом ловят в сентябре и октябре. Они называются ячеицы, длиною сажень по 40, и становятся их на небольших речках и озерах, около моря в тундреных местах лежащих; в полюю воду и по подледью ловят пыжьянов и кунжей так, как ниже Мангазеи, пушальницами.

Прочие остяцкие рыбные промыслы самоедцам, думаю, не неизвестны. Того ради они в случае нужды или вместо забавы тем подобными ловить также рыбу не нестараятся.

⁶¹ Это замечание исчерпывающим образом характеризует роль рыболовства и оленеводства в экономике ненецкого хозяйства. Несомненно, что уже в XVIII в., при достаточно резкой имущественной дифференциации, олени и пушнина составляли основное богатство, так сказать, товарный фонд хозяйства. Рыба же, особенно в отдаленных районах, имела почти исключительно потребительское значение и служила основным (наряду с мясом дикого оленя) продуктом питания не только для малооленных, но и для многооленных ненцев.

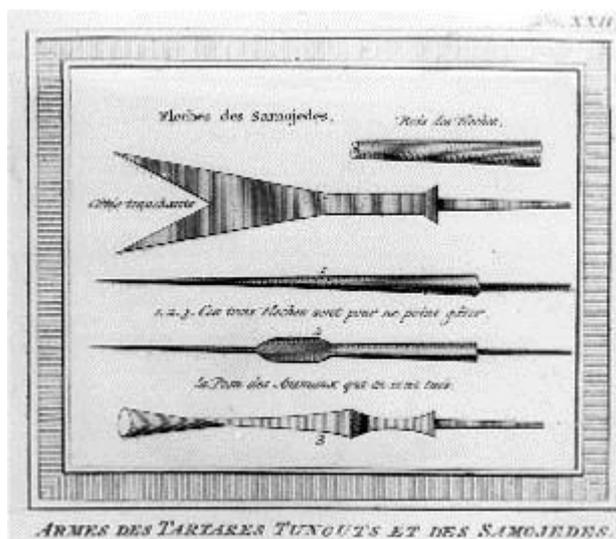
⁶² Весьма интересный способ лова, никем и нигде не описанный.

⁶³ По-остяцки: язь – Mewte, окунь – Jew, карась – Malenhull.

Глава 19 *О звероловстве*

Зверей около Березова и далее к Северному океану по тундрам годом имеется очень довольно; но прежде, нежели я приступлю к самым промыслам звериным, должен упомянуть остяцкое суеверное примечание, которого они иногда желают, иногда всеми силами избыть стараются. Вечеру, когда остяк на промысел наряжается, то очень желает, чтоб ему чихнулось, почему он уже верно счастливому поутру промыслу быть надеется; естли же утром, против его чаяния, ему чихать захочется, то он не знает, как бы ему оно избегнуть, крепится всячески, суется во все стороны, но когда не удержится, горестно взохаёт, сказав: “Ах, зверь у меня пропал”. Чихотку также свою разделяет на разные роды: естли чихнет тихонько, то мало о том тужит; естли же шибко, то, почитая, что зверь у ево был хорошей, так досадуёт, что тот день из юрты вон не выходит.

Звери, какие там бывают, суть медведи черные, которые, однако, все согласно говорят, что не тамошние природные, а заблудшие, почему их мало там и бывает; волки серые в великом множестве зимой и летом шатаются по тундрам и много губят оленей; лоси, росомахи, бобры по рекам только около Березова, выдры, соболи, белки и изредка бурундуки, лисицы, песцы везде по тундрам около моря и на самом океане, горностаи и изредка ласки и множество оленей.

Оружие самоедов

«Самоед». – Из книги К. де Бруина «Путешествие через Московию в Персию и Индию» (1714)

Медведей ловят скрадом, стреляют из луков стрелами и из винтовок пулями. Когда же найдут его в берлоге, то вход оных закладывают лесом и засовывают на двух деревьях железные костыли, кои за верхние концы держат, чтобы его не выпустить на волю, а между тем сверху той же берлоги прорубывают большую дыру, чрез которую колют его копьями; также на тропах ставят настороженные луки, от коих проведут по тропе тонкую нитку, за которую задев медведь передними ногами, получает себе стрелу в самую грудь навстречу; когда же давит рогатого скота, то над падежом строят лабазы, с коих в его стреляют.

Впрочем, все сии средства не тамошних народов, а такие, кои в России употребляют, да и медведей ниже Березова, где русских нет, мало видают.

Волков отравляют заквашенною чилибухою в мясе или рыбе. Промышляют настороженными капканами, коих к нитке, привязывают мяса или рыбы, так что лишь только волк дотянет за нитку, то захватывает его капканом либо за лоб, либо за нос. Ловят так же, как и медведей, становя луки на тропах со стрелами, потом ловят кляпцами, кои более становят на тех местах, где волки бьют оленей.

Лосей промышляют зимою, гоня по толстому снегу, а весною по насту собаками; и как он, утомясь, останавливаться станет, то человек близко к нему подходит и стреляет из лука.

Весною же и осенью зарубают засеки и становят настороженные луки.

Рысей промышляют луками над падежом.

Россомахи в тамошнем уезде бывают черные и с белыми боками, коих ловят так, как волков, одинаково. Бобры бывают карие и рыжие, от их же кошколки называемые, молодые, т. е. однолетки, живут в воде при небольших речках и озерах, в норах, из речек проведенных в материк до самого гнезда, над которым вверх прорывает маленькую норку для прохождения свежего воздуха. Промышленники ходят зимою искать оных с собаками, которые, нашед по духу его жилище, промышленник делает со всех сторон в воде запоры, чтоб ему никуда уйтись было невозможно. Притом устье норы загораживает кольем, а сверху разрубает помянутую норку топорами и пешнями и, разрубив, привязывает собаку за задние ноги и пускает в нору, которая, задавив бобра в норе, хозяин тащит ее за ноги, а она тащит бобра из норы; в противном же случае, если собака бобра в норе не застанет, то промышленник у запору делает пролубь, в которую бобр для воздуха принужден бывает выскочить, и он тут его хватает крюком. Еще ж их ловят в полую воду по рекам во время утренней и вечерней зори, плавая в лодках и, нашед его на берегу, стреляют из луков фальшивыми стрелами, к коим привязано слабо на долгой веревочке с зазуброю копейцо, которое, попав в его, с дерева спускается, и он с им уходит в воду, а деревцо плавает на веревочке; и так промышленник, приплыв к плавающей наверху стрелке, от ее по веревочке находит и бобра, куда он скрылся.

Выдры, большие и малые, шерстью карие и рыжие, находятся по малым речкам, где больше полых мест и ржавцов, где оне на берега выходят; тут на следах промышленники становят настороженные луки, когда же от воды далеко отойдет, то достигают собаками и на лыжах и бьют палками.

Соболей промышляют по тонкому снегу собаками, на дереве стрельбою из луков, в норах и в дуплах обметывают сеть; также из дуплей выкуривают дымом.

Лисицы находятся седые, черно-бурые, красные и белодушки, коих промышляют; сделав из снегу бугорок, приманивает, сперва разбросав в разные стороны рыбьих костей, и как лисенок повадится к тому месту, то он впрядь закапывает кости в самой бугорок и примечает, как он есть их станет, стоя или лежа; таким образом набоку от того бугорка выкопает ямку и становится самострельный лук, которой после опять заваливает снегом, чтоб не видно было.

Весною же, когда лисицы щенятся в норах, то промышленники те норы разрывают и берут малых щенят, коих кормят у себя дома, покудова хорошая шерсть вырастет. Сверх того, ловят также кляпцами, капканами, слобцами, луками на тропах и отравою.

Песцы бывают двоякие: одне голубые, другие летом бурые, а зимой белые; водятся в тундреных и поморских местах, около ручьев на небольших бугриках, в норах, множество отнокров имеющих, кои нашед, промышленник слушает перво, есть ли в ей зверь или нету; когда же не приметит, то деревом или рукою тотчас поскребет над норой, сие песец, услышавши, думая, что другой зверь лезет в его нору, тотчас подаст голос, что промышленной услыша, становит тут⁶⁴ черкан, в которой песец при выходе из норы попадает. Летом же мужики и бабы копают норы из оленьих рогов нарочно сделанными лопатками и, докопавшись до зверя, берут за хвост и бьют головою о землю, напоследок промышляют так же, как волков или лисиц.

Белок осенью по тонкому снегу следят собаками, и когда собака найдет на дереве, то стреляют тупыми стрелами, или тамарами, и из винтовок пульками; также промышляют плашками с наживою мясною или рыбьею.

Бурундуки серые с черно-желтыми полосками бывают длиною не более трех вершков; промышляют так, как и белку.

Оленей промышляют разными образами. 1) Гоняют по толстому снегу в лесах на лыжах и стреляют из луков и винтовок. 2) В тундряных местах, увидя самоедцы довольно диких оленей, выбирают на высоких горах плоские холмики, на которых станоят своих езжалых оленей на ветреную сторону, а от оных оленей начинает ставить к шестам нарочно привязанные на долгиных веревочках гусиные крылья, по-ихнему лапки⁶⁵ называемые, кои на ветреной стороне расстанавливают друг от дружки сажени по четыре и по пяти, а далее и по десяти и до тех пор устанавливает, покуда увидит, что олени по ветру дух человеческой обонять могут; потом с другую сторону против ветреную сторону становит такие же лапки от саней, уступя сажен на пятьдесят, до тех пор, пока уже против самых оленей поровняется, ибо тогда он не боится, что ветер нанесет человекей дух на оленей, а олени, собирая мох, того и не видят, да и правда, что олени менее глазами видят, нежели как духом обоняют. И так постановя лапки с одну сторону, ложатся несколько человек в снежные шанцы не в очень дальнем расстоянии от санков, а по другую сторону скрываются стрельцы с луками и винтовками, кои и называются у них особливим именем — варданы. Между тем несколько человек заезжают вдаль, чтоб оттуда погнать оленей к санкам прямо между расстановленных лапок. И так олени бегут тою проталиною, видя с обеих сторон страх от лапок, ветром веющих наносимой. Бегут прямо на санки к неезжалым оленям, а скрывшиеся в шанцах люди встают и чем попало машут, кричат и всячески пугают, чтоб с своей стороны отогнать на другую к варданам, которые приблизившихся оленей сколько можно стреляют и побивают. 3) Еще ж бывает, что оне, приметя стадо оленей, выбирают какую-нибудь горную сопку, которую обстанавливают кругом своим обозом и на шестах вывешивают платье и все, чем бы олень мог пугаться. А между тем, сделав пространной проход на гору, с обеих сторон опять расстанавливают лапки и несколько человек сзади заганивают оленей в оной проход на гору, и когда вбегут оне, то оной проход задергивают еще санми, чтоб назад нигде не могли выбежать. И так олени, видя себе отовсюду страх от развешенного платья и веющего крылья, бегут вкруг холма той сопки, а стрельцы между тем в их стреляют, так что редко случается, чтоб хотя один из них выбежал, но всех побивают, сколько б захвачено ни было. 4) Летом, когда бывает сильной комар и пауты, то олени выбирают прохладные ключи, где б им ложиться было можно, и тут стрельцы стреляют скрадом из луков и ружей. 5) В сентябре и октябре месяцах промышленник, увидя стада диких оленей, берет с собою из своих нарочно к тому обученных оленей пяток, при коих находятся также и телята двухгодовые и годовые; из тех пяти оленей одного пускает наперед на долгой веревке сажен в 20, а конец привязывает на пояс, других ведет он по сторонам также на веревке, по два оленя на стороне, за пояс же привязанные, которые один за другим идут порядочно; и правда, оне столь привычны, что ежели, мало разрознившись, не так пойдут, то, не допусая до того, чтоб он еще веревкой поправил, но только лишь взглянет, то олень, догадавшись, что не так идет, как хозяину надобно, сам поправляется, а промышленник идет, наклонясь между

ими даже до самого табуна диких оленей и, приблизившись к оным, стреляет из луков и ружей. Осенью, когда олени гонятся, то промышленники по одному и по два человека ездят на оной промысел диких оленей, выбрав с собою крепкого и сильного кормового хара⁶⁶ или некладенного оленя, и, наехав табун, оставляет санки, а хару, навязав петлю на рога, укрепя подле самого рогов корня и расправя по рогам, где надо привязав худенькими ниточками, чтоб после порвались, а петля б прежде времени не спустилась. И так подводит своего оленя к табуну, и он, увидав стадо, побежит к оному, а оттуда выбегает такой же хар, и они, сразившись, начнут бостися и до тех пор бодутся, пока один другога не осилит; однако дикой олень во время борьбы срывает петлю с кормового на свои рога, и когда побежден вздумает бежать, то кормовой хар тотчас свои рога утыкает в землю и его сдерживает и не пускает, а между тем промышленник, набежав, убивает дикого.

В стадах по тамошним тундрам диких оленей бывает от десяти до двух-сот, но прежде сего незадолго видали такой табун, в коем более трехсот положить надо.

Олень — зверь столь пугливой, что в тундре иль в лесу от треску малого под его же ногою изломавшегося деревца и от веющего лесу пугается, чего ради в таком случае бежит от лесу прочь сильною рысью, задние ноги закидывая за передние так, что иногда по мере примечено по аршину меж копытами расстояния; рыщет, подняв короткой своей хвост кверху, заломя голову, положа прекрасные большие свои рога на спину, спереди представляет вид неприменного иноходца, а сзади на его смотреть — так, как разбитую клячу, которая, отбив у себя ноги, бежит раскорякой. И так испужавшись, бежит далеко и долго по тундре бегают, но столь опять любопытен, что не преминет после, чтоб ему не прибежать к тому ж месту и не посмотреть, чего он испужался. Иногда таким образом раза по два и по три прочь убегает и опять на то же место прибегает для свидетельства, а между тем, покудова он по тундре от страху бегают, промышленник перебирается на то место, куда оленю прибежать должно, где он его, прибежавшего, застреливает из лука или из винтовки.

Самоедцы, когда промыслят дикого оленя, то перво всего отрежут ему уши и на том месте, где сняли с его кожу, кидают в знак благодарности тому зверю и для счастливейшего впредь промысла. Голову и ноги с мозгом едят сырые. Глаза закапывают в землю в такое укромное место, где б ни бабы, ни взрослые девки не шатались. Иначе, естли баба перейдет, то у их за грех и великое несчастье в промыслах почитается⁶⁷.

Средства, какими зверей ловят, суть разные, из коих первые, слобцы, делаются следующим образом: с двух сторон делают огородец улочкою ширины меньше полуаршина, а поперег улочки вершка на три вышиною от земли делается поперечинка, которая ниже в колье с обеих сторон устанавливается; сверху накладывают плоское бревно, задним концем на коле утвержденное, передним же настораживается, будучи поднято кверху, лежит на спине, в развилину первого кола ущемленной, которая одним концом поддерживает бревно под поперечину, в бревно утвержденную; к другому же концу спины привязана насторожка, верхним кончиком в кол упертая, а нижним за первую меж кольев невысоко от земли на лже установленную поперечинку, чтоб бревно прежде времени не спустилось, за которой кладется прутье и другая примана, а как зверь или птица, взошед, заденет за поперечинку и из места ее вышибет, то насторожка соскакивает, а бревно, опустившись, придавляет добычу. Оным ловят зайцов, лисиц и тетерь.

Куронсес⁶⁸ делается на столбиках, в землю врытых, вышиною от земли на пол-аршина, чтоб во время погоды его не занесло снегом. На столбиках стелют доски длиною в сажень ручную, а шириною в пол-аршина, по бокам также огораживают дощечками шириною в четверть. Сверху делается такой же гнет бревенной, у коего исподняя сторона обтесана в пласт; задней конец оного утвержден на столбике. На половине пола кладется нажива из сухих рыбьих костей или мяса, а на наживу кладутся две круглые палочки, или скалки, длиною вершка по два, а толщиною в палец. На оные палочки кладут небольшую дощечку, с нижней стороны опупистую, на которую станоят сторожек нетолстой, длиною в пол-аршина и менее; на оном сторожке устанавливается гнет, и, как зверь

войдет в куронсес и, нашед наживу, станет доставать, тогда палочки из-под опустистой дощечки покатыются, сторожек выпадет, а гнетом придавит. Попадается в куронсес всякой пушной зверь, как: волки, лисицы, росомахи и песцы.

Плашки, или пасть, – известное средство, коим в России мышей промышляют, но та только разность, что здесь на белок и соболей становятся таковые. Внизу кладется доска, а сверху другая, кои обе содержатся на одном коле; над оными сделаны рели, покою подобные, коих к верхней перекладине привязывается сторожек, которой верхним своим концом поддерживает верхнюю доску, а нижним задевается за зарубку тоненькой дощечки, такую же длиною, как и самые доски, привязанною к тому ж колу, на котором помянутые доски утверждены; под тоненькую дощечку кладется нажива, которую, когда зверь трескать будет и чуть лишь пошевелит дощечку, то она упадет, сторожек выскакивает, а верхняя доска зверя придавит.

Засака делается, как городьба из кольев, а между ими оставляется проход, в коем становятся либо луки, либо утверждает в верху кольев петлю и оную расширяет, а как зверь в оной проход пойдет, то либо в петлю попадает, либо, задев за спинку, натянутой лук спускает и стрелу прямо себе в грудь получает. В таковые засеки заходят олени, лоси и медведи.

Морские звери, кои самоедцам только известны, суть белые медведи, коих жительство оне неправильно в воде полагают, но он только себе там пищу добывает и по воде плавает и ныряет, а часто его и по берегам промышляют. Около Мангазеи и Туруханского монастыря, что на Енисее, такое их множество, что в ином месте столько не сыщется черных, сколько там по рекам и по тундрам, от моря отдаленным, их промышляют; там оне очень смиренны и с коровами так, как дворовый скот, вместе ходит. Причину тому мне сказывали, будто бы им есть запрещение от святых мощей Василия Мангазейского, чтоб скот не губили. Самоедцы их промышляют, нарочно разъезжая по берегам Северного океана, но когда и невзначай близко наехать случится, то кидается он на человека, если же далеко, то убегает; напротив того, когда увидит в лодке плывущего, то и издали за человеком гонится, желая как бы лодку опрокинуть. На сухом пути по его неповоротливости легко промышляют иногда скрадом, из ружей и из луков стрелами⁶⁹.

Моржи хотя не более трех сажен ручных бывают, однако, по сказкам промышленников, изо всех морских зверей суть величайшие. В верхней челюсти имеет два зуба, четверти в три, посредством которых он выпалзывает на берег или на лед, где спящего его или отдыхающего колют носками, имеющими на конце немалые зазубрины. Ног он не имеет, а только одне ласты; на берег же выпалзывает, закинув назад шею, и, утвердя в лед или в берег большие свои зубы, так вытаскивается. Когда его найдут таким образом спящего, то промышленники подкрадываются с носками, на долгих ремнях привязываемыми, коих другой конец привязывает к пню или колу, в землю утвержденному⁷⁰; и когда носок в моржа воткнут, то он, испугавшись, совсем пустится в море и, дошедши до глубины какого места, обессиливает, откуда его опять на берег вытаскивают и добивают.

Зайцы морские, нерпы, или тюлени разных родов, находятся, из которых большие самые не более двух аршин бывают. Шерсть малая, пестрая и серая, стреляют у приглубых и гористых мест около моря, морских губ и рек, подкравшись, из луков стрелами, а иных и так находят, погодою из моря выкинутых. Зимой же, когда реки льдом покроются, то оные звери проделывают пролубки, из коих на вольной воздух выходят, а промышленники подле оной пролубки кладут небольшую доску, а с другой стороны сами в сне[г] неподалеку от оной зарываются; и когда тюлень выйдет из пролубы, то оне доскою на долгом ремне задерживают пролубь и тут его бьют палкой или ножом колют⁷¹.

Белуга⁷² – зверь или рыба, у самоедцов в немалом сомнении, однако оне более за зверя считают, нежели за рыбу, доказывая зверевым подобные ее части: голова продолговатая, глаза малые, круглые, выпуклые, ушей нету, а только одне дырки, шеи нету же, туловище поперег толще, к голове покатае и к хвосту тонее, кожа толщиною человеческой подобна, беловатая, слизкая, перьев нигде нету, на груди имеются две ласты, жиром

наполненные, в коих имеются пять косточек, извне означены пятью будто ноготками, к груди тоньше — в человечесью руку, а наружу шире — лопаткой наподобие ладони; под брюхом имеется детородной уд, от которого не в отдаленности имеются две титьки, как коровье вымя, молоко белое, детородный уд длиною вершков более десяти, а толщиною в руку пониже локтя, собою вострой, как у быка, мясной, без кости; хвост хрящевой, плашмя не как у рыб, но как у рака, которой она, подгибая под себя, воду назад попирает и так плавает. На затылке имеется дыра, в которую набравшую в себя воду вон выбрасывает вверх сажени на три, зубы ровные, клыков нету, мясо черное, как уголь. Дети ее рождаются кожей чернее против матки, рот невелик кажется, но когда зевнет, то обширностью своею удивляет самоедцов. Жир ее очень чист и прозрачен, как масло. Оную, когда увидят зашедшую в залив, по большей части в июле месяце, то самоедцы, собравшись от 50 до 100 человек, выезжают на устье того залива и гонят оную до самого тупика на мелкие места, где колют ее копьями⁷³.

Киты в промысле у самоедцов никогда не бывают, но только сильною погодою на берегах выкинутых из моря, мертвых находят.

⁶⁴ Сведения ошибочны, так как песца черканою не промышляют.

⁶⁵ Ненецк. «лабак» — «махавка», флажок.

⁶⁶ Ненецк. «хора» — самец.

⁶⁷ Охотничья добыча, в особенности олень, считалась чистой, и ее оберегали от осквернения нечистой женщиной.

⁶⁸ Куронсес — хантыйск. курынгсезы, — буквально “слотцы с ножками”.

⁶⁹ «Смирный» нрав белых медведей, как и территории их распространения, вероятно, описаны Зуевым по рассказам.

⁷⁰ Такой способ охоты на моржа ныне не сохранился, но его существование в прошлом, видимо, связано с развитой морской охотой приполярных аборигенных племен, впоследствии ассимилированных ненцами, перенявшими у них некоторые способы охоты.

⁷¹ Этот способ охоты, главным образом на нерп, сохранился до настоящего времени, например, на северо-восточном побережье Большеземельской тундры.

⁷² Не белуга, а белуха — *Delphinapterus leucas* Pall.

⁷³ Еще в конце XVI в. Иероним Мегизер, использовавший главным образом материалы нидерландских экспедиций на север, описал способ коллективной охоты на китов у ненцев, весьма сходный с описанием Зуева.

Глава 20

О пти[ц]еловстве

Пти[ц]еловство начинает быть в начале самой вешней оттепели, когда снег растаивать начинает по водопольным местам, где к скорейшему растаиванию снега сыплют также и золу; и лишь только вода на таких озерах окажется, то и птица прилетает всякая. Подле такого озера делают нарочно снежной шанец, или станок, у которого на все стороны имеются окошечки, из коих стрелы стреляют из винтовок пулями, с которую бы сторону птица ни прилетела. К большому приману птицы имеют оные промышленники запасенные уже чучелы, кои становятся на воды и к коим птица больше скопляется. Удивительно, что птица, гуси или лебеди, лишь только сядут подле таких манщиков, то тотчас начинают с ими драться. И если ей однажды спастись от сего обману случилось, то впредь разве в другие средства попадет, а к сим манщиками никогда уже близко не подойдет. Наиболее стреляют на таких местах крупную птицу — гусей и лебедей, а прочих разве по нужде.

И так покудова оттепели бывают, охотники промышляют только сим вышеписанным образом, но когда воды уже гораздо больше распоятся, то и птица, покудова не улетит на гнезда, водится на одном месте до самой глубокой весны, пользуясь озерною водою, перелетая с одного озера на другое. В таком случае охотники от одного до другого озера

вырубают лес пространно перспективную, коею бы утки и проч[ие] с озер[а] на озеро способнее перелетали; таким образом налету в сумерках разстонавливают сеть, которую распяленную на высоких шестах за тетивы хозяин держит на слабке, и лишь только птица, одна или много, в сеть торнется, то сеть опускается, и она запутывается. Таковые сети называются перевесы, и вместо того, чтоб говорить «промышлять перевесами», говорят «сидеть перевесом».

Другое средство, во всем сему подобное, называется кыскан — такая же сеть, но с тою только разностию, что оною и в ясные дни промышлять можно, как и ниже сего явствует, ибо вся сеть лежит на земли на кольцах раздернутая, и когда птица полетит, то он, со стороны видя, что уже близко находится, того ради вздергивает кыскан и птица, не успев так скоро вверх подняться, вся в его попадает. Между тем лишь только еще торнется, то кыскан весь по кольца сбегает в кучу; того ради и во время множества попавшихся птиц не могут так скоро кыскан прорвать и вон вылететь, но когда же случится, что все пролетят поверх кыскана, то в запас неподалеку станоят чучелы, и в таком случае остяки столь искусны в бересту кликать по-гусиному, что никоим образом распознать нельзя. Того ради лишь пролетят, то он и начнет в бересту кликать, а гуси, услышавши гусиной голос, опускаются ниже к манщикам, как к товарищам, и, плавая издалека, опять в кыскан попадают.

Около Самаровского яму наиболее промышляют понжами, сетями так называемыми, которые длиною бывают сажень в 20, а шириною в две. Оную расстилают на песку, где гуси более садятся, а человек скрывается в стороне в нарочно сделанном к тому огороде, держа в руках веревки, на которые сеть с обеих сторон надета, а после не в отдаленности укреплен в кол, и как гуси на сеть сядут или найдут, то промышленник дернет за веревку, и сеть вся в мешок собирается, а гуси в ей запутываются.

Впрочем, можно сказать, что птицы во все лето бывает здесь такое множество, что большая часть Березовского уезда запасом оных довольствуется чрез год целой. Прав[да], что хотя из крупных птиц — гусей и лебедей — не столь много засолить случится, потому что в одно только начало весны и промышляют, однако уток столько много на каждого достается, что и на другой год вон выкинуть останется.

Разных родов хотя и немного, однако стада бывают великие, как доказывает удивительное множество прилетающих и отлетающих гусей и лебедей и ужасная по водам чернь уток и разных прочих птиц. Из всех родов бывают, выключая гусей и лебедей, казарки, чагвои, турцаны, сынги, чернеди, соксуны, полухи, гоголи, свищи, савки, чирки двух родов, селезни, крохали, лутки и прочие в пищу употребляемые птицы.

Прочие: сукалены, турухтаны, стерки, журавли, а гагары разве невзначай попадутся, а нарочного старания к промыслам таких птиц никто не прилагает.

Глава 21

О состоянии всей тамошней страны, погоде, травах, северных сияниях и светлости

Что касается до состояния всей тамошней страны, то думаю, каждому небезызвестны неспокойного севера перемены. Правда, хотя и в самом деле город Березов можно положить в северном градусе, как самое место доказывает, однако погоды по своему непостоянству так часто переменяются, что иногда не в свое время случается великая стужа, иногда среди глубокой зимы мосты от оттепели до земли оголяются. Прошлого 1771 года лето столь было жарко в городе и жителям несносно, что не только самые старики не помнят такого рода, но и молодым было для памяти, затем, что оне последних своих огородных овощей, коих и без того родится там мало, принуждены были лишиться. Наивящшие же жары были под осень в августе и сентябре месяцах, а после вдруг север столь проворно поворотился с своею стужею, что в середине октября и реки становиться начали. Меня в сие лето в Березове не случилось, а был в дороге к Северному океану и для того не мог жаловаться на сии несносные, как мне сказывали, жары, а находился в

числе почти тех знобких людей, кои и зимою из шубы на выходят. Хотя у меня было и лето, однако я не скидывал ее, кроме пяти дней, в которые от северного жару пот в себе почувствовал.

Травы хотя и роятся около Березова, и лесов всяких довольно, но тонкость их и малость доказывают особливость тамошнего климата. Триста верст считается от Березова вниз по реке Оби до Обдорского городка, где уже лес ни к какому строению не годится, а при впадении реки в Обскую губу уже и никакого нет, кроме талу. Самое последнее дерево к северу растет лиственница, которая около двухсот [верст] в северо-западную сторону на реке Щучьей кончится, откуда начинаются уже чистые тундры и на мокрых местах ничего не видно, кроме моху и разного рода тальника вышиною менее аршина. Травы, напротив того, ниже Обдорска около реки и на мокрых только местах имеются, а на тундрах ничего, кроме сухих холмиков, на которых мелкие всякие особливые растут травки, да и те недолго, ибо естли слишком непостоянной год выдастся, то не цветут более трех ден, так, как мне сказывали тамошние жители. Один, дескать, день вырастает, другой цветет, а в третьей пропадает. Да и правда, что естли северной ветер потянет, то уже редкие травы в целости останутся: во-первых, что холоден, во-вторых, что и перестает нескоро. В июле месяце я имел от северного ветра такие морозы, что не только поля все заиндевели, но и у меня в чуму вода в лотке замерзла, что очень служит доказательством холода северного ветра.

Что же касается до животных, то во всей тундре, кроме оленей, лисиц и песцов, зимою не найдется, а прочие, кои любят потеплее, те сюда, ближе к Березову, и водятся. Из домашних же одне коровы, кои в Обдорске живут до пяти лет немногие, а лошади ниже Березова отнюдь быть не могут. Были охотники, что на [с]удах в Обдорск лошадей завозить пробовали, но и году не пользовались своим вымыслом. Свиной и овец березовские богатые некоторые содержат по малому числу, да и то ненадолго, ибо оне там плодятся худо; корму для их мало, потому что и хозяева довольствуются привозным запасом с купли; притом же должно их всегда содержать взаперте, иначе через час и костей не найдешь, как собаки растащут с своею игрою. Здесь, кажется, не непристойно упомянуть и об обычае тамошних собак, коих там преможеество, потому что зимою оне вместо лошадей служат и в дальние дороги, и в лес по дрова. Оне когда голодные во время недостатку рыбы (как и остяки от сего более голод претерпевают), то так смиренны, что не подумает и залаить, а когда сыты, то то и дело что играют. Того ради и со скотом перво играют, а потом всего растерзают, коли отбить никого не прилучится. Каждой день небывалым там людям наведут чрезвычайную скуку своим воем, которой по всему городу раздается таким образом: сойдутся собаки три или более, перво подерутся, потом начнут выть, что услыша, прочие собаки то ж подымут; и так во всем городе делается такой вой, что из конца в конец переходит, будто караульные перекликаются, стоя на караулах, крича: «С богом! Ночь начинаем». В кошках я особливости не приметил, но бывают всякие, как белые с черными и рыжими пятнами, серые, черные и совсем белые, кои водятся также и в Обдорске.

Петухов и куриц для яиц содержат, некоторые только с великою от собак осторожностью. Тараканов и сверчков во всем Березовском уезде нету, а начинаются оные от Самаровского яму, что больше 400 верст выше от Березова. Клопов у русских довольно, блох мало, а у остяков много также и вшей. У самоедцов,напротив того, блох нету, а вшей со излишеством.

Вся сия сторона хотя болотами преизобильна и на болотах устроена, однако лягушек нигде не видно, как и змей, а редко видеть случается одних ящериц, которые только одному Березову известны.

Впрочем, сколь скудная сия страна во всю зиму, так что описать нельзя, столь, напротив того, весело в ей жить, начиная от весны до самой осени, так что изобразить невозможно, по той причине, что зимою там почти свету нету, а бывают дни около Николы не более трех или четырех часов, в кои при свете писать можно. Летом же, напротив того, и днем, и

ночью такая светлость, что не только читать и писать можно, но между ранним вечером и ночью почти различия нету, и без привычки на первой случай уснуть нельзя. Самое солнце в Обдорске не более часу из глаз скрывается, и то за одну высокую сопку закатается, из-за которой видеть его нельзя, иначе во всю ночь катится по горизонту, как превеликая кадка, на которую прямыми глазами смотреть можно; и светлость его немало не препятствует себя видеть; наконец, и места хотя в самом деле негодные, но при таком ночном сиянии кажутся весьма приятными.

Кто желает сими приятностями наслаждаться, то пускай сам туда съездит, тогда увидит и мне поверит, сколь прелестное летнее тамошней страны состояние.

Северные сияния там не в большом почтении и не за великую особливость считают, потому что там и зимой, и летом часто случаются, а особливо под осень. Простые северные сияния очень неувидительны, но, которые с немалым треском и большим шумом зимою случаются, те часто приводят зрителей в удивление, ужас и предугадание. Тотчас после таких пойдут у их переговоры, перенятые от русских невидальцов, и всяк предбудущее по своему разуму заключает, но таковым заключениям здесь места нету, а для курьезности приложу одне мнения тамошних господ физиков, отчего оне происходят. Иные говорят, что солнце в море купается и оттого свет оказывается и скрывается, а треск значит, когда оно о воду ударяется. Иные сказывают, что море горит в то время и от его волнования происходит сей стук и движение колумнов.

Так наши остяки свою физику толкуют.

Глава 22

Об оленях

«Нарты самоеда, запряженные северными оленями». – Из книги К. де Бруина «Путешествие через Московию в Персию и Индию» (1714)

Богатство северных жителей, как остяков и самоедцев, не называется богатством иметь разные достатки, но у них тот и богат бывает, кто сегодня сыт, а завтра голоден не будет. Правда, есть из них такие, которые имеют и амбары, разными зверьми наполненные, но оными только от ясака и от ненравия отплачиваются, а о запасе на содержание всей своей экономии редкие помышляют. Летом, когда рыбы довольно, ловит ее с небрежением, а берет из великой кучи, однажды вытянутой, ту, которая выше всех скачет, и запасает столько, чтобы ему только до весны за неделю стало, не думая о будущей ловле следующего году, каково-де удастся. Прошедшей 1770 год столь им был скучен, что каждой, живучи вдали от городков, сколько ни терпел голод, сидя дома, однако, взяв с собою сколько-нибудь зверевых кож, принужден подвинуться из своего жилища со всей своей фамилией и, покудова находятся в нем силы, итти пешком, по тех пор и следует, а выбившись из сил совсем, на дороге пропадает. Многие есть такие, кои, будучи не в силах терпеть такой голод, все с себя чувства сранивают и оставляет то себе понятие, что ему в

глаза мерещится, то почитает на языке сладостию; многие, узревши перед собою какую-нибудь падину, принуждены охотно такую кушать; многие, от богатства своего отставши, принуждены с великою нуждою ходить по миру; а напротив того, сей только запас у них за худой почестъ невозможно, что кто имел на себе платье из рыбьих или оленьих кож, те ныне ему в варении бурдука [п]ригодились⁷⁴. Щастлив из них тот, коего Бог благословил стадами оленей; такой уже почти никогда ни о чем и не думает, хотя ходит также и за звероловством; однако сей труд принимает на себя от безделья либо от великой скуки; оленей же кто стада содержит, тот у них и богатым называется, ибо никогда голоден не бывает. Но и, действительно, содержание такого скота можно смело назвать прочным, ежели пастух попадетсЯ доброй совести. Понеже стада сих оленей требуют всегда при себе человеку быть с фамилией (по-ихнему чум называемой) в кибитке, к которой он привыкши, каждой день принуждает пастуха перебираться с места на место, потому что через сутки скот, выбив весь мох для корму из-под снега, выбивает и место; следовательно, требует, чтоб кибитка подвинулась далее, где б он свежева мог найти себе моху или корму, а иначе он рад голодом стоять на одном месте, а от кибитки прочь не пойдет. Сей зверь не такой, как лошадь, коих стада пасут табунные жеребцы, но в оных хар стадо своих самок пасти не может, а завсегда бывает пастух, надзирая, чтоб которой олень куда-нибудь не утратился. Пасутся же на всяких местах, где б ни пригодилось, а нарочных к тому мест не выбирают. В стадо пускают некладеных самцов, или харов, не по выбору и не помногу, а столько, чтоб толко самок не оставить бездетными, а ярость харову удовольствовать, коему в то время бывает не без трудности. Ибо обыкновенно, числясь между 25 самками один, то только за собою знает, чтоб успеть с одной вскочить на другую, по порядку обошедши каждую по два и по три раза, от чего в такую приходит немощь и бессилие, что и на ногах стоять не может, понеже ему в то время и наестся недостает времени; чего для пастухи оттаскивают его в другое место от стада, где б он, не видя самок, в спокойствии отдохнуть и несколько поправиться мог. Сходятся, как рогатой скот, обыкновенно в сентябре до половины октября и далее, охоту же харову можно предвидеть таким образом: перво начинает царапать землю или снег, потом станет мочиться на задние себе ноги, а напоследок, как придет в ярость, то начинает искать самок, к тому же охочих; напротив того, ежели самка не захочет, то хар как бы ни старался, но никоим образом склонить ее не может; а имеет такую охотку до тех пор, покудова своих рогов не лишится, что бывает в год по однажды, как то у хара спадывают в октябре и ноябре месяцах, у молодых же и декабря в первых числах, у кастратов в марте и апреле, а у самок в мае теряются; и как скоро спадут, то тотчас новые рости начинают; растут же до осени они мохнатые, в коже с маленькою шерсткою⁷⁵, которая разве у некоторых кастратов в целости засыхает, а прочие все, о деревья очищая, делают голыми. Самка, когда почувствует у себя от самца что-нибудь в брюхе, то уже ни под каким видом хара скакать на себя не пускает, однако и в то время его от табуна никогда не отделяют. Носит самка в брюхе теленка семь месяцев, и каждой год приносит по одному, а двойни редко случаются. Время в последних числах апреля и первых мая; когда наступает тельность, тогда пастухи или сами хозяева выбирают для спокойствия самки места либо лесистые, а где нет лесу, то чистые ручьи и около ручьев на горах талые места, чтоб от погод было безопасно; но иногда бывают, правда, и великие ненастья, как-то: ветры со снегами и морозы, то хозяева рожденнаго в то время одевают разными своими одеждами, только чтоб были не ветхие и дымом не закоптелые, коего, бедняка, одетого в человеческое платье, теленка matka оставляет без всякого призрения и жалости, так, что и совсем его позабывает, которую после пастухи, хотя и с немалою трудностью, однако с принуждением кормить теленка приучают таким образом: перво таких на снегу привязывают и не дают ей ни пить, ни есть сутки трои или четверы, а потом сваливают ее с ног и припушают теленка сосать титьки; matka же, проголодавшись, когда начнет его лизать и питать без принуждения, тогда ее спускают с привяски, в противном же случае по тех пор не освобождается, покудова сама кормить его не будет. Родятся телята

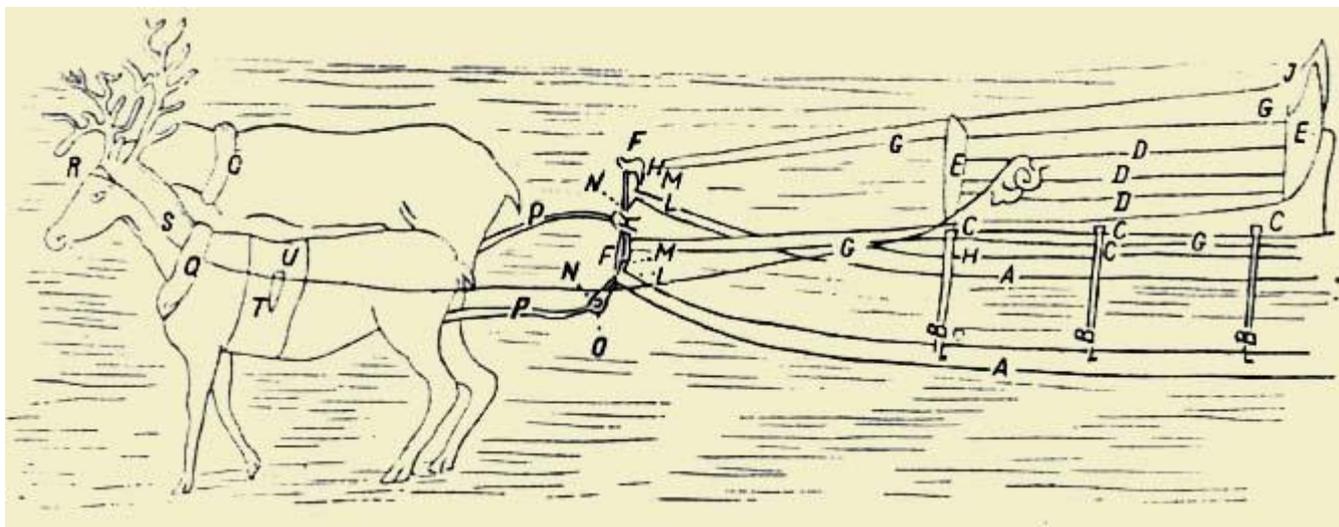
четверти в три вышиною и более, а после, рстая и питаясь молоком, бывают и больше; и когда уже бывает месяцев двух и менее, то сам начинает есть мох и мягкую траву, однако и матку сосет до тех пор, пока она не понесет другога, и тогда уже его редко к себе подпускает; бывают же и такие, кои матку сосут года по два, хотя и сами детей носят, но матку не покидают, и их никто не отъимает, а отстают либо сами, либо matka припускать его не станет. Напротив того, удаются из них такие наглые, что, пососав мать свою и увидя в близости другого также сосущего, то, оставя мать свою, забегает сзади и сосет иную с другим тут же; таковые бывают ростом больше обыкновенных; а иные и самки есть такие, кои из охоты воспитывают оставшихся после матери теленков по два и по три, но только такие бывают уже ростом менее прочих. Сие смеху достойное в сем животном: при рождении в благополучную погоду, лишь только родившись, мало-мало обсохнет, то тотчас и начнет скакать и бегать, а сам хоркает; увидя такого, matka сама также бегаёт за ним и хоркает; колми паче естли таких в стаде прилучится много, то смотреть на такое позорище не неприятно. Бывают опять из самок такие (кои обыкновенно чрез два года должны приносить сами телят), а оные, например, весною родившиеся сами, да к другой весне уже и теленка принесет; таковая называется у них блядью (неуды), а самец также, хотя прежде времени и скачет, но ничего сделать не может.

При первом случае их возраста хозяева ничего еще приметить не могут и, куда его способным употребить, не узнавают; месяцев же шести когда будет, то не имеющей оленей его впрягает под легкие вozy, перво приучив, чтоб не дичился, таким образом: надевает на него с петлею веревку и за оную дергает, а олень, боясь того, бегаёт вокруг, но когда усмирится и не будет веревки бояться, то водит его на оной куда хочет и напоследок без трудности впрягать может; а нередко также случается, что, не умея оленя приваживать в веревке, тою же и задавливает. Везде олень служить может с перемешкою во всю зиму и лето, только б с отдыхом был довольной корм; в день можно на нем ехать часов 12 и более; а когда уставать станет, то должно выпречь и покормить мохом, а после до становья вести уже простого. В противном же случае, естли хозяин отдохнуть ему дать не похочет, то после с жалостию смерть на дороге упавшаго оленя оплакивать будет. Никакого знака видеть невозможно пред случаем падения такого усталого оленя, но везет так, как и свежей, и ниже запыхается; а как придет время, то в один миг упадет и не дыхнет. Сильные из них бывают кастраты, и они в возке долее служить могут. Живут олени, по примечанию, 21 год, более и менее, естли только на нем, кроме неизбежных, никаких других немощей не было, от которых, часто случающихся, приходит в слабость, и так, как старик или пропадшей, олень бывает жертвою хозяину в пищу. Болезни на них бывают: 1) колется копыто, 2) кашель, 3) из рта течет слюна, 4) весною на каждом олене бывают свищи, 5) в горле черви коих оной народ никак лечить не умеет, кроме последней, что черви из горла рукой вынимают. Что ж до свищей касается, то сия болезнь такая, коей некоторой олень избежать в жизни своей не может, и каждой весны, естли на одном появится, то уже и все стадо тем же заражается. Она состоит из червей, по-за коже у зверя живущих, кои иногда так усиливаются, что оленя совсем задавливают, а иначе без всякого также лекарства в свое время из-за кожи выпадывают, и олень очищается. Кроме сих двух болезней, прочие усилившиеся можно назвать неисцелимыми; копыта хотя и спадывают, но очень редко, и притом разве по какой болезни. Олени рогами одарены бывают великими и немалым числом отростков; но сие разно случается и разное число на таких бывает, а есть некоторые, кои и совсем отростков не имеют.

Бывают олени разных шерстей, как: белые, пегие, чубарые, черные, бурые; которых держать самоедцу неубыточно, ибо, просто сказать, он его поит и кормит, обувает и одевает. Понеже мясом оного довольствуется столько, сколько самому ему хочется, и никогда голоден быть не может. Шерсть особливо никуда не употребляют, но естли которую оленину и очистят для юфты, то шерсть с нее кидают за негодностью; а выделанные сих зверей кожи употребляют на платье и обувь и на все содержание целого дома. Возят парой и по три вдруг, бегут рысью, таща за собою тяжесть очень согласно, а

каждая пара легко тяжесть пятнадцати пудов на себя примет; легкими ж санми, действительно, в сутки, не кормя, можно до ста верст выбежать, только б ему давали через 20 верст немалое число вздыхать, поесть снегу и высцаться; однако он когда и бежит, то и на бегу снег глотает, а притом и во всю зиму пьют не воду, но снегу, вместо питья, едят довольно; летом же пьют воду всякую, речную и из морских заливов.

Продаются олени рубли по два, по три, а смотря по доброте и до десяти рублей доходят.

Санки, на которых ездят самоедцы, впрягая по два, по три и по четыре оленя, делаются из всякого, кроме тальника, дерева⁷⁶, коих полозья *A* бывают длиною аршина в три с половиною, имея у себя на стороне по три копыла *B* и по четыре, вышиною от полоза *A* до дир *C*, в кои вкладываются поперечины, или вязья, вершков одиннадцать. На вязья настилаются тесаные тоненькие досечки *D*, пришитые ремнями к козырям *E.E*, наперед и назад имеющимся; по сторонам же от самых полозовых головок *F* даже до заднего козыря пришивается с закрайками досечка *G* из дерева с корнем, наподобие крыка зделанная, где она тонким концом *H* вдабливается в передней конец полоза, а корнем *I* касается до заднего козыря *E*, от переднего же козыря *E* до самых головок *F* оставляется пустое место. Головки же *F* соединяются вместо вяза поперечиною *K*, чтоб полозья не разбежались. На полозьях *A* под сим вязом *K* провертываются дыры *L*, в кои вдевается ремень *M* и завязывается за блок, или досечку боковую *G*, на которой имеются лонтали *N*, коих чрез дыры *O* продет один большой ремень *P*, за которой тянут олени, будучи запряжены по два в ряд в лямках *Q* чрез шею, имея ремень у себя промеж всех ног. Вместо узды, имеют олени на голове кости *R*, нарочно к тому сделанные кои надеваются на лоб, и, подтянув под челюсти на затылке, концы завязываются. У левого оленя имеется одна возжа *S* на левой стороне и привязывается вверху за узду *R* почти подле самого уха и, чтоб не спадывала, накладывается на кость *T*, пришитую к широкой коженой подпруге *U*, а другой конец держит в руке. Припряжной олень к левому привязывается накрепко, чтоб был поводлив, куда левой поворотит, туда бы и он следовал. Ездок сидит в санках, скорча ноги калачиком или одну ногу под себя, а другую свеся; в одной руке держит вожжу, а в левой тонинькой шестик⁷⁷ длиною сажени две и более, коим оленей понужает, и ежели ему надобно ехать влево, то немного подержит вожжу, а потом потрясает ею, естли ж вправо, то должен ударить вожжею наотмашь оленя по боку; буде же остановить, то потянет вожжу, и он остановится, а припряжной безо всего уже слушает левого; но чтоб назад к ездоку головой не поворачивался, то, вынув наперед шест, с угрозою приказывает, чтоб стоял прямо.

⁷⁴ Ханты шили одежду из осетровых и налиминых кож и, по-видимому, при особом голоде, использовали ее для варки так называемой бурдуки – похлебки.

⁷⁵ Шкурка, снятая с верхней части нового рога живого оленя и поджаренная на огне, считается лакомством.

⁷⁶ Женские санки (нарты) из березы делать было нельзя, так как она почиталась как священное дерево.

⁷⁷ Так называемый хорей, шест, имеющий на одном из концов костяной шарик, на другом – заостренный железный наконечник.

Зуев В. Ф. *Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772)*. М.; Л., 1947.

1774 г. – И. И. Лепехин. Записки путешествия академика Ивана Ивановича Лепехина

Иван Иванович Лепехин (1740–1802) – русский путешественник, академик Императорской Академии наук с 1771 г. Участвовал в Академических экспедициях 1768–1774 гг. Возглавил одну из трех организованных экспедиций, целью которой был сбор сведений естественноисторических, географических, этнографических, изучение состояния промышленности, торговли и земледелия в восточноевропейских провинциях Российской империи. Посетил Урал, некоторые районы Сибири. Собрал чрезвычайно ценный этнографический материал об образе жизни, нравах, обычаях, занятиях, религиозных верованиях, языке различных народностей.

От Тюменя до города Архангельска.

Сибирь повсюду славна звериными промыслами, но Тюменской округ мало к тому способности имеет, ибо на правом берегу реки Туры недостает удобных лесов, в которых бы могли держаться звери, но сие упражнение оставлено вогуличам, живущим по затурью к Пелыму и к поморской стороне.

Чтобы иметь некоторое понятие о сих к северу живущих народах, отправился я в Табаринскую слободу, лежащую при реке Тавде. Туда надобно было проезжать густыми лесами и тесными дорогами, так что и в зимнее время в одну лошадь с трудом проехать можно, а летний путь для топучих болот совсем не возможен.

О вогуличах.

Вогуличи, живущие по реке Тавде – и промышленники, и хлебопашцы, ибо Тавдинские отмыты не только сухи, но и нарочито плодородны, где у вогуличей про свое семейство довольно родится ржи и ячменя, а другаго никакого хлеба не сеют. Нет же у них ни коноплей, ни льна; но сие место занимает в их надобностях кропива, которую они осенью рвут и мочат около недели; после чего, содрав наружную кору, сушат на солнце, и, высушив, толкут в ступах, и выбивают кострику. Холсты свои не белят на воздухе, но в крепком щелоку парят несколько дней и выминают. Из кропивы делают они свои веревки, мережи и невода.

Как вогуличи сохраняют хлеб.

Для сушения хлеба не видно у них овинов, но хлеб проветривают на воздухе. Для сего ставят столбы сажень в полутора один от другаго, в которых продалбливают дыры, дабы удобно было просовывать поперечныя жерди в таком расстоянии, чтобы одна поперечина от другой отстояла не более полуаршина; все поперечины укладывают снопами, оборачивая колос на полдень. Таким образом хлеб сохраняют в зиму и просушивают.

Мельниц у вогуличей также не заведено, но рожь перемалывают в муку или на обыкновенных, или на деревянных жерновах. Деревянные жернова делают они сами. Вырубают толстой пень, которой, округлив, набивают железными лезвиями или обломками от ножей так, чтобы каждого лезвия один конец был к середине, а другой к окружности. Посредине исподняго жернова оставляют ствол, по которому верхней жернов, равным же образом лезвиями убитой, ходит. На верхнем жернове бывает рукоятка, помощью которой водят верхний жернов по нижнему. Санки, или полог, служат им вместо ящика, в которой перемолотая мука сбегает. Сколь мелка и чиста должна быть вогульская мука, говорить нет нужды: всяк ее доброту из доброты жернов понимать может.

Вогульские жилища.

Зимняя вогульская жилища, юртами прозываемыя, состоят из немногих изб, ибо они живут больше сродными семьями не в множестве, к чему их не так хлебопашество, как звериные промыслы приучили, ибо всякой семье или юрте только в своих дачах ловить

рыбу и промыслять дозволяется. Избы их весьма неуборны и худо хижены, несмотря на то что в лесах обитают. Редкую увидишь с кровлею избу, но дерн и всякой дряг составляет их крышку. Иные прямо с надворья ходят в избу, другие небольшие приделанные имеют сенцы, которые им служат вместо всяких других пригородок. Двери прорубаются большею частью с северной стороны; в каждой избе бывает по меньшей, из глины сбитой печьке и по очажку, где они свои припасы обряжают; в каждой избе по одному или по два слуховые окна, которые зимою почти всегда задвинуты, и свет в избу входит чрез четверугольное отверстие потолка, пропускающее дым из «камина». Как всегдашний дым, так и неопрятность вогуличей столь гадкими делает их хижины, что по крайней необходимости пробить в ней несколько времени должно почитать за наказание. Одни гнусные нары и поднарье составляют их спальни, кладовую и скотской двор для молодого скота. И если бы они столь рачительны были к скотоводству, сколь приобыкли к ловитве зверей, то бы спали и ели вместе со своим скотом; но множество хищных зверей в околных лесах избавляют их от сей тягости, и у самого заводного вогулича более одной лошади и коровы видеть не можно. Но чем они соседственнее живут с рускими крестьянами, тем более они опрятны и более прилежат к домостроительству. Например, в так называемом Вогульском городке, 25-ти верст не доезжая до Табаранской слободы, где вогуличей от русских крестьян как образом жития, так и во всех крестьянских приборах распознать не можно.

Вогульские звериные промыслы.

Недостаток в домостроительстве и опрятство вогулича награждают ревностию в своих звериных промыслах. Тут они не щадят ни трудов, ни покоя, но, единственным себе ловлю полагая предметом, находят в ней и свое удовольствие и содержание. Главнейший промысел у них в добывании сохатого зверя, или лося: его питаются они мясом как свежим так, и вяленным или в дыму копченым; кожу платят положенной на них ясак, из лап делают себе обувь и рукавицы, лосинною же кожу подкладывают и лыжи. Лосей следят они собаками и бьют из ружья или ловят путиками, о которых сказано будет ниже. Сей промысел может называться всегдашним, ибо за лосями и летом, и зимою ходят, а зимний их промысел большею частью состоит в белке и соболях.

Белка может быть причислена к текучему зверю и в известные годы бывает в великом множестве, так что хороший стрелок сот до пяти в осень набивает. По их приметам белка тогда великими оказывается стадами, когда ели и сосны полные и зрелые имеют шишки. Течение белки, как сказывают, наиболее с полудня на север, и тогда все поморские стороны к океану ими изобилуют; нередко случается, что и на запад течение свое имеет, и тогда проходит во внутренния российские провинции, лесами изобилующия, как-то: Каргополь и проч., а оттуда чрез смежные леса и в самую Лапландию. Проход белки на север или другую какую сторону определить нетрудно, надобно только примечать течение рек, чрез которые белка перебирается.

Колодища.

Соболиная ловля разделяется на домашнюю и отдаленную. Домашняя ловля не более 10 верст от жила находится, а на отдаленную и за несколько сот верст отъезжают. Близ своих юрт соболей следят собаками или ловят ловушками; ловушки называются колодищами и делаются следующим образом: выбирают место, где сосны или другой какой лес, а особливо кедровник, растет негусто и между коими два дерева не в дальном одно от другаго находится разстоянии, наприм., саженьх не с большим в двух. Деревя сии снизу подчищают и при одном из них вбивают кол, котораго верхний конец разщеплен, длиною в сажень или более. На другом дереве делают также разщепье, в таком от корня разстоянии, сколь высок кол. Как конец кола, так и разщепье соединяют жердью, которая бывает неподвижна. Сверх сей жерди прилаживают другую жердь, у которой один конец стесан на косо, а другой истончен, чтобы в разщепине дерева свободно подыматься и

опускаться могла. Близ конца жерди на тоненькой веревочке привязывается сторожок, а на нижней язычок, к концу которого на силке прикрепляют притраву, к чему большею частью рябковое мясо употребляется. Когда настараживают колодицу, ставят сторожок в зарубинку язычка так, чтобы гнет верхней жерди был в равновесии с язычком и притраву. Но, чтобы соболь не покушался доставать притравы с верхней жерди и тем бы не уронил настороженной колодицы, сверху накладывают легкой хворост, которой соболя принуждает сойти между обеих жердей и, доставая притраву, нарушить равновесие, отчего сторожок выскакивает и верхняя жердь своим падением пришибает соболя.

Другие способы бить зверей.

Если случится им приметить след такого зверя, которой описанною ловушкою ушибен быть не может и укараулить его трудно, то по сторону следа делают низкия сошки, на которые ставят заряженные пищали, взведши курок к язычку, привязывают симку, протягивая оную поперек следа и привязывая к колышку в таком напряжении, чтобы зацепившейся за симку зверь мог спустить курок, отчего ружье само собою выстреливает и убивает; но, чтобы порох не мог быть подмочен снегом, покрывают замок сверху берестою, а снизу подстилают сено. В чащах, где бегают звери, настараживают прямые ножи или обломки кос, чтобы сорвавшийся нож порол зверю брюхо.

Отрава зверей.

Для волков и лисиц делают отравы из сулемы, смешав оную с коровьим маслом и начинив оною мясо. Сей есть самой обыкновенной род отравы; но есть еще и другой, которой надежнейшим почитается, однако не всяк его употреблять может. Всякому известно, что целибуха в числе главнейших ядовитых тел считается; оную, превративши в порошок, смешивают с молоком и поят голодную собаку или другое животное, которое потом бросают в лесу для притравы, и сказывают, что, когда какой зверь хотя мало съест из отравленного животного, никогда не избегнет смерти.

Как домашний, так и отдаленный красного зверя промысел начинают вогуличи в исходе ноября месяца, в которое время всякой зверь полную имеет ось. На дальней промысел пускаются они артелями человека по три и по четыре, взяв с собою собак и все нужное к содержанию своему, где, малыя построив шалаши, почти чрез всю зиму лесуют. Глубокие снега и дремучие леса преодолевают они на лыжах, а припас свой на особенных возят санках, нарта называемых.

Нарты.

Нарты бывают узкия сани длиною сажени в две, полозья широкия и тонкия с тремя длинными копылами; головашки соединяют не прямым, но в дугу изогнутым вязом; дно нарт составляет или береста, или тонкия драницы. Чрез верх копылов даже до головашек привязывается тонкая жердочка; бока саней переплетают тонкими веревочками, чтобы поклажа не выпадала. Промышленник, идучи на лыжах, тянет за собою нарту за привязанную к головашкам веревочку; но, чтобы сани удобнее можно было поворачивать и поправлять, с левой стороны нарты за первой копыл прикрепляют короткую и тонкую оглоблю, которую так способно можно править и поддерживать нарту, как кормщик поворачивает судно сопцом.

Зверская жизнь приучила их всякую сносить суровость, и во время лесованья, когда не станет припасов, не спускают они мясу всякаго животного, какое им попадет, притом или отдаленность их, или природная привычка довела до того, что они не только на лесованье, но и в своих юртах соли совсем не употребляют. Другой, в нашем общежитии необходимо нужной вещи – серы – также не знают, но добывают огонь или помощью мелкой сухой осоки, или мелкаго сушенаго мху и, присекши искру к труту, в оном огонь раздувают. По их речам сему средству научила их осторожность в промыслах, потому что всякой зверь издали слышит серной запах и бежит прочь.

У вогуличей, так как у всех промышленников, многия есть приметы удачного и неудачного промысла; по их приметам та осень обещает им изобильной соболиной промысел: 1) когда с начала оныя крутые приходят морозы и укрепляют земную поверхность, а после того довольной нападает снег; 2) когда хороший бывает род тетерям и куропаткам; 3) когда изобильно плодятся бурундуки, или когда во множестве появляется белка. Что до первого надлежит, то сие происходит оттого, что промерзлая земля везде делает им беспрепятственной путь чрез болоты и вогуличи в самую лесную дичь пробраться могут; изобилие упомянутых животных приманивает множество соболей, потому что соболь, будучи хищной зверь, всеми сими животными питается. Выходит он на добычу в ясные дни или, по крайней мере, когда бывает оттепель, а в великия вьюги и морозы сидит в своих гнездах, которыя большею частию делает в дуплах кедровника. Естьли примета промышленников справедлива, то из плодородия соболей можно предузнавать и изобилие других зверей, а особливо служащих соболям снедию; сие весьма удивительно и служит к познанию равновесия в естественном уставе. Вогуличи заподлинно уверяют, что соболи к изобильным в звероловстве годам приносят по шести щенков, а в другие годы только по два и по три.

Вогуличи с 722 года, в котором они просвещены крещением, совсем стали отменны, и право христианства сделало их свободными брать за себя русских девок, отчего редких, по крайней мере по реке Тавде, можно видеть, у которых телосложение прежней их природе соответствующее осталось; мало между ими видно взрачных, но все небольшого роста, скуласты, одутловаты и несколько к калмыкам подхожи, но только не так черны. Природныя их свойства кажется более приличествуют мокротным людям, но звериные промыслы делают их поворотливыми и проворными. Сие в них отменное, что мушины большею частию безбороды, и таких бородачей, каковы русские крестьяне, и с Диогеновым фонарем не сыщешь; но соседство и обращение с рускими ввели у них и рускую одежду, и мушины от одежды русских крестьян никакой отмены не имеют, притом или за неимением овец, или, может быть, по незнанию их в рукоделиях все к одежде принадлежащее покупают у русских мужиков. Женской их убор несколько к чувашскому подходит и состоит из толстаго белаго кропивнаго балахона; голову повязывают платками, а зимою носят сверху малахай; девки заплетают косы и ходят повязавшись повязкою, унизанною разноцветным бисером.

О древнем их законе ничего точнаго выведать я не мог; но сие только сказывают, что дерево лиственница была в числе обожаемых ими вещей, а по какой причине, того не знают; может быть, что они от лиственницы видели больше выгод, нежели от другаго какого дерева. С лиственницы собирают они клей и употребляют как на домашния поделки, так и на снаряд охотничий. Притом лиственничная сера служит вогуличанкам вместо лекарства и вместо лакомства, которыя, так как башкирки, часто ее жуют, и сказывают, что от серы бывает чист рот, белеют зубы и всякая нечистота во рту очищается. Некоторыя приметы, до звероловства касающияся, может быть, от древняго их суеверия происходят; всякой промышленник, когда собирается на промысел, берет с собою какую-нибудь вещь для счастья, например из чурки выделанную колодицу с пришибленным сободем или в капкане пойманнаго зверя и сему подобныя другия. Оную вещь столь долго хранят и почитают, пока бывает удача в промысле; в противном случае бросают с презрением, ломают и ругаются ей так, как вредной вещи, придавая ей прозвание шайтана, то есть обладаемой нечистым духом. Из чего заключать можно, что праотцовская их вера уподоблялася верам других многих диких народов, почитающих ту вещь за свято, от которой какой-нибудь себе пользы надеются.

Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук. СПб., Т.5. 1822. С. 20–33.

1786 г. – П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи

Петр Симон Паллас (1741–1811) – русский естествоиспытатель и путешественник. В 1767 г., после избрания членом Петербургской Академии наук, переехал из Германии в Россию. В 1768–1774 гг. возглавил Академическую экспедицию для исследования юго-восточной окраины России, Урала и Сибири, итоги которой были обобщены им в труде «Путешествие по разным провинциям Российской империи». В 1793–1794 гг. совершил второе путешествие в Поволжье, на Северный Кавказ и Приазовье, а затем много лет жил в Крыму. Во время путешествий собрал огромный материал, который лег в основу исследований в области географии, ботаники, зоологии, геологии, палеонтологии и этнографии.

Версты с три от рудника наехал я вогульские юрты, россианами по имени начальниковой вместе живущей семьи Силагородков, а самыми вогульцами по ручью, над коим они оселились, Тариатнул называемые. Пробыв на горе допозда и равно желая осмотреть и образ жительство сих по пустыням обитающих вогульцев, переночевал я у них. Живут они обыкновенно по лесам семьями или роднею вместе; и каждая семья присвоивает своему владению столько земли, сколько окрестные соседи за ловлею объезжать им позволяют. Не имея, кроме охоты, другаго упражнения, принуждены они по необходимости рассеиваться сколь можно одна семья от другой далее и не жить деревнями, ибо в таком случае не было бы для их прокормления довольно пищи. Хотя они ловлею соболей и протчей дичи довольно богатеют, однако ж лошадей не держат и потому, что в сих непроходимых и болотистых лесах выгоднее ходить пешком, и потому что нет довольно числа пастбищ, да и медведей столь много, что невозможно охранить лошадей от их гонения. Богатые держат несколько коров, кои с женами их всегда остаются в юртах; и вот весь их домашний скот, ибо редко кто и собак имеет, напротив того, обогатило их естество в сих пустынях множеством диких зверей, между коими лоси главнейшее их составляют довольство. Каждая вогульская семья в округе своего владения заняла на выгодном месте изгородку, простирающуюся в лес иногда до двенадцати и более верст и состоящую либо из одного токмо плетня, либо из молодых сосен и елей, между засек насажденных. Они крепко стерегут, чтоб сии изгородки были безопасны, и наблюдают прилежно, чтобы в тех местах, где оные поставлены, никто ни сена не косил, ни дерева не рубил, ни селился, ниже своровал бы уловленной дичи. В некотором разстоянии пущены отверстия и по оным или разставлены напряженные творила, или покопаны ловчие ямы для поимки проходящих зверей. Случается, что в такая ямы впадает лосица с детьми. Попадаются туда ж нередко и бегоолени [Rangifer]. Большею частию употребляют к сему вогульцы разставленные напряженные луки, Гмелином исправно описанные. Лосьи кожи и мехи отдают вогульцы отчасти в казну в число подати, а отчасти остаток продают. Мясо, естели свежаго не поедят, режут полосами и вялят на воздухе или коптят в дыму без соли, и оно либо вареное, либо сухое составляет обыкновенную их пищу. Естели же по нещастию долгое время не поймают они зверя, а наличных не станет, то брошенные тогда кости толкут, в кипятке варят и питаются сею ухую; но таковая нужда случается им очень редко, ибо, кроме ловли зверей, стреляют они из луков и ружей, будучи все почти оными снабжены, разных птиц; а буде близко есть рыболовные реки, то сетью и городьбою ловят рыбу и для того держат чолны российские из выдолбленного дерева или свои из березовой коры, которую они лосинными жилами сшивают и смолою пахтают. Кроме мяса, кедровых орехов и растущих по болоту ягод, не употребляют они никакой пищи; однако ж в середине болота в холодном и лесном климате здоровы и не страдают скорбутом; даже и употребления других домашних съестных припасов не знают. Может быть, неупотребление соли, коей они ни в какую не кладут пищу, и привычка к климату споспешествует немало их здоровью, но за всем тем не доживают они до поздней старости. У россиан покупают они с охотою муку, печеной хлеб и лепешки; а еще охотнее горячие

напитки. Теперь довольствуются и всем одеянием от русских, так что едва уже кто из них умеет чинить свои пушные кафтаны. Лосьи лапы у их служат вместо перчаток, которые вымазывают вареным рыбьим жиром и мнут в руках, покуда сделаются мягкими. На лыжи зимою для ловли употребляют лосью кожу, которую, обмочив, наклеивают или жагрою [смолою из лиственничного дерева], или собственно у их приготавливаемою из оленьей крови и муки или толченого лосья рога смесью, которая должна простоять одну ночь в жаркой печи.

Все почти вогульцы ростом малы, нежны и лицом, выключая белизну, несколько на калмыков похожи. Лица у них по большей части круглы, и у женскаго полу, к любви склоннаго, не неприятны. Волосы обыкновенно длинные и черные либо темно-русые; у редких же борода несколько рыжевата, волосы светлы. Все они носят небольшую бороду, которая нескоро и поздно вырастает. Одеяние жен их состоит в белом верхнем халате, из толстаго холста сшитом и до земли достигающем, голову обешивают платом, а под оным повязываются черною, бисером унизанною повязкою. Девки ходят с открытыми волосами и, по рускому обыкновению, заплетают в одну косу, ибо они уже почти все от русских перенимают, даже и руские пляски предпочитают своим. Собственные их танцы составляют краткое тесно сжатых ног движение двух, один против другого, рядом или кружком стоящих плясунов; причем они обыкновенно один к другому оборачиваются спинами и, держа обоими руками вверх белые платки, как оными, так и головою делают различныя страсти, выражающия представления, и мерныя движения. Музыкальной обыкновенный инструмент, при сем случае ими употребляемый, подобен арфе и называется шонгурт; он имеет образ маленькой лодки, на коей подставка и шесть струн, на круглой валиок наверхенных, посредством же маленьких колочков натягиваемых и строимых. Игрок, держа сей инструмент пред собою на коленях, левою рукою ударяет бас, а правую выводит голос; слог в песнях прост, но согласен и по вкусу татарскому. Сколько из сочиненнаго словаря мог я видеть, то уподобляется их язык финскому; но и между ими различныя есть наречия, так что вогранцы, над Сосвою обитающие, отличаются от сих под Турьею живущих и флегматических вогульцев не только выговором, которой краток и мужествен, но и многими словами и выражениями.

Зимняя к российским избам еще не приобыхших вогульцев юрты четверугольныя, деревянныя, без кровли и дверью к северу или востоку. Влево от дверей на середине наугольной стены стоит низкая печь, близ оной «камин», а над сим в потолке четверугольная продушина, коею и дым выходит, и свет входит. К третьей стене, против печи, примощена скамья для постели, а к четвертой стене скамья, где сидят. Пред жилою избою [юртою] бывають обыкновенно сени, иногда и покрытыя, в коих хранятся домашние припасы и утварь, состоящие по большей части в бочках и чванах, выделанных из пней или коры, коя служит им на весьма многия надобности. Делают из оной мушины посуду на кушанье и питье, а женщины продолговатыя колыбели наподобие корыта, которыя оне с маленькими ребятами либо в юртах вешают, либо за спиною носят. Из верхней тонкой березовой коры, прежде вываренной и вычищенной, сшивают они тетивую изрядные ларчики, выложенные и украшенные щепьми и стружками, в коих прячут свое шитье и протчия мелочи. Летом живут они редко в юртах, но по большей части в балаганах, пред которыми по причине несноснаго беспокойства от комаров и оводов безпрестанной курят дым; а с ними в соседстве ходит их и скот. Как постройка таковых балаганов весьма скоро (ставят колышки, а верх оных покрывают сшитыми берестами) и легка, то летом они почти везде в лесу, как дома.

Не мог я точно и достоверно изведать о древней их вере, ибо они теперь продолжающееся еще свое суеверие вовсе скрывают, и притворно называются христианами. Но ето верно, что древнее суеверие в их не совсем еще вывелось, а особливо что касается до воображаемых истуканов, ловле якобы споспешествующих. Сказывают, что они к вспомоществованию в ловле лосей, соболей, и проч. различных призывают идолов, коим сих зверей жертвуют. Говорят, что над Сосвою близ юрт богатаго вогульца Денежкина

стоит высеченной из камня волень [лосей теленок], о чудесной коего окаменелости разные носятся между вогульцами басни. Над сим истуканом построена особая юрта, и вогульцы приходят из далеких стран молить его жертвоприношением и небольшими подарками о щастливой ловле. Есть у них идолы и по образу человеческого. Между оными бывают деревянные, у коих вместо глаз вставлены дробинки, или королки. С год тому, как некоторые рудоискатели нашли в выгоревшем урочище между Сосвою и Лобвою на высокой сосне из меди вылитаго истукана в образе человеческого с охотничьим копьем, который, без сомнения, был вогульским идолом. Вогульцы, прежде их к вере христианской обращения, ставили идолов своих обыкновенно в каменных ущельях на высоких и крутых каменных горах, а притом и на высоких соснах, чтоб тем самым при поклонении возбудить к ним священный страх. Повыше ручья Шайтанки над Лобвою есть и теперь в известковой горе пещера, по священному вогульцев храму известная. Сказывают, что лежат в оной многия от жертвоприношения оставшия кости, а иногда сыскивают тамо маленькие образа, медныя кольца с вырезанными изображениями и сему подобное, что все вогульцы, от россиян покупая, скрытно за идолов обожают. В сей части Сибири много ручьев, гор и урочищ, известных под именем Шайтанка или Шайтанская, понеже тамо вогульцы идолопоклонствовали и идолы их от россиян общим наречием шайтан назывались.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1786. С. 326–333.